
DE RATMANOFF

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ О МОРЕХОДСТВѢ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ

Начало онаго у всѣхъ народовъ, успѣхъ, нынѣшнее состояніе, и морскіе какъ древніе, такъ и новѣйшіе походы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переведена

съ Французскаго Подлинника при Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ

Надворнымъ Совѣтникомъ Семеномъ Бобровымъ.

Печатано въ Морской Типографіи 1808 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ МОРЕПЛАВАНІЯ.

КНИГА ОСЬМАЯ

О МОРЕХОДСТВѢ РИМЛЯНЪ

Со временъ третїей Пуническои войны до Царствованїя Августа.

Со времени паденія Карѳагена начали приходить въ упадокъ и Римскія добродѣтели. До сихъ поръ въ Римлянахъ примѣчались единственно великіе примѣры мужества, благоразумія и честности. Послы и Министры ихъ производили переговоры свои съ чистосердечіемъ, не вѣдая ни уловокъ придворныхъ, ни тонкостей политики имѣющей нужду токмо въ обольщеніи другихъ, дабы довесть ихъ до своей цѣли. Даже въ самыхъ сраженіяхъ ихъ господствовало праводушіе; военныя хитрости, нечаянные нападенія, притворное бѣгство совсѣмъ не извѣстны были между ими. По мужеству своему любя дѣйствовать открыто, полагались болѣе на свою храбрость, неустрашимость и единодушіе, нежели на воинскіе ухищренія. Презрительнымъ окомъ взирая на пронырства Карѳагенянъ, и коварство Грековъ, они хотѣли одерживать, а не татьскимъ образомъ похищать побѣды. Но съ тѣхъ поръ, какъ разрушенъ Карѳагенъ, Римляне стали перенимать у всѣхъ завоеванныхъ ими народовъ пороки. Югурта, Король Нумидійскій, не въ силахъ будучи побѣдить ихъ оружіемъ,

предуспѣлъ побѣдить золотомъ. Онъ подкупя Сенатъ подарками, доказалъ, что Римское воинство не совсѣмъ было непреодолимо. Несправедливыя брани, безчеловѣчныя битвы, покупаемыя, либо злодѣйствами оскверняемыя побѣды, непомѣрное и продерзское любочестіе, и наконецъ завоеватели разторженныхъ собственными ихъ руками народовъ представляютъ все послѣдствіе Римской исторіи; однако и сквозь сіе столь мрачное смѣшеніе, кажется, еще проблескиваютъ временно нѣкіе лучи, нѣкіе слабые остатки строгой добродѣтели образовавшей иногда златое время Рима, коей нѣкоторыя черты можно усмотрѣть въ слѣдующемъ повѣствованіи о мореходствѣ Римлянъ.

По разрушеніи Карѳагена и Коринѳа, равно какъ и по разбитіи Югурты, Римляне имѣли страшнаго непріятеля въ Митридатѣ, Царѣ Понтійскомъ, величайшемъ и могущественнѣйшемъ того времени Государѣ. Онъ содержалъ у себя знатное морское ополченіе состоявшее въ 400 корабляхъ, и былъ обладателемъ моря отъ Киликіи даже до Іоническихъ водъ. Въ теченіи сорока двухъ лѣтъ воюя съ Римлянами, онъ противоборствовалъ Силлѣ, Лукуллу и Помпею. А какъ намѣреваясь подчинить себѣ Азію, и подавать законы Европѣ, вѣдалъ, что одни только Римляне могутъ уничтожить его замыслы: почему и предпріялъ съ начала низложить ихъ могущество въ такомъ увѣреніи, что ежели сіе удастся ему; то легко уже будетъ тогда удовлетворить своему честолюбію. Ради успѣшнаго дѣйствія принялъ онъ самыя благоразумныя мѣры, каковыя только великій Полководецъ въ состояніи употребить. Привлекши къ себѣ знатное число морскихъ разбойниковъ, склонилъ на свою сторону Циклады, Делосъ, Еввею, и всѣ Азіатскіе города, ненавидѣвшіе Римлянъ ради непомѣрной ихъ

власти. Одни только Родосцы не могли Митридатомъ быть поколеблены въ вѣрности къ Римлянамъ. Сіе то самое понудило его обратить оружіе противъ нихъ, и начать уменьшеніемъ силы Римлянъ у ихъ союзниковъ. И такъ онъ приближился къ ихъ острову со многочисленнымъ морскимъ ополченіемъ, самъ будучи на пятиярусной галерѣ. Обозрѣвъ свои корабли, и возбудивъ во всѣхъ рвеніе, поставилъ флотъ свой въ одну линію, дабы обступить вышедшіе въ небольшомъ числѣ Родосскіе корабли.

Родосцы сколько полагаясь на доброту своихъ судовъ, столько и на искуство въ мореходствѣ, искали токмо случая къ сраженію; но коль скоро узнали Митридатово намѣреніе: то и заперлися въ своей гавани. Царь Понтійскій послѣ тщетныхъ покушеній ворваться къ нимъ, высадилъ войска свои на берегъ. Родосцы по временамъ высылали легкіе суда, которые много тревожили флотъ его, и между прочимъ отрядили двухъярусную галеру для нападенія на одинъ корабль. Отъ сей частной битвы произошла всеобщая, и дѣйствіе началось повсюду. Родосцы желая малочисліе флота своего наградить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только могла способствовать опытность въ мореплаваніи, доказали тогда все свое превосходство. Они разбивъ нѣсколько непріятельскихъ кораблей, увели съ собою въ гавань одно трехъярусное судно съ немалою добычею, и военными машинами; но вдругъ хватившись пятиярусной своей галеры, и не нашедъ ее, тотчасъ отрядили шесть легкихъ судовъ подъ начальствомъ Дамагора для возвращенія оной, во что бы то ни стало. Митридатъ противъ сихъ шести судовъ послалъ 25 своихъ. Дамагоръ чрезъ цѣлый день проманивалъ ихъ ложнымъ отступомъ. Подъ вечеръ вдругъ поворотя съ берегу, пустился съ жаромъ на преслѣдующіе его корабли. Два изъ нихъ затопивши, погнался

за двумя другими бѣжавшими въ Ликію, и при помощи ночи возвратился въ гавань. Удачность сего сраженія привела обѣ стороны въ оплошность потому, что Царь Понтійскій почиталъ себя столько сильнымъ, что не имѣлъ причины страшиться послѣдствія битвы, а Родосцы не находили себя столько могущими, чтобы ласкаться побѣдою.

Спустя нѣсколько дней послѣ того флотъ Митридатовъ состоящій изъ галеръ и большихъ судовъ, на которыхъ отправлялось къ нему сухопутное войско, претерпѣлъ бурю. Родосцы пользуясь такимъ нещастіемъ, устремились на сіи корабли, взяли одну часть въ полонъ, другую потопили, а остальную сожгли. Митридатъ чрезвычайно будучи симъ пораженіемъ огорченъ, и раздраженъ наипаче въ гордости своей, клялся совершеннымъ разрушеніемъ Родоса. Онъ хотѣлъ ихъ выманить на сраженіе; но немогши получить желаемаго, рѣшился осадить городъ. Учиня для сей осады великія распоряженія, поставилъ на двѣ галеры огромныя стѣнобитныя машины; однако всѣ сіи усилія были уничтожены противоборствомъ Родосцовъ; онъ снявъ осаду, удалился назадъ.

Митридатъ желая вознаградить столь худой успѣхъ похода, обратилъ оружіе свое противъ Греціи, и учинилъ быстрые завоеванія. Силла на подобіе молніи тотчасъ полетѣлъ изъ Рима, дабы остановить его стремленіе. Онъ опять взялъ Аѳины, раззорилъ Пирею, выгналъ изъ Эввеи и Віотіи гарнизонъ его, внесъ военное пламя даже въ Азію, и конечно бы довелъ Митридата до послѣдней крайности, естли бы не столько тщился поспѣшать торжествованіемъ, сколько утвердить свою побѣду. Силла за неимѣніемъ кораблей ни чего не могши произвести на морѣ, вѣдалъ, сколь необходимо имѣть флотъ для сопротивленія такому непріятелю, котораго преимущественная сила состояла въ морскомъ ополченіи; и потому приказалъ Лукуллу

изготовить флотъ. Кипрскіе, Финикійскіе, Родоскіе, и Памфилійскіе корабли составляющіе оной, немѣдленно посланы были для раззоренія непріятельскихъ береговъ, и для нанесенія вреда Митридатовымъ эскадрамъ. Наконецъ Силла съ такою отважностію напалъ на сего Государя, что понудилъ его заключить миръ на тягостныхъ условіяхъ. По силѣ сего трактата Митридату надлежало довольствоваться одними предѣлами Понтійскаго Царства, и уступить Римлянамъ семдесятъ кораблей бывшихъ подъ управленіемъ флотоводца Его Архелая, по совершеніи чего первая Митридатская война была окончана.

Митридатъ заключа съ Римлянами таковый миръ единственно изъ принужденія, захотѣлъ нарушить оной, и первымъ представившимся ему къ тому случаемъ воспользоваться. Силла долженствуя возвратиться въ Римъ для уничтоженія дѣлаемыхъ противъ него заговоровъ, вручилъ начальство надъ Азіатскимъ войскомъ Муренѣ. Сей жадный къ славѣ полководецъ искалъ всякихъ способовъ къ продолженію войны. При такихъ обстоятельствахъ Митридатъ отправилъ сильный флотъ въ Восфоръ для отмщенія отпадшимъ отъ него тамошнимъ жителямъ. Флотоначальникъ его Архелай, бывъ подозрѣваемъ симъ Государемъ, присталъ къ Муренѣ, и предуспѣлъ искуснымъ образомъ увѣрить его, что вооруженіе Митридата производимое подъ предлогомъ мщенія Восфорцамъ клонилось единственно на Римлянъ. Довольно было сего къ раздраженію Римскаго Полководца, и непріятельскія дѣйствія тотчасъ начались съ обѣихъ сторонъ. Митридатъ отправя сухимъ путемъ сильное пехотное войско, разбилъ Мурену, и обратилъ его въ бѣгство. Поведеніе сего послѣдняго было въ Римѣ опорочено; миръ снова заключенъ съ Митридатомъ, и тѣмъ прекратилась сія продолжавшаяся три года война.

Силла столько разъ бывъ побѣдителемъ Митридата, не смотря на дальнее свое отбытіе, содержалъ его въ страхѣ. По смерти его Царь Понтійскій захотѣлъ воспользоваться тогда возмутившими Римъ раздорами, и нанести ему войну. Сей разъ онъ производилъ ее открытымъ образомъ безъ соблюденія мѣръ, чувствуя, что ему уже не оставалось другихъ лестныхъ чаяній. Онъ собравъ 140000 пѣхоты и 17000 конницы, въ короткое время пріобрѣлъ довольно великіе успѣхи. Разбивши Римскаго полководца, Котту, погнался за нимъ даже до Халкидоніи, гдѣ разорвавъ запиравшую гавань цѣпь, сожегъ у него четыре корабля, а шестьдесятъ взявъ въ полонъ, и привязавъ ихъ къ кормамъ судовъ своихъ, увелъ съ собою. Римляне пробудясь отъ такой щастливой дерзости Митридата, послали противъ него Лукулла. Сей Консулъ имѣвъ у себя около 32000 человѣкъ войска, пошелъ искать его воинство, которое тогда еще болѣе умножась, простиралось до 300000 человѣкъ. Царь Понтійскій напыщенъ будучи первыми своими успѣхами, осадилъ Кизикъ, нападая на него съ моря и суши. Онъ считая сей городъ вторымъ Римомъ, думалъ, что со взятьемъ его удобно будетъ ему завоевать и другой. Почему велѣлъ подвести къ гавани нѣкоторую построенную на двухъ пяти ярусныхъ крѣпкихъ корабляхъ башню, съ вершины коей тотчасъ былъ опущенъ тогда мостъ, такъ что одинъ край его легъ на городскую стѣну; однако жители бросая великое множество горючихъ веществъ на сію машину и корабли, принудили ихъ отступить. Между тѣмъ Лукуллъ видя, что Митридатъ съ неописанною яростію и остервенѣніемъ нападалъ на городъ, предуспѣлъ посредствомъ одного искуснѣйшаго ловца увѣдомить жителей о немѣдленной помощи своей. — Нѣкто изъ его воиновъ отважился посредствомъ пузыря пробраться въ плавъ сквозь непріятельскіе корабли, которые сочли его

тогда за нѣкоторую рыбу, или чудо морское. Наконецъ Консулъ перехваталъ всѣ назначенные для Митридатова войска съѣстные припасы, и чрезъ то произвелъ въ его лагерѣ голодъ, за которымъ послѣдовавшая вскорѣ моровая язва принудила Митридата снять осаду.

Лукуллъ послѣ сего похода собравъ столько кораблей, сколько было возможно, отправилъ одну часть подъ предводительствомъ подвѣдомыхъ себѣ полководцовъ для овладѣнія городовъ Апамея и Прузы, а съ остальною самъ поѣхалъ въ Троаду, и при Ахейской Гавани отбилъ у непріятелей 13 кораблей. Потомъ достигши до нѣкоего пустаго острова по близости Лемноса, обступилъ засѣдшихъ тамо трехъ Митридатовыхъ полководцевъ Варія, Александра, и Дениса. Когда онъ велѣлъ въ передъ двинуться двумъ своимъ кораблямъ, и принудить ихъ къ сраженію; то сіи полководцы желая отъ того уклониться, сошли на берегъ, и намѣрены были тамъ обороняться. Консулъ высадя также свои войска на сухой путь съ приказаніемъ захватить ихъ съ тылу, принудилъ чрезъ то ихъ опять сѣсть на суда, которые не могши пуститься въ открытое море, плавали только около береговъ острова. Такимъ образомъ они будучи стѣснены съ моря, и суши, принуждены были здаться. Всѣхъ сихъ трехъ плѣнныхъ полководцевъ постигла различная судьба. Денисъ избѣгая стыда быть привязану къ побѣдителевой колесницѣ, отравился ядомъ; Александръ же былъ оставленъ въ живыхъ для украшенія Лукуллова торжества; а дабы не пронеслась молва, что Римскій Сенаторъ подвергся такой же постыдной участи: то Консулъ приказалъ Варія умертвить.

Извѣстіе о пораженіи и плѣнѣ сихъ трехъ военачальниковъ столько устрашило Митридата, что онъ опасаясь, дабы Лукуллъ не добрался по очереди и до него, направилъ путь моремъ къ Понту; но флотъ его состоявшій изо ста судовъ

претерпѣлъ столь ужасную бурю, что шестьдесятъ изъ нихъ погибло; прочіе же разсѣялись, да и на томъ самомъ кораблѣ, гдѣ находился Государь, произошла такая отвсюду течь, что онъ принужденъ былъ спасаться на одномъ разбойничьемъ суднѣ. Лукуллъ вторично разбивъ сухопутное Митридатово войско, отправился въ Понтъ, и овладѣлъ тамо приморскими городами. Въ то время, какъ онъ осаждалъ Синапу, тамошніе жители сожегши всѣ свои большіе корабли, убѣжали на легкихъ судахъ. Оттуда Лукуллъ устремился въ слѣдъ за Митридатомъ укрывавшимся тогда у зятя своего Тиграна, Царя Арменскаго. Сей послѣдній собравъ двѣсти пятдесятъ тысячь человѣкъ войска, выступилъ противъ Римлянъ. Историки пишутъ, что сей Царь увидя столь малое ихъ число, сказалъ сіи слова:—*Ежели они пришли въ качествѣ Римскихъ Депутатовъ: то число ихъ съ лишкомъ велико; будеже пришли, какъ враги: то число ихъ недостаточно.*—Не взирая однако на таковое его превосходство и величавость, Лукуллъ разбилъ его вконецъ.

Изъ сего можно видѣть, что Римскій Консулъ употребилъ на сей войнѣ все то, что надобно было ожидать отъ искуснаго военачальника; но слава завоеванія всѣхъ Митридатовыхъ областей предоставлена была Помпею. Сей Полководецъ дѣйствительно поразивъ его на порядочномъ боѣ, и повсюду тѣсня, и даже преслѣдуя до отдаленнѣйшихъ мѣстъ Азіи, довелъ его до послѣдней крайности. Онъ сею войною пріобрѣтши имя великаго военачальника, и окончивъ оную, возвратился въ Римъ наслаждаться блистательными почестями самаго великолѣпнаго и неслыханнаго дотолѣ торжества. Тогда приведено было имъ семь сотъ полоненныхъ непріятельскихъ кораблей, а по численію всѣхъ отнятыхъ у разныхъ побѣжденныхъ народовъ добычь

съ прочими корыстями приведено было имъ восемьсотъ кораблей взятыхъ какъ у Митридата, такъ и его союзниковъ.

Послѣдовавшая по *Митридатской* брани съ морскими разбойниками война доставила Помпею безсмертное имя *Великаго*, каковое онъ уже и пріобрѣлъ въ предъидущей войнѣ. Варвары с начала бывъ уполномочены Митридатомъ, и повсюду разсыпавшись, дѣлали великіе опустошенія по всѣмъ морямъ. Карѳагеняне и Коринѳяне по испроверженіи ихъ городовъ увеличили собою число сихъ разбойниковъ; а своемысліе и необузданность сопряженная съ легкими пособіями къ обогащенію себя, до чрезвычайности умножила ихъ станицы. Съ начала были у нихъ только барки, потомъ чрезъ послабленіе и ненаказанность они учинившись гораздо дерзостнѣе, завели уже разной величины корабли; подѣлали для себя буяны, пристани, сборные мѣста и оружейные хранилища; напослѣдокъ вздумали составить изъ себя нѣкоторый родъ республики съ собственною дисциплиною и узаконеніемъ. А какъ ненавистное имя разбойниковъ, подъ видомъ коихъ они еще продолжали свое ремесло, показалось имъ оскорбительно: то они приняли званіе *наемныхъ ратниковъ*. Также назывались они и Киликіанами, потому что Киликія была у нихъ какъ бы столицею владѣнія. Всѣ оставленныя крѣпости на берегахъ пустыхъ острововъ, и едва проходимые рейды были подъ ихъ властію, и служили имъ пристанищами и убѣжищами. Опустошаемые непрестанными ихъ высадками поля оставались невоздѣланными; мореплаваніе пресѣклось, и торговля совсѣмъ была разстроена. Города получавшіе морскимъ путемъ себѣ продовольствіе, терпѣли во всемъ оскудѣніе и нужду; никто не осмѣливался учинить на нихъ нападенія; и повидимому никакъ не возможно было удержать стремленія такого зла, которое казалось тогда неотвратимымъ.

Между тѣмъ Римъ открылъ себѣ глаза, и уже важнымъ образомъ помышлялъ отвратить сію напасть. Вскорѣ сильный флотъ подъ предводительствомъ Публія Сервилія отправленъ былъ противъ морскихъ разбойниковъ. Сей флотоначальникъ переловя ихъ бригантины, очистилъ на нѣсколько времени отъ нихъ моря; но едва только удалился; то они и начали снова дѣлать набѣги съ большею противъ прежняго наглостію. Тогда посланъ былъ Помпей для совершеннаго ихъ искорененія. Сей великій Полководецъ собравъ для сего случая около пяти сотъ разной величины кораблей, раздѣлилъ ихъ на Эскадры, и поручилъ начальству подвѣдомыхъ ему Генераловъ. Тиверій Неронъ расположился въ Гишпанскомъ морѣ до самыхъ столповъ Геркулесовыхъ; М. Помпоній отряженъ былъ въ Гальское и Лигурійское море; Л. Аппалій долженъ былъ разъѣзжать у Африканскихъ, Сардинскихъ и Корсиканскихъ береговъ; Л. Геллій и Кн. Лентулъ посланы для разъѣздовъ на разныхъ водахъ близь Италіи и Сициліи; Плоцій и Теренцій Варронъ отправлены въ Іоническое море; Л. Цинна въ Пелопонисъ, Аттику, Эввею, Ѳессалію, Македонію, и Віотію; Л. Куллій въ Эгейское море и въ Геллеспонтъ; П. Пизонъ въ Виѳинію, Ѳракію, Пропонтидъ и Черное море; Метеллъ въ Ликійское, Памфилійское, Кипрское и Финикійское моря. Таково было по описанію Аппіана распоряженіе Помпея; по увѣренію же Флора оно было со всѣмъ иначе; но сія разнота по нашему предмету не составляетъ большой важности. Всѣ сіи Генералы распредѣлены были такимъ образомъ, что другъ другу могли подавать помощь, а самъ Помпей находился какъ бы въ нѣкоторомъ средоточіи, дабы удобнѣе было ему разсылать свои повелѣнія. Разбойники охвачены будучи въ одно время со всѣхъ сторонъ, были опровержены, разбиты, и вскорѣ принуждены

просить у победителя милости. Такимъ образомъ Помпей очистилъ моря, совершивъ сей быстрый подвигъ неболѣе, какъ въ сорокъ дней. Сей походъ былъ тѣмъ благополучнѣе, что Римляне тутъ не потеряли ни одной капли крови, ниже одного корабля; плоды же онаго были столь важны, что торговля возвратила себѣ прежнее цвѣтущее состоянiе, всеобщее спокойствiе востановилось, обилiе паки водворилось повсюду, и что наконецъ Кипрской и Критской острова, равно какъ и Маiорка и Минорка покорились Римской республикѣ.

Сiе знаменитое произшествiе по истиннѣ достойно было всѣхъ тѣхъ памятниковъ, каковые тогда въ Римѣ съ толикою ревностiю были сооружаемы. Для вѣчной же памяти онаго были выбиты также медали. (*)

По обладанiи Африки и Азiи оставалось только Римлянамъ насытить любочестiе свое завоеванiемъ Галлiи, Германiи и Англiи, которое предоставлено было уже Цезарю. Предпрiятiя, щастливые подвиги и быстрыя побѣды сего великаго полководца наполнили Исторiю блистательнѣйшими статьями; но мы сообразуясь предмету своему, ограничимъ повѣсть свою одними только морскими его походами, о коихъ самъ онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Древнѣйшiй Бретанскiй городъ *Ваннесъ* лежащiй въ двухъ миляхъ отъ океана, имѣющiй съ нимъ сообщенiе посредствомъ канала, славился во времена Цезаря торговлею, многочислiемъ своихъ кораблей, выстроенными на мысахъ почти неприступными и ему только подвластными городами, и владычествомъ надъ всѣми окрестными берегами съ принадлежащими ему же

(*) Сiи медали съ разными символами столько сдѣлались извѣстны между учеными, что можно бы и здѣсь дать имъ описанiе; на всѣхъ нихъ надписано: PRAEF. CLAS. ET ORAE. MARIT. S. C. т. е. префектъ флота, и морскихъ береговъ.

тамошними пристанями. Сей городъ имѣвъ у себя превосходныхъ мореходцовъ, пріобрѣлъ великое богатство какъ торговлею съ Англіею, такъ и пошлинными сборами со всѣхъ плававшихъ въ сей подвѣдомой ему части Океана. Цезарь вознамѣрясь завоевать оной, имѣлъ къ тому слѣдующій поводъ. Жители Ваннеса корыстуясь спасеніемъ Англіи, старались занимать Цезаря въ Галліи, дабы чрезъ то отвлечь его отъ всякихъ покушеній на сей островъ. Они забрали подъ караулъ всѣхъ посланныхъ въ ихъ кантоны Римскихъ Кавалеровъ подъ предлогомъ, яко бы ихъ Аманаты задержаны въ Римѣ. Цезарь по гордости своей никоимъ образомъ не могъ оставить такой обиды безъ наказанія; но какъ ему надлежало на сіи народы дѣлать нападеніе только съ моря, а кораблей не было; то и приказалъ построить ихъ на Луарѣ, да съ береговъ Пуату, Сентонжа, и иныхъ завоеванныхъ имъ приморскихъ областей привести къ себѣ многіе другіе. Набравъ изъ разныхъ мѣстъ кормчихъ и матрозовъ, велѣлъ также выучить гребцовъ. При такихъ приуготовленіяхъ надлежало еще преодолѣть иныя препятствія. Цезарь никакого не имѣвъ свѣденія объ океанѣ, и не покоривъ еще ни одной тамошней пристани, долженствовалъ сперва испытать силу бурныхъ вѣтровъ, брать предосторожности отъ незнаемыхъ ему приливовъ и отливовъ, и сражаться съ опытными, осторожными, и разумѣющими свои выгоды народами.

Жители Ваннеса не могши съ равнодушіемъ смотрѣть на всѣ сіи приготовленія, склонили къ себѣ въ союзъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, и отправили въ море флотъ изъ 220 судовъ состоящій. Особая постройка ихъ судовъ весьма способствовала къ выдержанію битвъ только у тамошнихъ береговъ; по ихъ широтѣ

и плоскодонности во время отлива не льзя было стать на мѣль, а хотябъ и такъ, но безъ всякаго опасенія; по возвышенности же кормы и носа лучше можно было противиться бурямъ, а по сложенію ихъ изъ самаго прочнаго дерева не столько надлежало терпѣть вреда отъ неприятельскихъ пораженій; сшитые изъ тонкихъ кожъ парусы удобнѣе могли выдерживать напоръ вѣтровъ, а якори привязываемы были къ желѣзнымъ цѣпямъ. Когда оба морскіе ополченія стали въ виду другъ противъ друга; то Римскій флотоводецъ Децій Брутъ собралъ военной совѣтъ для разсужденія о порядкѣ и дѣйствіи сраженія. Поелику Цезаревымъ кораблямъ весьма трудно было прободать Ваннесскія суда своими шпиронами ради великой ихъ твердости: то положено было перерубать всѣ ихъ снасти посредствомъ прикрѣпленныхъ къ длиннымъ шестамъ острыхъ косъ. Сіе средство такъ было удачно, что веревочные снасти у рей и парусовъ были такимъ образомъ перерѣзаны. И тогда, какъ Ваннескіе корабли безъ пособія снастей не могли никакихъ уже дѣлать столь нужныхъ поворотовъ, Римляне безъ дальняго труда овладѣли ими. Ибо когда имъ надлежало другъ за другомъ стремиться къ сцѣпкѣ; тогда всякое знаніе поворотовъ (эволюціи) уже ни къ чему не служило. Таковымъ только дѣйствіемъ окончана была сія война. По разбитіи Ваннесскихъ кораблей самые отборные ихъ войска здались на волю побѣдителя.

Цезарь послѣ сей войны сдѣлался обладателемъ наибольшей части Галліи; однако симъ еще не было удовлетворено его честолюбіе; онъ хотѣлъ завоевать такъ же и Англію. Желаніе отмстить помогавшему Галламъ народу, чаяніе корысти и приманчивость находившагося на семъ островѣ, какъ говоритъ Светоній, во множествѣ

жемчуга, наконецъ и самая суетность въ достиженіи страны почитаемой тогда за неприступную, и въ открытіи предѣловъ неизвѣстныхъ, — все сіе побуждало Цезаря къ таковому предпріятію. Онъ сперва призывалъ къ себѣ всѣхъ купечествовавшихъ на семъ островѣ, и старался отъ нихъ что нибудь вывѣдать объ ономъ; однако никто изъ нихъ не удовлетворилъ его любопытства, потому что всѣ согласились уничтожать клонящіяся къ разрушенію ихъ торговли замыслы. Итакъ недоволенъ будучи столь недостаточными свѣденіями, отправилъ онъ Волузена на бригантинѣ для возможнѣйшаго развѣдыванія о томъ. Сей чиновникъ соверша въ пять дней свое препорученіе описалъ Цезарю Англинскіе берега столько, сколько онъ, не сходя на землю, могъ замѣтить. Цезарь обыкши преодолѣвать наитруднѣйшія предпріятія, не почиталъ и сего непреоборимымъ. По извѣстію нѣкоторыхъ писателей въ Калѣ, а по мнѣнію другихъ въ Булонѣ заготовилъ онъ восемьдесятъ большихъ кораблей для перевоза двухъ Легіоновъ въ Англію. Распредѣля галеры по частямъ на каждаго изъ главныхъ начальниковъ войска своего, и посадя конницу на осмнатцать судовъ, которые за противными вѣтрами немогши причалиться къ берегу, стояли за двѣ мили оттуда на якорѣ, онъ при попутномъ вѣтрѣ около полуночи снялся съ якоря, и въ девять часовъ

699 года отъ построенія Рима

утра очутился у самаго острова. Хотя берегъ усыпанъ былъ непріятелями готовыми къ бою; но они не мѣшали ему стать на якорь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лучше ему показалось. Тутъ соединились съ нимъ и всѣ корабли; но какъ въ виду столь многочисленныхъ непріятелей трудно было сдѣлать высадку; то онъ принужденъ былъ учинить ее нѣсколько подалѣе. Англичане твердо рѣшась оспоривать у него берегъ, выступили къ нему на встрѣчу въ хорошемъ порядкѣ.

Всякой бы другой на мѣстѣ Цезаря тотчасъ отложилъ свое намѣреніе. Берега покрыты были народомъ готовымъ пожертвовать жизнію за отечественныхъ Боговъ и Олтари. Пѣхота была у нихъ многочисленна, а конница подкрѣпляемая множествомъ военныхъ колесницъ была превосходна. По сему Римляне за огромностію своихъ кораблей никакъ не могли подступить къ берегу. Однако Цезарь умѣлъ превозмочь всѣ сіи препятствія, пославъ довольно знатной отрядъ для нападенія на непріятеля. Солдаты будучи хотя всѣ тяжело вооружены, соскочили въ море, и въ семъ положеніи бились съ Англичанами, которые нажидая ихъ съ сухаго пути, и зная глубину, пустили противъ нихъ тогда свою конницу. Цезарь усмотря, что войска съ крайнимъ неудобствомъ сражались, приказалъ легкимъ судамъ подвинуться въ передъ греблею и на парусахъ. Сіи суда подступя къ берегу, напали на Англичанъ съ боку, и пустя на нихъ градъ камней и стрѣлъ, принудили отступить. Варвары приведены будучи въ изумленіе дѣйствіемъ сихъ неизвѣстныхъ имъ смертоносныхъ машинъ, и неслыханныхъ гребныхъ судовъ, удалились назадъ, и тѣмъ паче способствовали Римлянамъ приближиться къ берегу. Но какъ ужасъ еще удерживалъ Римлянъ; то знаменоносецъ десятаго Легіона соскочивши въ воду, и стремясь противъ непріятеля, закричалъ: *Кто хочетъ сохранить честь Римскихъ орловъ; тотъ пусть за мной идетъ, и спасаетъ ихъ отъ рукъ варварскихъ!* — Сіе столько возбудило гордость Римлянъ, что они со всѣхъ сторонъ бросясь въ море, ударились на островлянъ съ опрометчивостію, и по нестройному своему наступленію встрѣчены были жестокимъ образомъ; но какъ скоро уже овладѣли матерою землею, и устроились въ боевой порядокъ: то смяли Англичанъ, и тогда съ

благонадежностію утвердиться могли на семъ островѣ.

Спустя четыре дни послѣ того отправленные съ Римскою конницею корабли въ числѣ осьмнатцати находились уже въ виду ихъ лагеря; но за противною погодою принуждены были опять уклониться въ портъ, откуда выступили. Сіи корабли проѣзжая мимо Цезаревой арміи, весьма сильно были повреждены отъ сей бури; многіе изъ нихъ стоявши на якорѣ либо разбились, либо лишились снастей, да и тѣ, кои велѣлъ онъ вытащить на берегъ, не въ лучшемъ были состояніи; потому что во время полномѣсячія, когда бываютъ большіе приливы и отливы, Римлянамъ дотолѣ еще неизвѣстные, они долженствовали выдержать ужасное стремленіе волнъ уносившихъ ихъ къ берегамъ. Римляне находились тогда въ крайнемъ замѣшательствѣ. Для обратнаго плаванія недоставало у нихъ кораблей, а для починки остальнаго ихъ малаго числа не было матеріаловъ. Но Цезарь всегда сохраняя духъ, и изобилуя въ способахъ, умѣлъ все дѣло тотчасъ поправить. Изъ потерянныхъ 12 кораблей приказалъ онъ разобрать поврежденные въ большемъ степени, и ими починить попорченные въ меньшей мѣрѣ, а дабы при тогдашнемъ равноденствіи, и при наступающей зимѣ, воинство его въ плаваніи не могло претерпѣть какой опасности; то не упуская перваго благопріятнаго вѣтра, возвратился въ Галлію.

Слѣдующимъ лѣтомъ онъ опять отправился въ Англію со многочисленнѣйшимъ флотомъ, который по мнѣнію нѣкоторыхъ состоялъ изъ 800 кораблей, а по увѣренію другихъ больше тысячи ихъ было. Онъ легъ на якорь въ способнѣйшемъ для безопасной высадки мѣстѣ, и вскорѣ высадя ихъ, повелъ въ надлежащемъ устройствѣ противъ Англичанъ занявшихъ выгодной портъ. Цезаревъ флотъ

снова принужденъ былъ вытерпѣть столь жестокую бурю, что иные корабли отрываясь съ якорей, либо сокрушались другъ объ друга, либо крайне повреждались, а другіе бросаемы были на берега. Для Цезаря довольно было десяти дней на поправку такого урона. Онъ приказавъ быть изъ Галліи другимъ кораблямъ, и починивъ поврежденные, заключилъ ихъ во внутренности своего лагеря. Послѣ того съ стремленіемъ обратился на Англичанъ, разбилъ ихъ, побралъ города, и сдѣлавъ ихъ данниками Рима, взялъ у нихъ Аманатовъ и возвратился въ Галлію съ добычею. Такимъ образомъ Англичане въ первой разъ стали платить дань Римлянамъ, а Цезарь для ознаменованія сего произшествія по возвратѣ въ Галлію приказалъ выбить нѣкоторый родъ монеты съ изображеніемъ словъ на одной сторонѣ: *TASCIA*, что на Британскомъ языкѣ, *данническій динарій* (окупной, или пошлинной сребреникъ), а на другой сторонѣ, *Ver.* Что значитъ, *Verolanium*, т. е. *Веруламская* крѣпость, гдѣ находился Англинскій полководецъ побѣжденный Цезаремъ.

Междоусобная брань между Помпеемъ и Цезаремъ отозвавшая сего послѣдняго въ Италію открываетъ намъ весьма извѣстные, но весьма мало къ нашему предмету служащіе приключенія. Извѣстно, что мореходство тутъ не участвовало; а хотя флоты и были вооружаемы съ той и другой стороны; но они служили только для перевоза войскъ на кровопролитное позорище, на коемъ оба сіи соперника препирались о владычествѣ вселенной. Но чтобъ ничего не проронить въ дѣеписаніи: то скажемъ только о нѣкоторыхъ принадлежащихъ сюда обстоятельствахъ.

Цезарь нѣсколько времени бывъ удерживаемъ затрудненіемъ *у Рубиконскаго* берега, и наконецъ съ отвагой учинивъ славную тутъ переправу, мѣдленно подступалъ

къ Риму. При началѣ Цезарева сего похода, Помпей съ Консулами выступя изъ онаго, занялъ *Бриндесъ* (брундузію), откуда сіи послѣдніе отправлены были на корабляхъ къ *Дураццу*. Цезарь не давая случая Помпею узнать о себѣ, слѣдовалъ за нимъ въ Бриндесъ, а дабы онъ не могъ отъ него пробраться къ морскому берегу; то вознамѣрился заградить тамъ портовой входъ; чего ради и приказалъ сдѣлать плотину въ такомъ мѣстѣ, которое не столь было широко; но какъ за глубиною не льзя было протянуть ее до самой средины онаго; то онъ сей промежутокъ велѣлъ заставить двойными въ тритцать квадратныхъ футовъ прамами, утвердя (ихъ) на якоряхъ привязанныхъ къ четыремъ ихъ угламъ. Онъ присовокупилъ тутъ и другіе такой же величины плоты для обороны первыхъ, покрывъ ихъ фашинникомъ и землею (насыпью), дабы не льзя было тамъ поставить войска, и все укрѣпивъ грудными оградами (*) и рѣшетками, приказалъ тутъ же выстроить двуярусныя стрѣльницы на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ вмѣсто редутовъ. Помпей далъ приказаніе, чтобъ на всю сію постройку напасть большими кораблями съ машинами и стрѣлками. По нѣсколькихъ довольно сильныхъ сшибкахъ Помпей примѣтя, что корабли отправленные съ Консулами въ Дураццо идутъ назадъ, и самъ разсудя за благо сѣсть на суда съ частію своихъ войскъ, удалился въ Эпиръ, оставя во власть Цезарю два съ солдатами корабля втѣснившихся въ новопостроенную при входѣ пристани заграду.

Помпей оставя Италію желалъ возвратиться туда съ большею славою, нежели съ какою вышелъ изъ оной. Для сего предмета началъ онъ набирать войско, снискивать

(*) Тоже, что парапетъ, или бруствэръ; поясное, грудное возвышеніе земляной или каменной стѣны.

союзниковъ, и утверждать споручные ему города. Почитая Марсель важнымъ мѣстомъ, послалъ онъ Домиція съ пятью галерами для занятія онаго. Цезарь идучи въ намѣреніи разбить подчинимыхъ сопернику Генераловъ, показался предъ симъ городомъ; но какъ городъ не пустилъ его въ свои пристани: то велѣлъ объявить жителямъ, что они будутъ отвѣчать за такую войну, въ которую вступаютъ, и сильно убѣждалъ ихъ, чтобъ приняли его сторону, яко республиканскую. Жители отвѣтствовали ему, что они видя Римскую Имперію въ раздорѣ, не вѣдаютъ, которая сторона справедлива, и что почитая не своимъ дѣломъ о томъ судить, рѣшились ни къ той, ни къ другой сторонѣ не приставать. Домицій не взирая на сіе подъѣхавъ къ Марселю, былъ впущенъ съ своими кораблями въ порты, и сдѣланъ тамъ градоначальникомъ. Поелику тутъ уже надлежало ожидать нападенія отъ Цезаря; то жители и изготовились принять его добрымъ порядкомъ. Тогда собраны были всѣ суда, какіе только можно было найти въ портѣ, равно какъ и всѣ военные и съѣстные припасы, какіе могли быть нужны къ выдержанію долговременной осады. Цезарь вознамѣрясь съ своей стороны отмстить за учиненной ему отказъ, расположился осадить Марсель съ морскаго и сухаго пути; а какъ у него не доставало кораблей: то приказалъ выстроить 12 ихъ въ Арлесѣ, которые чрезъ тритцать дней всѣ были снаряжены, и выведены передъ городъ. Препоруча сіи корабли начальству Деція Брута, отправился онъ въ Гишпанію.

Марсельцы для устрашенія Римскаго флота выведши семнадцать линейныхъ кораблей со многими другими меньшей величины, всѣ въ надлежащемъ вооруженіи и снабженіи, устремились въ добромъ порядкѣ къ напа-

денію на Брута, которой тогда у ближняго острова (*) стоялъ на якорѣ. Сей военачальникъ будучи гораздо слабѣе противника въ морской силѣ, но за то больше полагаясь на благонадежность и мужество привыкшихъ къ побѣдамъ своихъ войскъ, домогался въ семъ случаѣ только сцѣпки съ ними. Какъ скоро онъ примѣтилъ, что Марсельцы приближаются; то устроясь, тотчасъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, и вступилъ въ кровопролитное сраженіе. Домицій предводительствовавшій Марсельскимъ флотомъ имѣлъ на своихъ корабляхъ жителей горныхъ, людей свирѣпыхъ, родившихся среди браней, и притомъ невольниковъ долженствовавшихъ сражаться за свою вольность. Главная же выгода его состояла въ легкости судовъ, въ хорошемъ ихъ построеніи, и въ искуствѣ кормчихъ управляющихъ оными; напротивъ того Цезаревы корабли были построены изъ сырыхъ деревьевъ; кормщики были худые, а гребцы малоискусные. Марсельцы желая пользоваться также и превосходствомъ своего числа, опредѣлили наступать на каждой непріятельской корабль съ двумя своими. Тогда Римляне почитая лучшею для себя выгодою биться въ близи, употребили съ немалою пользою свои дреки, и сцѣпясь съ Марсельскими кораблями, вскочили на непріятельскіе палубы; и такимъ оборотомъ дѣло дошло до рукопашнаго боя, гдѣ уже морское знаніе совсѣмъ было безплодно, а одно мужество рѣшило всю судьбу. Симъ то самымъ способомъ Римляне одержали побѣду; Марсельцы были разбиты, и потеряли девять кораблей.

Помпей послѣ перваго сего урона узнавъ, что Марсель находится въ осадѣ съ моря и сухаго пути, послалъ туда на помощь Л. Назидія съ 16 кораблями, въ числѣ коихъ иные были съ мѣдными шпиронами. Сей пол-

(*) Сей островъ назывался *Гіересъ*.

ководецъ подъѣхавъ на высоту Марселя, далъ знать о своемъ приближеніи Домицію. Марсельцы вновь устроя флотъ свой, повели его подъ прикрытіемъ рыбачьихъ барокъ, дабы защитить тѣмъ гребцовъ отъ пускаемыхъ стрѣлъ. Въ такомъ положеніи они вышедъ изъ порта при помощи попутнаго вѣтра, соединились съ Назидіемъ. Когда сошлися вмѣстѣ, и стали въ боевой порядокъ; то Марсельцы заняли правое, а Назидій лѣвое крыло. Брутъ съ своей стороны также принялъ мѣры, вооруживъ шесть кораблей взятыхъ имъ въ полонъ на послѣднемъ сраженіи, и дополнивъ ими флотъ свой. Оба ополченія ставъ другъ противъ друга въ виду Марсельскихъ жителей, и осаждавшихъ городъ съ сухаго пути Римскихъ войскъ, раздѣляли вниманіе той и другой стороны. Марсельцы сперва начали сраженіе съ единодушіемъ, равно какъ и мужествомъ. А какъ ихъ корабли были гораздо легче Римскихъ; то и велено было имъ пробѣгать въ промежутки сихъ послѣднихъ. Когда же на одно изъ ихъ суденъ закинуты были крючья: то они тотчасъ устремились къ нему на помощь, и старались отцѣпить его; наконецъ пустивъ со всѣхъ сторонъ тучи стрѣлъ, нанесли великой вредъ непріятелю. Двѣ Марсельскія галеры съ бѣшенствомъ бросились на корабль Римскаго Адмирала; однако сей искуснымъ оборотомъ увернувшись отъ нихъ, обратилъ на нихъ самихъ тотъ ударъ, который былъ направленъ противъ него; поеликужъ отъ стремительности удара раздробились тогда у нихъ кормы; то они будучи безъ надежды, потоплены были отъ окружныхъ кораблей.

Назидій во время сей сшибки оставаясь безъ дѣйствія, и отъ маловажнаго сего пораженія бывъ приведенъ въ трусость, ударился въ бѣгъ, и направилъ путь свой къ Гишпаніи, ведя за собою одну Марсельскую галеру;

а чрезъ сіе самое и рѣшилось дѣло въ пользу Римлянъ. Марсельцы при семъ случаѣ лишились девяти кораблей, изъ коихъ пять были потоплены, а четыре взяты въ полонъ. Римляне ни одного не потеряли; а поелику осада крѣпости съ сухаго пути производилась съ великою жестокостію: то жители не чая себѣ ни какой больше помощи, и притомъ бывъ изнуряемы голодомъ и моровымъ повѣтріемъ, здались на волю побѣдителя, уступя городъ, пристань и корабли свои въ полную власть ему. Однако Домицій спасся, нашедши способъ при пасмурной погодѣ убраться изъ города.

Вотъ самое достопамятное произшествіе бывшее на морѣ во время сей междоусобной войны, которая напослѣдокъ прекратилась Фарсальскимъ сраженіемъ! Во время сей послѣдней битвы Кассій державшій сторону Помпея, прибылъ въ Сицилію съ набранными въ Сиріи, Финикіи и Киликіи флотами. Цезаревъ же тогда раздѣленъ былъ на двѣ части; одна была подъ начальствомъ Помпонія, а другая подъ управленіемъ Сульпиція. Эскадра перваго находилась въ самой Мессинѣ, а Сульпиціева въ заливѣ Кассій узнавъ, что Помпоній содержалъ слабой караулъ, напалъ въ расплохъ на него въ портѣ, и сожегъ всѣ корабли его числомъ тридцать пять. Сей ударъ толико устрашилъ Мессинской флотъ, что онъ уже готовъ былъ здаться, естли бы тогдаже не получилъ извѣстія о разбитіи Помпея въ Фарсаліи. Кассій учинивъ такое же покушеніе на Сульпиціевы корабли, сожегъ изъ нихъ пять, потерявъ и самъ четыре; а по взятіи собственнаго его судна спасся онъ на шлюбкѣ.

Такимъ образомъ Геній Цезаревъ, какъ обыкновенно Римляне говаривали, повсюду бралъ преимущество надъ Помпеевымъ. Сей великій человѣкъ послѣ Фарсальскаго

сраженія убѣгая побѣдителя, принужденъ былъ сѣсть на негодную барку, въ томъ морѣ, гдѣ прежде со многочисленнымъ и побѣдоноснымъ флотомъ разъѣзжалъ; по увѣренію же Плинія имѣлъ онъ подъ своею властію 860 кораблей отнятыхъ у Римскихъ непріятелей. Нѣсколько времени странствуя отъ одного берега до другаго, наконецъ прибылъ въ Африку, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ искалъ убѣжища, нашелъ смерть себѣ.

Цезарь столь много уважая совмѣстника, что и послѣ пораженія еще опасался его, слѣдовалъ за нимъ въ побѣгѣ. Прибывъ съ войскомъ на берега Геллеспонта, отправился съ онымъ на баркахъ въ малую Азію. На семъ по пути онъ встрѣтился съ Помпеевымъ полководцемъ Кассіемъ предводительствовавшимъ семьюдесятью кораблями. Естли бы сей флотоначальникъ умѣлъ пользоваться своими выгодами; то безъ сумнѣнія бы могъ быть покорителемъ Цезаря и всего его благополучія; но къ неожиданному щастію сего послѣдняго тотъ самый Кассій, который послѣ среди самаго Рима имѣлъ дерзость принести его на жертву, пораженъ былъ въ то время такимъ пустымъ ужасомъ, что раболѣпнымъ образомъ отдался ему въ руки со всѣмъ флотомъ. Цезарь щастливо избавясь отъ страшнаго врага, вступилъ на Помпеевы корабли, и направилъ путь къ Родосу, дабы тамъ привести флотъ свой въ порядокъ. Оттуда отправился въ Александрію, куда Помпей уклонился; но тутъ услышалъ уже о его смерти.

Предъ симъ то Египетскимъ городомъ Цезарь долженствовалъ выдержать величайшія опасности. Онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ многочисленнымъ войскомъ Египтянъ, которые не могли терпѣть у себя такого славнаго завоевателя; почему для сопротивленія толикому множеству непріятелей принужденъ былъ на подмогу при-

звать къ себѣ изъ Родоса, Сиріи и Киликіи корабли, и соединить ихъ со флотомъ своимъ. Когда же онъ наиболѣе былъ стѣсняемъ отъ жителей и войскъ занявшихъ почти всю тамошнюю землю; тогда прибылъ къ нему моремъ одинъ Легіонъ; но какъ перевозные суда не могли за противными вѣтрами пристать къ берегу: то и стали якоремъ недалеко отъ того мѣста. Цезарь узнавъ о ихъ приближеніи, и о претерпѣваемомъ ими недостаткѣ воды, оставилъ войска свои при охраненіи окоповъ, а самъ поспѣшалъ къ тѣмъ, чтобы соединить ихъ со своимъ флотомъ. Онъ приказавъ вырыть на Нильскомъ берегу колодези, доставилъ имъ достаточно воды къ продовольствію, и послѣ того уже вознамѣрился вступить въ Александрію; но Египтяне для воспрепятствованія ему въ семъ проѣздѣ, выслали всѣ свои корабли на встрѣчу, но притомъ съ тѣмъ, чтобъ и море содержать въ своей зависимости. Цезарь не желая тогда зачинать дѣла, потому что не болѣе оставалось двухъ часовъ дня, да и солдатъ у него не доставало, уклонился въ безопасное у береговъ мѣсто, гдѣ никакое не могло быть на него нападеніе; но одна Родоская галера противъ воли вовлекла его въ битву, каковой было онъ и не желалъ. Сія галера отставъ отъ другихъ, окружена была четырьмя Египетскими кораблями со многими при нихъ барками. Цезарь обращая вниманіе на все, поспѣшалъ къ ней на помощь вмѣстѣ съ Родосцами. Съ той и другой стороны дѣйствіе происходило живѣйшимъ образомъ; однако Цезарь одержалъ верхъ, взявъ одну четырехъ-ярусную галеру, другую потопивъ, и съ третьею тоже безъ сопротивленія учинилъ, порубя всѣхъ на ней бывшихъ людей. Прочіе разбѣжались, и спаслись при помощи ночи. Цезарь послѣ сей сшибки вступилъ въ портъ, а за продолжавшимся еще противнымъ вѣтромъ принужденъ былъ завозить

линейные свои корабли помощію галеръ.

Александрійцы въ то время уже начинали бояться слѣдствій такой войны, на которой отъ непріятеля гораздо слабѣйшаго противъ ихъ въ силѣ претерпѣли пораженіе. Цезарь сожегъ болѣе ста пятидесяти кораблей то въ Арсеналѣ ихъ, то въ самомъ портѣ, и не взирая на все искуство, каковымъ они хвалились, разбилъ ихъ на морѣ. Тогда-то они почувствовали необходимость въ увеличеніи морской силы, яко главной своей подпоры, посредствомъ коей могли у Цезаря отрѣзывать всякое вспоможеніе и съѣстные припасы. Ради сего предмета собрали они всѣ разсѣянные по устьямъ Нила корабли, которые до того были употреблены вмѣсто разъѣздныхъ суденъ для таможенныхъ приставовъ. Къ нимъ присовокуплены были и старые суда давно стоявшіе безъ всякой пользы въ одномъ потаенномъ Арсеналѣ; и изъ нихъ то составленъ былъ флотъ въ числѣ 22 четырехъ-банковыхъ галеръ, пяти самыхъ большихъ, и многихъ другихъ меньшаго разбора. Для починки всѣхъ сихъ судовъ и на постройку недостающихъ у нихъ банокъ употреблены были бревна даже изъ портиковъ и другихъ казенныхъ зданій. Какъ скоро сей флотъ совсѣмъ былъ снаряженъ; то Цезарь пошелъ искать его, намѣреваясь вступить съ нимъ въ сраженіе. Флотъ его тогда состоялъ изъ 34 галеръ, въ числѣ коихъ десять было о четырехъ и пяти ярусахъ. Родоскія галеры занимали правое крыло, Понтійскія лѣвое, а прочія составляли вторую линію. Александрійцы немѣдленно выступили въ хорошемъ устройствѣ. Двадцать двѣ галеры были у нихъ передовыми, другія находились позади для подкрѣпленія первыхъ, а мѣлкіе суда расположены были по обоимъ крыламъ для лучшей подмоги большимъ.

Оба войска раздѣляла одна песчаная отмѣль; Римляне

могли къ непріятелю подступить чрезъ одинъ только проливъ, коего входъ и выходъ равномѣрно былъ труденъ и опасенъ. Цезарь долго находился въ недоумѣніи, какія въ такомъ случаѣ предпринять мѣры; но Эвфраноръ, Родоскій военачальникъ, съ живостію представилъ ему, что удерживающее его такое препятствіе не было непреодолимо, и что онъ первый пустяся въ сей трудный проходъ, когда станетъ довольное время сопротивляться непріятелю, доставитъ чрезъ то и другимъ кораблямъ путь и случай за нимъ слѣдовать. Цезарь одобривъ такую рѣшительность, утвердилъ его предложеніе. И такъ Родоскій военачальникъ отправился въ передъ съ четырью галерами, которыя тотчасъ и были обступлены непріятелями; но онъ умѣлъ толь искусными оборотами провести ихъ, что всегда выставляя галеры къ непріятелю носомъ, оберегалъ бока и веслы. Между сею схваткою Цезаревы войска всѣ успѣли пройти; и тогда дѣйствіе вскорѣ учинилось всеобщимъ. Римляне въ сіе время на все отваживались; потому что въ случаѣ разбитія не могли ожидать ни какой помощи, не имѣвъ ни сборнаго мѣста при отступѣ, ниже средства спастись отъ непріятелей; а сей самой крайности они и обязаны своею побѣдою; ибо оживляя свою бодрость необходимостію либо побѣдить, либо умереть, замѣняли многочисленность и искуство сопротивниковъ своимъ мужествомъ. Въ сіе время они взяли у Александрійцовъ одну пятиярусную галеру со всѣми людьми, три пустили на дно, да и остальныя былибы забраны, естьли бы за домами и плотиною служившими имъ вмѣсто защиты, не успѣли ѳон спастись. Сраженіе сіе происходило подлѣ Фароскаго острова, на которомъ Птоломей Филадельфъ приказалъ построить маякъ для ночнаго освѣщенія подходящихъ туда кораблей. Сей остро-

вокъ будучи продолговатъ, примыкался къ городу Александріи посредствомъ насыпной дороги.

Цезарь бывъ увѣренъ, что ни когда не льзя овладѣть городомъ, не овладѣвъ прежде симъ островкомъ, принялъ намѣреніе напасть на него. Онъ посадя на барки и шлюбки десять самыхъ лучшихъ изъ своей пехоты когортъ съ нѣкоторымъ числомъ Гальской конницы, приказалъ имъ подступить къ острову; а для облегченія ихъ высадки велѣлъ въ тоже время учинить съ морской стороны на оной нападеніе. Александрійцы при помощи пяти галеръ дѣлали сильной отпоръ съ высоты своихъ домовъ, и съ вершины рѣки. Римляне вытѣснивъ ихъ изо всѣхъ оборонительныхъ мѣстъ, принудили ихъ, даже многихъ въ плавь, убираться въ городъ, заградивъ имъ весь проходъ къ ихъ кораблямъ, и тутъ овладѣли плотиною, гдѣ непріятели еще держались; но сей-то самой выигрышь и былъ для нихъ пагубенъ. Всѣ матросы и гребцы вздумали также по любопытству взойти на сію плотину, а чрезъ то и произвели между сражающимися замѣшательство. Тогда многіе Египтяне вышедъ изъ города въ боевомъ устройствѣ, примѣтили сей безпорядокъ, и дабы воспользоваться тѣмъ, учинили при помощи своихъ кораблей съ занимаемаго ими моста на сію плотину нападеніе. Тѣ, которые безразсуднымъ образомъ оставили свои галеры, въ безпорядкѣ опять устремились къ онымъ. Таковая опрометчивость привела солдатъ въ смятеніе и страхъ, которые сами хотѣвши перебраться на суда увидѣли, что никоимъ образомъ не льзя было того учинить, потому что галеры опасаясь попасть въ руки непріятельскія, принуждены были тогда податься въ открытое море; однакожь большая часть ихъ пустилась въ плавь. Многіе стѣснены будучи многолюдствомъ тамъ погибли; другіеже не

столь разторопные на голову побиты на берегу. Цезарь тщетно стараясь ободрить устрашенные свои войска, и привесть ихъ снова въ боевое положеніе, возвратился на свой корабль; но видя, что оный отъ втѣснившагося туда многолюдства крайне былъ грузенъ, и готовъ уже потонуть, самъ пустился въ плавь до дальнѣйшихъ своихъ галеръ.

Едва Египтяне усмотрѣли его посреди моря; то и пустили градъ стрѣлъ. Онъ бы конечно погибъ, естьли бы одно средство не посчастливилось. Какъ скоро скинулъ съ себя верхнее военное платье, и пустилъ его на произволъ валовъ: то Египтяне почитая оное за самаго Цезаря, обратили всю тучу стрѣлъ своихъ на сію броню, а Цезарь между тѣмъ успѣлъ добраться до своихъ судовъ. Египтяне получа сію только добычу въ свои руки, носили ее торжественно по Александріи, и соорудили изъ нее Трофей, какъ памятникъ своей побѣды.

Цезарь напослѣдокъ уже отмстилъ за себя, получа многія надъ Александрійцами выигрыши, и между прочимъ совершенную побѣду въ Нильскихъ устьяхъ надъ Птоломеемъ, такъ что принудилъ его просить у себя милости, и даже распоряжалъ всѣмъ Государствомъ въ пользу Клеопатры, сестры побѣжденнаго Царя, о которой вскорѣ будетъ объявлено въ своемъ мѣстѣ.

По окончаніи Александрійской войны Цезарь всегда думая, что онъ еще ничего не сдѣлалъ, когда оставалось что нибудь дѣлать, отправился въ Ѳракійскій Восфоръ. Фарнацесъ, тамошній Король, пользуясь раздоромъ Римлянъ, задумалъ овладѣть Каппадокіею и Понтійскимъ царствомъ. Цезарь узнавъ о его замыслахъ, пошелъ противъ него, и разбилъ его воинство на голову. Сей походъ былъ толико быстръ, что самъ Цезарь удивляясь скорому по-

коренію Восфора, выговорилъ тогда сіи слова: *Я пришелъ увидѣлъ, побѣдилъ*.

Остальные участники Помпеевой стороны состоявшіе по большей части изъ Римскихъ дворянъ, и согласившіеся вмѣстѣ съ Юбою, королемъ Мавританскимъ, опять привлекли Цезаря въ Африку, гдѣ онъ по различныхъ успѣхахъ и многихъ битвахъ сожегши, либо потопивши не малое число ихъ кораблей, вновь былъ побѣдителемъ. Большая часть самыхъ главныхъ между сими соучастниками опасаясь попасть въ руки Цезаря, сами себя погубили, а прочіе убрались въ Гишпанію. Цезарь немедлѣнно погнался за ними, и нашелъ сильную партію Помпеевыми дѣтьми составленную, и многими еще къ сему имени приверженцами подкрѣпляемую.

Сія война началась морскою битвою близъ Кадикса между Варусомъ, прежнимъ Помпеевымъ полководцемъ, и Дидіемъ, Цезаревымъ военачальникомъ. Воставшая вскорѣ по начатіи сей битвы буря подвергла Цезаря величайшимъ опасностямъ; однако щастіе повсюду ему сопутствовавшее не оставило его и при семъ случаѣ. Сраженіе было самое кровопролитное и упорное. Молодой Помпей бывъ побѣжденъ, хотѣлъ спастися съ 30 галерами; но будучи преслѣдуемъ Дидіемъ всѣ корабли у него полонившимъ, либо сожегшимъ, сошелъ на сухой путь, и скрылся было въ разсѣлинѣ одной скалы; но тутъ онъ умерщвленъ.

Цезарь низложивши всѣхъ своихъ сопротивниковъ, возвратился въ Римъ, гдѣ назначены были для него торжественныя почести. Различныя морскія имъ произведенныя битвы съ самаго его вступленія въ Галлію внушили ему великія намѣренія въ разсужденіи мореходныхъ силъ; а до того никто и не имѣлъ столько случаевъ почувствовать въ томъ важности. И такъ онъ уже готовился при-

вести мореплаваніе въ цвѣтущее состояніе; но въ то самое время былъ умерщвленъ въ Сенатѣ. Онъ приказалъ было въ окрестностяхъ Рима рыть каналы для сообщенія съ рѣками, очистить гавань и Остійскую пристань, также построить маяки, плотины и арсеналы вездѣ, гдѣ только требовала по видимому польза мореходства; хотѣлъ прорѣзать Коринѳскій перешеекъ, и намѣренъ былъ привести Римскую Имперію въ такую округлость, чтобы оба моря служили ей границами. Но всѣ сіи преизящные замышленія одною минутою разрушены, и по кончинѣ его послѣдовалъ упадокъ Римскаго мореплаванія.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

О МОРЕХОДСТВѢ РИМЛЯНЪ

при ИМПЕРАТОРѢ Августѣ.

Октавій, усыновленный племянникъ *Юлія Цезаря*, который здѣсь будетъ впредь упоминаемъ подъ именемъ *Августа*, сражавшись подъ *Акціумъ*, якобы въ отмщеніе за смерть дяди своего, и за то получа сіе проименованіе, былъ преемникомъ всей его власти, и мало по малу утвердился въ оной.

Брутъ и *Кассій*, главные заговорщики противъ Цезаря и первые его убійцы, убѣжавъ со многими легіонами, одинъ въ Македонію, а другой въ Сирію, выдавали себя тамо за избавителей отечества, и мстителей за общенародную вольность. Изключая сухопутныхъ войскъ были у нихъ знатные флоты снабженные достаточнымъ числомъ войскъ и запасовъ. *Долабелла* намѣреваясь вступить въ сраженіе съ Кассіемъ, повелъ войска свои въ Сирію, гдѣ сей тогда находился; между тѣмъ, какъ армія его шла сухимъ путемъ, приказалъ флоту своему состоявшему изъ Родоскихъ, Ликійскихъ, Памфилійскихъ и Киликійскихъ кораблей, слѣдовать около береговъ за нею. Когда же прибылъ въ Лаодикію, городъ лежащій на полуостровѣ, что было не въ дальнемъ разстояніи отъ горы Ливанской: тогда Кассій увелича флотъ свой нѣкоторымъ числомъ Сидонскихъ кораблей, и выступивъ противъ него, учинилъ нападеніе съ толикою увѣренностію въ несумнѣнной побѣдѣ, что приказалъ укрѣпить тамошній

перешеекъ, дабы не упуская случая стѣснить непріятеля какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути. Оба флота будучи почти равносильны, сразились съ великимъ жаромъ, и долгое время находились въ неизвѣстности, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Съ обѣихъ сторонъ потеряно было много кораблей; но наконецъ щастіе преклонилось на сторону *Долабеллы;* онъ овладѣвъ пятью Кассіевыми кораблями со всѣми людьми, прочіе обратилъ въ бѣгство.

Кассій вознамѣрясь поправить худой успѣхъ сего сраженія, старался немѣдленно вновь усилить флотъ свой, требуя кораблей у *Клеопатры,* Египетской Царицы, у Серапіона, Кипрскаго Губернатора имъ опредѣленнаго, у Родосцовъ, Ликіянъ, и у всѣхъ державшихъ еще сторону Помпееву. Клеопатра не удовлетворила его требованія; потому что сердечная связь ея съ Цезаремъ не позволяла ей помогать врагамъ его. Но Серапіонъ напротивъ того послалъ къ нему всѣ свои корабли, Тиряне также, и жители небольшаго подлѣ нихъ острова тоже сдѣлали; но Родосцы и Ликіане подъ предлогомъ, якобы отнюдь не хотятъ ввязываться въ дѣла междоусобной войны, отказали въ требуемомъ. Кассій по возстановленіи силъ своихъ пошедъ въ Лаодикію, учинилъ нападеніе на Долабеллу. Дѣйствіе происходило съ живостію, но рѣшительнаго ни чего не было; обѣ стороны потеряли множество людей, но ни которая не могла себя ласкать настоящимъ успѣхомъ. Кассій не могши въ тотъ день ни своего мщенія, ни честолюбія насытить, рѣшился испытать щастіе на вторичномъ сраженіи въ надеждѣ лучшаго успѣха. Онъ не обманулся въ своемъ чаяніи, и остался побѣдителемъ. Взятье Лаодикіи, смерть *Долабеллы,* и соединеніе войскъ присягнувшихъ ему въ вѣрности были плодами сей побѣды.

По совершеніи сего подвига Кассій вознамѣрился отмстить Клеопатрѣ за отказъ ея въ помощи; узнавши же, что сія Царица хотѣла пристать къ сторонѣ Августа и Антонія, отправился моремъ въ Египетъ, дабы всѣ ея намѣренія уничтожа, наказать ее. Но какъ отъ Брута непрестанно посыланы были къ нему гонцы за гонцами, чтобы онъ какъ можно поспѣшалъ съ нимъ соединиться, и совокупными силами разрушить замыслы Августа и Антонія приближавшихся уже съ великимъ войскомъ: тогда принужденъ бывъ оставить свое предпріятіе, поѣхалъ искать Брута. Оба военачальника соединясь вмѣстѣ, расположили дѣйствія сей войны такъ, чтобъ сперва покорить Родосцовъ и Ликіанъ, не оставя позади себя никакого непріятеля, которой бы могъ наводить имъ опасность тогда, когда имъ въ переди надобно будетъ имѣть дѣло съ Августомъ и Антоніемъ. Кассій принявъ на себя походъ въ Родосъ, привелъ флотъ свой въ надлежащее состояніе, и снабдивъ его всѣмъ нужнымъ, собралъ оной въ *Миндѣ*. Родосцы будучи устрашены грозящимъ бѣдствіемъ употребили всевозможныя мѣры къ обезоруженію Кассіева гнѣва; но не могши умягчить его своимъ покорствомъ, вознамѣрились не иначе продать ему свою вольность, какъ дорогою цѣною, либо съ нимъ раздѣлаться столь же поносительно, какъ съ Митридатомъ нѣкогда подступившимъ къ ихъ городу. Въ такомъ намѣреніи пошли противъ Кассія съ 33мя кораблями; а для устрашенія его въ тотъ день разъѣзжали для осмотра своихъ галеръ, и въ виду его съ удивительною легкостію дѣлали обороты. На другой день тоже еще хотѣли учинить; но Кассій выступилъ въ боевомъ строѣ, и началъ сраженіе. Родосцы по учиненіи сперва самаго хитраго и смѣлаго движенія бросались въ средину непріятельскаго флота, и оттуда назадъ вылѣтали на подобіе быстрой молніи.

Въ то время, когда по видимому могли быть захвачены, они увертывались, и наѣзжая сами, убѣгали всего имъ встрѣчающагося; ничего непропуская мимо своихъ ударовъ, сами не были уязвляемы; но при всемъ своемъ проворствѣ не дѣлая ничего рѣшительнаго, слегка только задѣвали Римскіе корабли. Сіи послѣдніе будучи гораздо и болѣе и крѣпче, скоро пресѣкли толь скучное для нихъ движеніе. По приближеніи Родоскихъ кораблей, они закидывая за нихъ желѣзные руки, понудили ихъ къ сцѣпкѣ. Сей родъ битвы всегда для Римлянъ удачливый имѣлъ обыкновенный успѣхъ; они взяли въ полонъ три непріятельскіе корабля со всѣмъ грузомъ, два разбили въ щепы, а остальные съ величайшимъ вредомъ прогнаны въ Родосъ.

Кассій починивъ суда въ Миндѣ (*) отправился моремъ въ Лориму (**), городъ Натольскій лежащій противъ Родоса. Посадя войска на грузовые суда, отправилъ ихъ къ острову, а самъ съ осьмьюдесятью исправно вооруженныхъ кораблей сталъ на якорь передъ городомъ въ томъ намѣреніи, чтобъ осадить его какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути. Родосцы по первомъ разбитіи своемъ не унявшись отъ продерзости, учинили опять нападеніе на его флотъ; но потерявъ два корабля заперлись въ гавани и стѣнахъ своихъ; Кассій погнался за бѣгущими, и наконецъ овладѣвъ городомъ, нашелъ въ немъ безчисленное богатство. Брутъ такіе же имѣлъ успѣхи въ Ликіи, покоривъ сію область, и получа богатую добычу; потомъ пріѣхавъ въ Геллеспонтъ, дожидался тамо Кассія. Сей послѣдній не успѣвши выполнить своихъ намѣреній въ разсужденіи Клеопатры, поручилъ Мурку исправно вооруженные корабли, приказавъ разъѣзжать около береговъ Пело-

---

(*) Миндъ, *Mindus*, нынѣ *Ментезъ*.

(**) Лорима, нынѣ *Макси*.

понисскихъ, и тамъ дождавшись, сразиться со флотомъ сей Королевы, которая вознамѣрилась присоединиться къ Августу и Антонію. Муркъ по прибытіи своемъ увѣдомился, что Клеопатринъ флотъ претерпѣвъ бурю у береговъ Африканскихъ, потерялъ большую часть своихъ кораблей; да и самъ онъ видѣлъ отломки ихъ выброшенные на берега Греческіе; и такъ не желая оставаться безъ пользы въ такихъ моряхъ, гдѣ нѣчего было дѣлать, отправился моремъ въ Бриндесъ, и овладѣлъ тутъ небольшимъ островомъ съ гаванью, дабы оттуда, сколь возможно, дѣлать помѣху перевозу войскъ и съѣстныхъ припасовъ отпускаемыхъ непріятелями въ Македонію. Антоній не могши терпѣть сопротивника въ такой близости, напалъ на него въ числѣ нѣсколькихъ военныхъ кораблей; но поелику не былъ столько силенъ, чтобы остановить его, и воспротивиться его стремленію: то призвалъ на помощь къ себѣ Августа. Сей тогда хотя имѣлъ дѣло съ дѣтьми Помпеевыми, о чемъ я и непремину тотчасъ говорить; но по сему предмету оставя Сицилію, поспѣшилъ туда, гдѣ настояла вящшая нужда. Муркъ видя противъ себя наступленіе сихъ двухъ военачальниковъ, и дабы не быть отвлечену, пустился въ открытое море, и соединился съ Домиціемъ Агенобарбомъ, приведшимъ къ нему 50 кораблей. Съ сими соединенными флотами составлявшими болѣе 150 кораблей, они всячески старались препятствовать проѣзду Августовыхъ и Антоніевыхъ вспомогательныхъ войскъ; однако не могли получить успѣха.

Въ то время, когда воинство сихъ двухъ начальниковъ устроялось въ Македоніи, Брутъ и Кассій также соединяся, приближались съ ужаснымъ ополченіемъ. Обѣ стороны сошлися на Филипійскихъ поляхъ; но тутъ судьба Кассія и Брута нашла наконецъ себѣ предѣлъ, а жребій Рим- 712 отъ построенія Рима.

лянъ возпріялъ другой оборотъ послѣ такого сраженія, въ которомъ Августъ и Антоній имѣли весь выигрышъ, Брутъ же и Кассій погубили свой животъ. Однако Августъ въ тотъ день, когда получилъ на сухомъ пути столь щастливый успѣхъ, претерпѣлъ уронъ на морѣ, когда Домицій Кальвинъ везъ къ нему на перевозныхъ судахъ два Легіона, одну преторскую когорту, нѣсколько эскадроновъ конницы, и другіе отборные войска подъ прикрытіемъ небольшаго числа галеръ; ибо тогда Муркъ и Агенобарбъ устремились противъ него въ числѣ ста тридцати большихъ кораблей. Нѣкоторые изъ грузовыхъ судовъ Кальвиновыхъ по ихъ приближеніи хотя было воспользовались вѣтромъ, и убрались; но какъ скоро наступила тишина; то прочіе изъ оныхъ принуждены будучи носиться по произволу волнъ, подверглись нападенію непріятельскихъ кораблей, бывъ пробиваемы ударами шпироновъ, такъ что не могли никакой получить помощи отъ галеръ. Домицій Кальвинъ желая избѣгнуть нападенія, велѣлъ многіе изъ оныхъ другъ съ другомъ прикрѣпить канатами, дабы дать имъ болѣе силы и сопротивленія. Муркъ видя успѣшное дѣйствіе Кальвинова средства велѣлъ бросать на нихъ раскаленныя стрѣлы, что и понудило Кальвина перерубить всѣ оныя прикрѣпы; а сіе самое и подвергло ихъ снова пораженіямъ шпироновъ, коихъ усугубленные удары нанесли столько вреда, что многіе изъ оныхъ потонули, а другіе поглощены были пламенемъ. Отъ сего столь великаго числа судовъ осталося только одно, на коемъ находился Кальвинъ, да 17 галеръ взятыхъ Муркомъ въ полонъ. Сей полководецъ принялъ въ свою службу находившіеся на нихъ войска. Кальвинъ послѣ разбитія своего поѣхавъ съ однимъ кораблемъ въ Бриндесъ, прибылъ туда въ пять дней. Естьли бы Муркъ Агенобарбъ

и Помпей господствуя на морѣ съ 260 кораблей, умѣли въ совокупности дѣйствовать хотя немного единодушнѣе; то бы конечно могли всѣхъ Цезаревыхъ единомышленниковъ подавить, и соблюсти вольность Рима. — Надобно признаться, что успѣхъ Августа происходилъ больше отъ щастія, нежели отъ воинскаго его искусства, или хорошихъ оборотовъ; и что одни только погрѣшности непріятелей его, способствовали ему сдѣлаться обладателемъ вселенной.

Разбитіе Брута и Кассія открыло Августу пространнѣйшій путь; но при всемъ томъ остался ему еще сильный непріятель въ самомъ младшемъ Помпеевомъ сынѣ, по имени Секстѣ. Когда братъ его въ Гишпаніи былъ побѣжденъ Цезаремъ; то Секстъ спасшись оттуда, собралъ остатки дома своего, и учинился страшнымъ на морѣ. Совокупя великое число кораблей, а другіе приказавъ вездѣ строить, и притомъ склонивши на свою сторону морскихъ разбойниковъ, сталъ разъѣзжать съ ними по морямъ, не такъ какъ военачальникъ, а такъ какъ морской наѣздникъ. Цезарь немедлѣнно отправилъ противъ него двухъ полководцевъ; но они не могли одолѣть его. По смерти Цезаря онъ былъ прощенъ отъ Сената стараніемъ Антонія. Сицилія и острова Корсиканской и Сардинской осталися за нимъ; а Италія по силѣ договора учинилась отъ его разбоевъ безопасною. Послѣ сего Секстъ Помпей убравшися въ Марсель, ожидалъ тамъ развязки происходившимъ въ Римѣ сплетнямъ, а узнавъ о учрежденномъ тріумвиратствѣ и намѣреніяхъ онаго, отправился моремъ въ Сицилію, твердо рѣшась всею силою противоборствовать предпріятіямъ новыхъ тирановъ, и начиналъ уже принимать къ себѣ всѣхъ ушлецовъ. А какъ Тріумвиры положили цѣну на головы изгнанцовъ; то

Помпей обѣщалъ двойную плату тѣмъ, которые ихъ спасутъ, и дадутъ имъ способъ къ нему прибѣгнуть. Таковымъ поступкомъ онъ привлекъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ Тріумвиратствомъ, а подмога полученная имъ изъ Ливіи, Гишпаніи и другихъ областей составила у него знатную партію. Тріумвиры до тѣхъ поръ не надѣялись еще утвердиться въ своей власти, пока будутъ имѣть у себя столь ужаснаго непріятеля; а потому вознамѣрились низложить его. Августъ взявшись исполнить сіе, послалъ противъ него Салвидіена со флотомъ, а самъ воспріялъ путь къ Регію (Реджіо), дабы тамо своимъ присудствіемъ ободрять морскія силы. Помпей въ великомъ числѣ кораблей вышелъ на встрѣчу къ нему. Оба флота сошлися при одномъ заливѣ не очень далеко отъ горы Скиллы толико прославляемой стихотворцами, и тотчасъ вступили въ сраженіе. Въ семъ случаѣ Помпей имѣлъ у себя много выгодъ; корабли его были легки, и управлялись искусными и совершенно знающими тамошнія воды кормщиками; на противъ того Тріумвирскіе будучи тяжелы и неповоротливы, билися въ бѣдственномъ и въ разсужденіи опасностей имъ еще неизвѣстномъ заливѣ, да и управляемы были съ великимъ затрудненіемъ. Въ столь худомъ и злощастномъ положеніи они первые принуждены были утекать, и для починокъ своихъ занять ближній портъ. Потеря кораблей съ обѣихъ сторонъ была равномѣрна; но остальные у Салвидіена гораздо болѣе были повреждены, и почти въ дребезги разбиты.

Ежели бы Помпей получа отъ Мурка подкрѣпленіе въ числѣ 80 кораблей съ войсками, умѣлъ пользоваться выгодами своими, и поѣхалъ бы водою прямо къ Риму; то бы конечно разрушилъ могущество Тріумвиратства. Оба главные начальники онаго, Августъ и Антоній начинали тог-

да имѣть между собою остуду; сверхъ того иногда уже они не случалися вмѣстѣ. Антоній отъѣзжалъ въ Азію; а Августъ былъ въ Римѣ; но Помпей хотѣлъ лучше сохранить настоящее пріобрѣтеніе, нежели покушаться на новые завоеванія. Однако Агенобарбъ бывши душею партіи его, не могъ быть спокоенъ, и поѣхавъ съ 70 кораблями, раззорялъ всѣ преданные Тріумвирамъ берега; потомъ появясь на высотѣ Бриндеса, побралъ Августовы галеры, и ихъ сожегъ.

Антоній получивъ изъ Рима не очень пріятныя для себя извѣстія, поѣхалъ туда въ числѣ 200 кораблей, дабы поправить пришедшія въ толь худое положеніе дѣла свои; въ Афинахъ принялъ онъ Помпеевыхъ Депутатовъ, которые уговаривали его вступить съ нимъ въ союзъ противъ Августа. Съ сими Депутатами онъ обошелся учтивымъ образомъ; однако не отвѣтствовавъ еще прямымъ образомъ всѣмъ ихъ представленіямъ, отправился съ своимъ флотомъ въ Бриндесъ. — Домицій Агенобарбъ разъѣзжавшій по Іоническому морю съ другимъ усиленнымъ Брутовыми и Кассіевыми кораблями флотомъ выступилъ къ нему на встрѣчу. Антоній хотя и устрашенъ былъ его приближеніемъ; но разсудивъ лучше показать видъ твердости, подъѣхалъ къ нему въ числѣ пяти только кораблей, оставя прочіе позади себя; и такимъ образомъ почти одинъ находился среди великаго флота, которой можно еще было считать за непріятельской. Тутъ нѣкто изъ его караульныхъ (*) для показанія безстрашія закричалъ Агенобарбовымъ кораблямъ, чтобъ они спустили флагъ

(*) Соединеніе Антонія и Агенобарба почитаемо было столь важнымъ происшествіемъ, что на сей случай выбита была медаль представлявшая переднюю часть корабля, а въ верху звѣзду съ слѣдующею надписью: *Jmp. Cn. Domit. Ahenobarbus*. См. древн. медали у *J. Вальяна*.

предъ главою республики; каковой видъ твердости и возъимѣлъ свое дѣйствіе. Всѣ Агенобарбовы корабли спустили флаги, и сей флотоводецъ ѣздилъ къ Антонію на поклонъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ склонить его въ союзъ съ Помпеемъ, и привести въ негодованіе противъ Августа. Напослѣдокъ они вмѣстѣ пріѣхали къ Бриндесу; но тамошніе гавани не допустили ихъ къ себѣ.

Антоній будучи огорченъ таковою обидою, яко дѣйствіемъ по видимому непріятельскимъ, вознамѣрился взять Бриндесъ, а по сему предмету и соединился съ Помпеемъ, прося его вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать. Помпей вышедъ въ море со многочисленнымъ флотомъ, вскорѣ овладѣлъ Сардиніею. Потомъ старался отрѣзать весь провозъ съѣстныхъ припасовъ въ Римъ, употребивъ къ тому наилучшія мѣры, и такимъ образомъ по всей Италіи произвелъ ужасъ. Августъ соизумленіемъ видя подлинно угрожающую ему войну, старался съ Антоніемъ помириться; кончина же Фульвіи, жены сего послѣдняго, подала къ тому хорошій случай. Онъ выдавъ за него сестру свою Октавію, получилъ чрезъ то удобный путь къ новому съ нимъ соединенію и поводъ къ миру съ Помпеемъ. Для утвержденія сего послѣдняго наипаче по требованіямъ народа, и настояніямъ Сената положено было съѣхаться для сношенія. Помпей охотно вступилъ въ переговоры, и для того пріѣхалъ въ Пузолъ съ нѣкоторымъ числомъ отборныхъ судовъ. Самъ будучи на одной великолѣпной о шести ярусахъ или о шести рядахъ гребцовъ (*) галерѣ, отправился въ такомъ

(*) По сіе время еще не рѣшено, о многихъ ли рядахъ веселъ (т. е. многоярусныя ли) или о многихъ рядахъ гребцовъ галеры были у древнихъ? Хотя до нынѣ никто не изъяснялся, и не полагалъ одного вмѣсто другаго; однако сіе примѣчаніе относится ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ идетъ рѣчь о судахъ *со многими рядами баковъ* (многоярусныхъ), и не надобно вязаться къ различію ярусовъ, или гребцовъ.

пышномъ видѣ къ небольшому Пузольскому острову, и присталъ туда подъ вечеръ. На другой день приказалъ построить такой мостъ, коего бы одинъ конецъ начинался съ островскаго берега, а другой примыкался къ матерой землѣ. Антоній и Августъ находились тогда на берегу сей послѣдней. Первые переговоры при самомъ начатіи своемъ почти было разрушились; однако происками Помпеевой и Антоніевой матерей опять возобновлены; миръ заключенъ, и подлинникъ договора, какъ священный залогъ, врученъ былъ Весталкамъ. Столь необходимое для Государства примиреніе было торжествовано особыми всенародными празднествами. Помпей угощалъ Августа и Антонія на своемъ берегу. Посреди празднества Менодоръ, одинъ изъ подвѣдомыхъ Помпею полководцевъ, видя соперниковъ его уже въ рукахъ, далъ знать ему, что въ сію минуту наилучшій предлежитъ ему случай отмстить за смерть отца своего, и самому возвыситься въ Имперіи; но Помпей изъ великодушія ли, или по недостатку рѣшимости съ своей стороны отвѣчалъ: *такая уловка прилична только Менодору ни во что поставляющему вѣроломство; но Помпею она не сродна.* Однако Аппіанъ намѣкнулъ, чтобъ онъ не огорчался такимъ представленіемъ, какое Менодоръ сдѣлалъ ему, не обдумавъ сего на передъ.

Примиреніе Августа и Помпея привело всю Римскую Имперію въ радость; но оно столь мало заключало въ себѣ чистосердечія, что не могло быть продолжительно. Вскорѣ либо худая вѣрность Августа, либо суетность Помпея и самолюбіе обоихъ произвели между ими несогласія; вражда началась опять съ большимъ противъ прежняго жаромъ. Августъ намѣренъ былъ учинить нападеніе на Сицилію съ морскаго и сухаго пути, поручивъ начальство надъ

своимъ флотомъ Кальвизію и Менодору. Сей послѣдній измѣнивъ Помпею, и присоединясь къ Августу, оставилъ въ его власти Корсику и Сардинію. Помпей съ своей стороны приготовясь къ отраженію нападеній Августовыхъ, и нажидая его въ Мессинѣ, послалъ противъ него Менекрата со флотомъ. Сей полководецъ тогоже вечера выступилъ противъ непріятелей; но сіи видя его въ хорошемъ устройствѣ, удалились въ одинъ рукавъ состоящій въ окрестностяхъ *Кумскихъ*. На другой день очень рано Кальвизій построилъ флотъ свой въ боевой порядокъ полумѣсяцомъ, не отдаляясь отъ береговъ. Менекратъ вознамѣрясь на него напасть, и оборотя суда свои къ нему носами принудилъ его стѣсниться у береговъ, а какъ онъ пользовался всѣмъ пространствомъ моря; то и пустилъ суда свои съ стремительностію на Кальвизіевы, долженствовавшие тогда охранятся какъ отъ ихъ пораженія, такъ и отъ береговыхъ утесовъ. Такимъ образомъ Кальвизій находился въ толь худомъ положеніи, что ни бѣжать ни отразить непріятеля не могъ; почему Менекратъ находя на своей сторонѣ столь много выгодъ, немедлѣнно вступилъ съ нимъ въ сраженіе. Онъ сперва напалъ особливо на судно Менодора, открытаго своего врага; съ обѣихъ сторонъ битва производилась съ крайнею лютостію; два сіи разъяренные и пылающіе мщеніемъ сопротивника устремили суда свои другъ противъ друга съ такою быстротою, что оныя другъ о друга ударились. У Менодорова переломился шпиронъ, а у Менекратова веслы въ щепы разбились. Не взирая на то они и въ семъ состояніи снялись между собою, стараясь каждой изъ нихъ взойти на противное судно; сія сцѣпка была столь кровопролитна, что съ обѣихъ сторонъ солдаты должны были выдерживать градъ стрѣлъ, камней, и сулицъ;

свирѣпость и ярость одушевляла обоихъ главноначальниковъ, хотя уже и раненыхъ; у Менодора было проколото плечо копьемъ, а Менекратъ уязвленъ былъ сулицею въ стегно, отъ чего и не могъ уже быть на сраженіи. Менодорово судно будучи сильнѣе, огромнѣе, выше, да и лучше непріятельскаго построено, одержало верхъ, и завладѣло Менекратовымъ. Сей послѣдній боясь попасть въ руки лютѣйшаго своего непріятеля, бросился въ море. Менодоръ приказавъ Менекратово судно привязать къ своему, причалилъ къ берегу. Вотъ что происходило на лѣвомъ крылѣ! Кальвизій занимая правую сторону пустился въ открытое море въ слѣдъ за бѣгущими непріятельскими судами; но Демохаръ, товарищъ Менекратовъ, вознамѣрясь отмстить за смерть своего военачальника, и вдругъ бросясь на прочіе Августовы суда, иные изъ нихъ обратилъ въ бѣгство, другіе разбилъ, а прочіе сожегъ. Кальвизій на обратномъ пути собралъ опять разбѣжавшіеся свои суда, стараясь на загорѣвшихся потушить пламень; но наступившая ночь понудила всѣхъ убраться въ убѣжище. Тогдашній выигрышь остался на сторонѣ Помпеевыхъ товарищей, а на Кальвизіевой погибли наилучшіе корабли.

Демохаръ не столько довольствуясь одержанною побѣдою, сколько огорчаясь потерею Менекрата, удалился въ Сицилію съ такимъ прискорбіемъ, что будтобы у него цѣлой флотъ погибъ; а Кальвизій пользуясь его удаленіемъ, починилъ между тѣмъ свои суда, и вышелъ изъ залива. Между тѣмъ Августъ выступя изъ Тарента со многочисленнымъ флотомъ, отправился въ Регію (Rhegio), и пріѣхалъ въ Мессину, гдѣ Помпей находился только съ 40 кораблями. Естьли бы Августъ тогдаже на него напалъ, какъ ему друзья совѣтовали; то бы безъ сумнѣнія

привелъ его въ крайность; но онъ хотѣлъ дождаться Кальвизія, а симъ то замедлѣніемъ и упустилъ случай къ разбитію Помпея.

Въ сіе время Августъ увѣдомясь о пораженіи Кальвизія близъ Кума, снялся съ якоря, и поѣхалъ къ нему на встрѣчу; но коль скоро вступилъ въ проливъ; то флотъ его и былъ встрѣченъ Помпеевыми кораблями подъ начальствомъ Демохара. Сей полководецъ съ великимъ жаромъ опрокинувшись на него, однимъ разомъ напалъ на всѣ суда, дабы чрезъ то понудить ихъ всѣхъ къ битвѣ. Августъ опасаясь сраженія въ тѣсномъ проливѣ, да притомъ еще и безъ Кальвизія, отступилъ къ берегу, приказавъ всѣмъ кораблямъ бросить якори. Демохаръ съ великою силою налегши на нихъ, и усугубя свой напоръ, довелъ ихъ до того, что многіе изъ нихъ либо другъ объ друга разбивались, либо сокрушались о скалы. Августъ дивясь столь для него новому движенію, соскочилъ съ корабля своего на одну скалу, и спасся на горѣ. Но одинъ изъ его полководцевъ Корнифицій съ досадою видя, что суда его претерпѣваютъ такой вредъ, а служителей на нихъ побиваютъ безъ возможности оборониться, и рѣшась покрайней мѣрѣ не безъ боя погибнуть, пустился въ открытое море, и хотя опрометчивымъ, однако удачнымъ образомъ нападши на Демохаровъ корабль, взялъ его въ полонъ. Демохаръ перескоча на другое судно, вступилъ снова въ сильнѣйшее сраженіе. При наступленіи ночи отдаленнѣйшіе Помпеевы корабли усмотря флотъ Кальвизіевъ на всѣхъ парусахъ бѣгущій, дали сигналъ къ отступу, дабы въ сумерки не предпринимать дѣйствія противъ свѣжихъ кораблей.

Августъ съ малою только частію войскъ успѣвшихъ сойти съ судовъ почитаемыхъ уже погибшими, худо

препроводилъ ночь на своемъ ночлегѣ, не имѣвъ тамъ ни съѣстныхъ припасовъ, ниже другихъ какихъ потребностей. На разсвѣтѣ дня пошедши на берегъ, увидѣлъ онъ печальные остатки флота своего и все море покрытое то горящими, то полусожженными кораблями, то отломками сокрушенныхъ отъ скалъ судовъ. Правда онъ нѣсколько утѣшился прибытіемъ Кальвизія; однако сія отрада не долго продлилась потому, что въ то время, какъ Кальвизій занимался починкою кораблей, поднялся столь сильной вѣтръ, что тогда суда его ко вреду своему сталкивались либо другъ съ другомъ, либо разбивались о каменныя утесы. Менодоръ же опасаясь совершеннаго кораблекрушенія уплывъ въ открытое море, сталъ тамъ на якорѣ; а чтобъ корабли его сколько нибудь безопаснѣе были отъ взаимныхъ ударовъ; то онъ снова употребилъ въ пользу себѣ длинные брусья и веслы; многіе другіе корабли то же учинили; но какъ буря сдѣлалась гораздо порывистѣе; то всѣ Августовы корабли претерпѣли величайшей вредъ; якорные канаты перелопались; носимые по произволу волненія суда служили сами себѣ камнями претыканія, или разшибались у береговъ; ужасный крикъ матросовъ и солдатъ смѣшанный съ шумомъ валовъ и вѣтровъ ни мало не допускалъ выслушивать приказаній; кричавшіе по напрасну кормщики не знали, какой взять поворотъ; повсюду видны были только мертвые и умирающіе. Ночью буря еще больше усугубила свирѣпость свою; а при соединеніи ночной темноты съ ужасами бури, на морѣ и по ближнимъ берегамъ раздавались крики погибающихъ и безполезно требующихъ помощи. На другой день возходящее солнце возобновило тишину; Августовы полководцы собравъ бѣдные остатки флота своего удалились; а Помпей

могши пользоваться толикимъ ихъ замѣшательствомъ, кажется, и не помышлялъ о уничтоженіи ихъ спасенія.

Августъ будучи всегда безуспѣшенъ на морѣ, по видимому никогда не надѣялся съ сей стороны ожидать себѣ щастія; но разные вспоможенія полученные имъ отъ единоучастниковъ, заставили его снова отправить въ море флотъ для нападенія на Помпея. Антоній имѣвъ у себя 300 кораблей, снабдилъ его 120 тью, или лучше обмѣнилъ на легіоны. Августъ съ своей стороны велѣлъ починить оставшіеся отъ своего флота суда, приказавъ также построить нѣсколько вновь, отъ чего составился у него флотъ несравненно важнѣе бывшаго. Съ симъ-то страшнымъ ополченіемъ вознамѣрился онъ завоевать Сицилію, и начать нападеніе со всемъ жаромъ. По сему предмету приказавъ всѣмъ полководцамъ собраться, и назначивъ имъ тѣ мѣста, въ какихъ надлежало дѣлать высадку, велѣлъ каждому изъ нихъ съ разныхъ сторонъ въ одно время учинить на островъ нападеніе, такъ что, когда Лепидъ изъ Африки, Тавръ изъ Тарента, а Августъ изъ Пузола прибыли, Сицилія съ востока, запада и полудня должна была вдругъ претерпѣть вторженіе. Помпей и съ своей стороны ничего не забылъ къ озабоченію своихъ непріятелей, приведши въ оборонительное состояніе Лилибею и окрестные острова Италіи; а флотъ его находясь въ Мессинѣ наблюдалъ между тѣмъ движеніе непріятельскихъ флотовъ. Сіи послѣдніе безъ укоснѣнія направляли путь свой къ Сициліи, чтобъ стать въ виду оной. Тогда у Лепида было тысяча грузовыхъ и семдесятъ длинныхъ судовъ, а у Тавра товарища Антоніева было сто два корабля. Однако Августъ двинувшись съ своимъ флотомъ далѣе прочихъ, отправилъ нѣсколько судовъ въ передъ для развѣдыванія, а за нимъ Аппій велъ заднюю часть флота.

Таковое ополченіе долженствовало Помпея привести въ трепетъ; но море и вѣтры по видимому какъ бы еще держали его сторону. Лепидовъ флотъ бывъ застиженъ съ полуденной стороны бурею, претерпѣлъ великій уронъ въ судахъ; но не смотря на то учинивъ въ Сицилію высадку, завладѣлъ нѣкоторыми мѣстечками. Тавръ видя противные себѣ вѣтры, принужденъ былъ назадъ ѣхать въ Тарентъ; а Аппій на пути къ Минервину мысу потерялъ большую часть своихъ судовъ; одни разбиты о скалы, другіе занесены на мѣль, а прочіе всѣ почти разсѣяны были. Августъ при наступленіи сей бури убравшись въ Луканскій (*) заливъ, потерялъ тутъ одну только шести-ярусную галеру; но какъ скоро подулъ вѣтеръ съ Юго-запада; то заливъ наипаче открытый съ западной стороны, приведенъ былъ въ столь ужасное волненіе, что суда не могли ни отплыть въ открытое море, ни держаться болѣе на якоряхъ, частію сами другъ отъ друга разбивались; къ совершеннѣйшему же бѣдствію застигшая ночь столько увеличила бурю и смятеніе, что Августъ въ семъ случаѣ потерялъ шесть большихъ кораблей, двадцать шесть легкихъ, и множество *Либурновъ.* (*)

Помпей не обращая надлежащаго вниманія на предлагаемыя щастіемъ ему выгоды, никакого съ своей стороны не начиналъ движенія въ такое время, когда бы очень легко было низложить обратившуюся на его погибель сильную сторону; онъ по высокоумію своему почитая Августовы потери за собственное дѣло, любовался только побѣдою отъ стихій произшедшею. Въ такихъ сумозбродныхъ мысляхъ велѣвъ называть себя сыномъ Нептуновымъ, одѣвался уже въ платье морскаго цвѣта. Но Августъ гораздо лучше умѣлъ поступить въ своемъ злополучіи,

(*) Неопалитанское Королевство.

(*) *Liburne,* родъ легкаго судна.

исправя флотъ свой чрезъ короткое время, въ состояніи бывъ учинить на Сицилію новое покушеніе. Помпей съ лишкомъ поздо усмотря свою безпечность и непріятеля своего бдительность, послалъ Менодора съ семью кораблями для примѣчанія Августовыхъ движеній. Сей полководецъ перешедъ отъ Августа опять къ сторонѣ Помпея, помышлялъ тогда объ одномъ предательствѣ, дабы опять присоединиться къ Августу. Напередъ хотѣлъ онъ оказать громкое дѣло для того ли, чтобъ тѣмъ обольстить перваго, или для того, чтобъ показаться страшнѣйшимъ, а потому нужнѣйшимъ для послѣдняго. Онъ на подобіе молніи бросясь на Августовы корабли поставленные для охраненія строенныхъ въ Арсеналахъ судовъ, повредилъ изъ нихъ два или три, а изъ перевозныхъ судовъ ѣхавшихъ съ съѣстными припасами для снабженія магазиновъ, иные побралъ въ полонъ, а другіе сожегъ, либо потопилъ; наконецъ давъ разумѣть Августу, сколь важно было для него имѣть Менодора у себя, присталъ онъ вторично къ его сторонѣ. Августъ принялъ сего измѣнника; однако гнушаясь вѣроломствомъ, довольствовался токмо отдаленіемъ его отъ Помпеевой службы, непріобщая къ своей.

И такъ Августъ починивши флотъ свой, могъ уже напасть на Сицилію со всѣхъ сторонъ, а Помпей будучи со своимъ въ Мессинѣ, приготовился дать ему отпоръ. Папія, одинъ изъ его полководцевъ, узнавъ, что перевозныя суда ѣхали изъ Африки съ четырьмя Легіонами къ Лепиду, выступилъ противъ нихъ. Сіи послѣдніе почитая эскадру его за отправленные отъ Лепида къ нимъ охранные суда, безъ всякаго страха къ нимъ приближились; но сія ошибка стоила имъ дорого, и была причиною ихъ пораженія. Къ крайнему же нещастію сочетши присланную дѣйствительно отъ Лепида помощь

за непріятельскую погоню, ударилися въ бѣгъ съ великимъ безпорядкомъ. Отъ сугубой сей погрѣшности погибло два Легіона и множество судовъ, изъ коихъ иные полонены, либо сожжены, а другіе поглощены волнами, кромѣ малаго числа утекшихъ въ Африку.

Не взирая на то Августъ отправился со всѣмъ своимъ флотомъ къ Эолическимъ островамъ (*); но усмотря великій флотъ протянувшійся отъ Перольскаго мыса даже за Милесъ (**), полагалъ, что конечно тутъ и самъ Помпей. Въ такихъ мысляхъ оставя часть ополченія подъ начальствомъ Агриппы, флотоводца своего, самъ пустился въ Тавроминію (***) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ воспользоваться его отбытіемъ, и тогда же съ сѣверной и восточной стороны напасть на Сицилію. Агриппа не оставаясь празднымъ у береговъ Сициліи, подступилъ къ Милесу, самому важному мѣсту, бывшему тогда подъ прикрытіемъ 40 Демохаровыхъ судовъ, усиленныхъ еще другими 40, кои посланы были къ нему отъ Помпея подъ предводительствомъ Аполлофана, и самъ близко за ними слѣдовалъ съ 70 иными кораблями. Оба морскія ополченія были многочислены, и снабжены всѣми потребностями. Помпеевы суда были легки и удобны къ поворотамъ, но они больше могли только разъѣзжать около неріятельскихъ кораблей, а не нападать на нихъ съ переди; напротивъ того Августовы были огромнѣе и сильнѣе, но по тяжести своей не столь способны къ легкому движенію. За то причиняемыя имъ отъ непріятелей пораженія не столь чувствительны были, сколько симъ отъ нихъ наносимыя.

(*) Между островами находящимися у сѣвернаго берега Сициліи первой называется *Лепари*.

(**) Нынѣ *Миланзо*.

(***) Таормина.

На Августовыхъ судахъ были исправные войска, а на Помпеевыхъ наилучшіе морскіе служители.

Какъ скоро оба флота стали другъ противъ друга; то немедлѣнно началось сраженіе. Помпеевы суда проворнымъ своимъ движеніемъ успѣли причинить довольно вреда Августовымъ, прободая бока ихъ шпиронами, и сокрушая ихъ весла и кормила. Сіи пользуясь вышиною своихъ кормъ и носовъ, закидывали на непріятельскіе суда крючья и желѣзныя лапы, бросая на нихъ множество сулицъ и копій. Агриппа, полководецъ Августовъ, нападши на корабль Папіи, управлявшаго Помпеевымъ флотомъ, разразилъ оной до самаго киля; Папія спасшись въ плавь, и взошедъ на другое судно, вновь началъ битву съ большимъ противъ прежняго упорствомъ. Помпей находясь на высотѣ, былъ зрителемъ сей битвы, и видя, что его флотъ былъ одолѣваемъ, далъ сигналъ къ отступу, которой и учиненъ въ хорошемъ порядкѣ. Агриппа хотѣлъ за его флотомъ гнаться; но сей удобно могши пользоваться мѣлководіемъ, сталъ на якорь въ такомъ мѣстѣ, куда большіе Агрипповы корабли не могли уже ѣхать. Помпей въ семъ сраженіи потерялъ тритцать судовъ, а Августъ пять.

Въ то же время Помпей увѣдомясь, что Августъ имѣетъ намѣреніе напасть на Тавроминію, оставилъ одну часть судовъ въ Милесѣ для проманиванія Агриппы, а съ другою отправяся въ Мессину, составилъ тамо сильный флотъ. Августъ думая, что онъ еще въ Милесѣ, вознамѣрился было пуститься въ Тавроминію среди ночи украдкою; но услышавъ объ одержанной Агриппою побѣдѣ, счелъ недостойнымъ побѣдителя дѣломъ таить свой походъ; и такъ при совершенномъ разсвѣтѣ поѣхавъ въ Сицилію, началъ тамо высаживаться. Какъ скоро приказалъ

расположиться лагеремъ: то Помпей выступилъ въ море со многочисленнымъ флотомъ Августъ бывъ увѣренъ, что морскія силы его знатно уменьшились, съ изумленіемъ увидѣлъ его въ столь хорошемъ положеніи, и былъ столько устрашенъ наступленіемъ почитаемаго разбитымъ непріятеля, что естьли бы Помпей умѣлъ пользоваться его замѣшательствомъ: то бы одержалъ надъ нимъ тогда совершенную побѣду; но Помпей рожденъ будучи къ непрестаннымъ ошибкамъ, далъ ему время спастися. Августъ прежде еще наступленія дня отправился въ путь, и тѣмъ избавился отъ угрожавшей ему напасти. Помпей погнавшись за нимъ, два раза того дня вступалъ въ сраженіе. Щастіе опять тогда воспротивилось Августу; онъ потерявъ самую большую часть судовъ, принужденъ былъ по ужасномъ претерпѣніи спасаться почти одинъ, и укрываться въ лагерѣ Мессалы, котораго долженствовалъ онъ почитать не иначе, какъ за врага, положивъ голову его въ цѣну; однако сей столько былъ великодушенъ, что не отказалъ ему въ убѣжищѣ.

Августъ оправясь отъ своего страха и утомленія, не преставалъ съ сухаго пути безпокоить его въ Сициліи, и всегда одерживалъ надъ нимъ нѣкоторые выигрыши. Помпей наскучившись безплодною войною, вознамѣрился окончить все дѣло рѣшительнымъ опытомъ, а находя себя еще весьма сильнымъ на морѣ, предложилъ Августу о прекращеніи распрей своихъ морскою битвою. Августъ всегда видя худое себѣ щастіе на водѣ, тогда же отвергнулъ предложеніе; но напослѣдокъ рѣшился принять оное. Въ реченный день оба равносильные флота состоя изъ 300 судовъ, выступили другъ противъ друга въ ужасной готовности; всѣ суда были вооружены

бойницами, каменометтницами (*) и всякими тогда употребляемыми у Римлянъ военными машинами. Агриппа начальствовавшій надъ Августовымъ флотомъ изобрѣлъ нѣкоторый родъ дрека (*) къ великой пользѣ тогда ему послужившаго. Дѣйствіе сперва началось сильною сшибкою гребныхъ судовъ; а потомъ съ обѣихъ сторонъ посыпался градъ камней, стрѣлъ, сулицъ и каленыхъ копій бросаемыхъ то изъ рукъ, то изъ машинъ. Всѣ суда между собою перемѣшавшись, нападали другъ на друга то съ носа, то съ кормы, то съ боковъ. Воины билися съ равномѣрнымъ жаромъ; кормчіе и гребцы употребили всю расторопность, а начальники возбуждали всякаго своимъ примѣромъ. Обѣ сухопутныя рати, стоявшія на берегу въ боевомъ устройствѣ, поощряли каждая свою сторону къ соревнованію; но ничто столько ни наносило вреда Помпеевымъ судамъ, какъ изобрѣтенный Агриппою дрекъ. Сіе орудіе будучи длинно, и обложено желѣзомъ, однакожъ для удобнаго устремленія довольно легко, однимъ концомъ зацѣплялось за суда, а другимъ тащило ихъ помощію привязанныхъ къ нему веревокъ, которыхъ по длинѣ онаго ни какъ не льзя было непріятелямъ перерубить. Снявшіеся между собою суда стремилися всѣ къ сцѣпкѣ. А какъ бились уже тогда въ самой близости; то въ такой свалкѣ всѣ перемѣшавшись, не рѣдко убивали вмѣстѣ и своего и чужаго. Поелику же лозунгъ (уговорное слово), служившій для распознанія другъ друга, не могъ тогда быть скрытымъ; то и сдѣлался той и другой сторонѣ общимъ; а сіе самое и послужило къ вящшему кровопролитію, такъ что въ краткое время море покрыто было мертвыми тѣлами, щитами и обломками оружій. Агриппа примѣтивъ, что флотъ Помпеевъ начиналъ колебаться,

(*) *Catapultes.*
(*) *Grapin.*

усугубилъ рвеніе, и преклонилъ побѣду на сторону Августа, у котораго въ тотъ день потеряно только три судна; уПомпея же потоплено двадцать восемъ, а прочія то взяты въ плѣнъ, то разбиты, либо сожжены, кромѣ семнатцати спасшихся.

Помпей въ смущеніи отъ такой потери забывъ о сухопутномъ войскѣ своемъ, помышлялъ только объ утечкѣ съ оставшимися тѣми семнадцатью судами; полагая же, что Августъ непремѣнно будетъ пользоваться побѣдою, удалился въ Кефалонію, гдѣ было сборное мѣсто его судовъ; но видя, что флотъ его для побѣга еще великъ, а для сраженія слабъ, далъ позволеніе всѣмъ своимъ чиновникамъ приставать, къ чьей хотятъ, сторонѣ; а самъ за благоразсудилъ присоединиться къ Антонію; однако нечаянная смерть предварила его намѣреніе; онъ убитъ на пути. Таковъ былъ жребій сына великаго Помпея, который по видимому могъ бы поддержать славу отца своего, и отмстить за его смерть, буде умѣлъ бы лучше пользоваться своими выгодами; но онъ съ лишкомъ много полагался на дѣйствіе щастія. Августъ же либо опасаясь раздора съ Антоніемъ, либо по дѣламъ заведеннымъ со стороны Лепида, либо потому, что Помпей не былъ сообщникомъ въ заговорѣ противъ Цезаря, не преслѣдовалъ его; онъ въ Сициліи украшаясь лаврами, занимался тамо совокупленіемъ флота своего увеличившагося тогда до шестисотъ кораблей, выключая необъятное число перевозныхъ судовъ; изъявилъ также свою благодарность служившимъ ему съ честію чиновникамъ, а наипаче Агриппѣ, коего мужество и заслуги вознаградивъ—далъ ему корабельной вѣнецъ и морскаго цвѣта знамя. Августъ возвратяся въ Римъ, встрѣченъ былъ съ великими почестями за толь знаменитый походъ, въ коемъ однакожъ не столько мужеству

своему, сколько худому поведенію Помпея былъ одолженъ. Ему воздвигнута была золотая статуя съ слѣдующею надписью: *ob pacem post diuturna bella terra marique redditam*; то есть: *за миръ по долговременной на сушѣ и водахъ брани возстановленный*.

По смерти Помпея Августъ вскорѣ избылъ въ немъ сильнаго своего непріятеля; а съ другой стороны уничиживъ Лепида, наконецъ дошелъ до того, что согналъ его съ Тріумвиратства; имѣвши же совмѣстникомъ себѣ одного только Антонія, успѣлъ также и его низложить; и такимъ образомъ сдѣлался одинъ обладателемъ вселенной.

Но успѣхомъ сего послѣдняго произшествія Августъ обязанъ былъ не столько своей храбрости и хитростямъ, сколько злополучной страсти Антонія къ славной Клеопатрѣ, Царицѣ Египетской, въ то самое время, когда сей наиболѣе, казалось, былъ огорченъ ею. Антоній въ походѣ противъ Парѳянъ требовалъ отъ сей Государыни, чтобъ она сама ѣхала лично оправдать свой поступокъ, и отвѣчать на обвинительныя статьи по предмету вспоможеній учиненныхъ ею, какъ утверждали, Кассію и Бруту.

Клеопатра готова была исполнить повелѣніе Антонія; но вѣдая къ женскому полу слабость того, къ кому надлежало ей предстать, вздумала употребить въ пользу свои прелести, и учинить рабомъ такого Римлянина, который въ качествѣ ея Государя требовалъ у нее отчета въ ея поведеніи.

Я не отступлю отъ предмета, естьли здѣсь представлю все то великолѣпіе, съ каковымъ сія Царица намѣрена была получить чаемую побѣду; потому что сіе обстоятельство, яко происходившее на водахъ, относится до всеобщей Исторіи о мореходствѣ.

Клеопатра при необычайной своей природной красотѣ употребя также и все искуство къ возвышенію оной, поѣхала изъ Египта въ Киликію, и на рѣкѣ Циднѣ сѣла на корабль, у коего корма была золотая, парусы червленые, а весла серебреные. Во время плаванія при звукѣ мусикійскихъ орудій она возлежа съ роскошною небрежностію подъ парчевымъ шатромъ въ самомъ блистательномъ нарядѣ приличномъ только Венерѣ, хотѣла представить подобіе сей богини; многіе вокругъ ее молодые и прекрасные юноши одѣтые по примѣру купидоновъ опахалами своими приводя воздухъ въ легкое движеніе, прохлаждали ее лице; также и молодыя дѣвицы одѣтыя подобно Нимфамъ, Нереидамъ, или Граціямъ, должны были представлять передъ нею сихъ юныхъ полубогинь. Одни опершись на кормило или на края судна, а другія разсыпавшись по палубѣ долженствовали бросать всякой взглядъ, всякой мигъ такъ, чтобъ онъ значилъ что нибудь.

Непрестанно происходящее отъ сего великолѣпнаго корабля самое изящное благовонное куреніе носилось надъ рѣкою и берегами; а въ то время, какъ Антоній съ Клеопатрой ужиналъ, великое множество свѣтичей наономъ разставлено было узорнымъ образомъ, представляя иносказательныя начертанія и фигуры въ пріятномъ разнообразіи.

Антоній никогда не бывъ пораженъ столь обаятельнымъ зрѣлищемъ, какъ симъ, и при томъ больше расположенъ къ любовнымъ, нежели къ военачальническимъ дѣяніямъ, вскорѣ покорился прелестямъ, которыя конечно могли бы и не столь сластолюбиваго человѣка, какъ онъ, привести въ искушеніе. Клеопатра безъ всякаго труда извинившись предъ нимъ, была совершенно оправдана; а безмѣрная страсть, воспламененная ею въ сердцѣ сего Римлянина, напослѣдокъ была причиною погибели обоихъ.

Августъ обладаемый любочестіемъ, яко господствующею страстію, воспользовавшись таковымъ Антонія поведеніемъ, умѣлъ помрачить его въ мысляхъ сенаторовъ и народа, а увелича слабости, сдѣлать презрѣннымъ и даже ненавистнымъ у всѣхъ. Такимъ образомъ мало по малу приготовляя ихъ къ замышляемой имъ противъ него, якобы законной, войнѣ, онъ долженствовалъ въ лицѣ сего совмѣстника разрушить единую препону, возпящавшую ему къ возшествію на престолъ. Антоній также на своей сторонѣ имѣвъ соумышленниковъ, какъ и его соперникъ, употребилъ равнымъ образомъ всевозможныя мѣры къ приведенію Августа въ ненависть. Съ обѣихъ сторонъ начались движенія, а въ короткое время и вся Имперія пришла въ смятеніе единственно по частному раздору сихъ двухъ Римлянъ.

Антоній первый приготовясь къ войнѣ, поѣхалъ съ Клеопатрою въ Эфесъ; тамъ онъ собравъ знатный флотъ въ числѣ 800 судовъ, со включеніемъ ея 200, направилъ съ онымъ путь къ Самосу, и сталъ на якорь въ удобномъ мѣстѣ возлѣ сего острова, куда стеклись также и забавы всякаго рода. Въ то самое время, когда устрашенные грозящимъ нещастіемъ народы по причинѣ раздора сихъ двухъ начальниковъ республики находились въ самомъ крайнемъ унынiи, въ Самосѣ раздавался радостный шумъ, чего самъ Антоній требовалъ при начатіи войны, какъ будто бы вскорѣ по одержаніи знаменитыхъ какихъ побѣдъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, отправился потомъ въ Аѳины, гдѣ такимъ же образомъ поступая, переселилъ туда всѣ Самоскія увеселенія.

Антоній дѣйствительно приготовился страшнымъ образомъ прежде, нежели Августъ могъ быть готовымъ

а ежелибъ онъ меньше занимался увеселеніями, и немѣдленно поѣхалъ въ Италію; то бы соперникъ его приведенъ былъ въ неминуемую крайность; но Августъ долженствовалъ основать возвышеніе свое на погрѣшностяхъ тѣхъ самыхъ людей, кои могли бы его подавить. Тогда, какъ упоенный сластолюбіемъ Антоній погублялъ свое время въ Аѳинахъ, Августъ поспѣшалъ своимъ вооруженіемъ на сушѣ и водахъ, и отправился изъ Бринда со своимъ флотомъ; не могши же заманить непріятеля въ Италію, самъ поѣхалъ искать его у береговъ Эпирскихъ, куда тотъ уже и прибылъ.

Морское ополченіе Антонія расположилось при Акціи, (*) славномъ и по Акційскимъ играмъ извѣстномъ Эпирскомъ мысѣ; число онаго состояло изъ 500 военныхъ судовъ, изъ коихъ многіе были объ осьми и десяти ярусахъ, построенія крѣпкаго, съ высокими бордами, съ возвышенными бойницами, убраны великолѣпнымъ образомъ, и болѣе для какого нибудь торжества, нежели для сраженія украшены. Многіе Цари почтили сіе знаменитое ополченіе своимъ присутствіемъ и силами; Клеопатра наипаче блистала своими прелестями, саномъ, и великолѣпіемъ корабля. Сколько таковое приготовленіе ни было пышно, но оно не было страшно; во флотѣ не доставало морскихъ служителей; а естьли малое число ихъ и было: то либо набраны по насилію, либо не имѣли довольной опытности. Напротивъ того у Августа морскія силы не столько были многочисленны (*), но гораздо лучше

(*) *Actium.*

(*) Онѣ состояли только изъ 250 судовъ. *Флоръ* въ кн. 4. гл. II. говоритъ, что Августовъ флотъ состоялъ изъ 400, а Антоніевъ изъ 200 судовъ. Для согласія сего писателя съ Плутархомъ надобно полагать, что у Антонія было 500 судовъ, да 200 находилось въ заливѣ; у Августа же всего на все было 400, въ томъ числѣ 250 военныхъ

снаряжены, почти всѣ состоя изъ Либурновъ, т. е. изъ легкихъ и къ поворотамъ удобныхъ судовъ; снаряды были полные, служители отборные и къ дѣлу давно уже и навыкшіе въ войнѣ съ Помпеемъ. Съ таковымъ то ополченіемъ Августъ выступивъ противъ Антонія, намѣренъ былъ дать ему сраженіе; но сей послѣдній находя себя въ силахъ гораздо слабѣе, успѣлъ избѣгнуть дѣйствія чрезъ одну хитрость. Велѣвъ поднять веслы, какъ будто въ готовности къ отплытію, и вооружа отобранныхъ невольниковъ, поставилъ на бойницахъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало биться; а галеры обращенные всѣ носами противъ лица непріятелей всѣ были въ такомъ положеніи, какъ будто ожидали только сигнала. Августъ будучи обманутъ всѣми таковыми ухватками, и почетши первую сію линію непроницаемою, удалился назадъ.

Антоній полагая надежду свою болѣе на сухопутныя, нежели на морскія силы, хотѣлъ уклониться отъ морской битвы, и заманить Августа на матерую землю для сраженія; но Клеопатра опасаясь, чтобъ замедлѣніе не прекратилось новымъ ихъ примиреніемъ, и не учинило бы ее тогда жертвою, убѣдила его испытать щастіе на морѣ. Буря продолжавшаяся почти чрезъ пять дней препятствовала обоимъ флотамъ въ движеніяхъ: но по возобновленіи тишины Августъ опять появившись предъ заливомъ, твердо рѣшился напасть на Антонія, либо выманить его на просторное мѣсто. Агриппа въ Августовомъ флотѣ былъ главнымъ начальникомъ; М. Ларій управлялъ лѣвымъ; Арунцій правымъ крыломъ; Августъ же, можно сказать, присутствовалъ вездѣ. Антоній также построившись въ боевой порядокъ, находился самъ на правомъ крылѣ съ Публиколою, лѣвымъ управлялъ, Целій; а М. Октавій и М. Инстей начальствовали въ срединѣ; онъ до

самаго полудня стоялъ въ боевомъ строѣ безъ всякаго движенія, подобно какъ бы лежалъ на якорѣ; но коль скоро вѣтеръ началъ крѣпчать; то и пустилъ лѣвое свое крыло въ передъ. Августъ сдѣлавъ притворной отступъ, старался заманить его въ открытое море; а тогда то и началась самая битва; но въ первыхъ схваткахъ не было обыкновеннаго при начатіи битвы разгрома; ибо Антоніевы суда за тяжестію и неповоротливостію своею не въ состояніи были набѣгать на Августовы, такъ какъ и сіи послѣдніе столь же мало могли нападать на Антоніевы, ни посредствомъ обложенныхъ мѣдью носовъ разбивая оные, ниже крѣпостію боковъ сокрушая переднія ихъ части, (bес)

Августъ приказалъ только четыремъ своимъ кораблямъ разъѣзжать около Антоніевъ, и сражаться не доходя отнюдь до сцѣпки; Антоніевы же солдаты пускали только стрѣлы съ верьху своихъ стрѣльницъ. Публикола видя, что Агриппа вытягивалъ переднюю линію, въ намѣреніи охватить Антонія, выступилъ изъ залива противъ него. Въ сіе то время началось жестокое сраженіе; Августовы суда столь стремительно нападая, столь же скоро и отступая, успѣвали наносить удары, недопуская до себя непріятельскихъ, подобно громовымъ перунамъ, которые поражая, вдругъ изчезали. Они то устремляясь отъ одного судна на другое, не давая даже времени развѣдать о себѣ, то искусно уклоняясь, и между тѣмъ нанося косвенные удары, ломали веслы, откалывали части, отбивали кормы; а другіе въ совокупности устремясь на то же самое судно, захватывали его, прежде нежели оно могло знать, съ какой стороны надлежало ему обороняться; напротивъ того Антоніевы суда съ крайнею трудностію поворачиваясь, старались только

сцѣпляться съ непріятельскими, и тогда дѣйствовали весьма сильно, такъ что флотъ его походилъ на пехотную стѣну бьющуюся на ногахъ твердыхъ, а Августовъ на легкую конницу вступающую въ дѣло съ крутостію, и умѣющую проворно раздѣлываться.

При столь упорномъ сраженіи побѣда была еще нерѣшимою; но по причинѣ слабодушія Клеопатры оная вскорѣ стала колебаться. Сія боязливая Царица мало привыкшая къ кровопролитнымъ позорищамъ находясь съ 60ю своими судами во внутренней части залива, такъ какъ въ безопаснѣйшемъ мѣстѣ, приходила въ великое безпокойство отъ дѣйствія представлявшаго ей одни токмо ужасы; сумнѣваясь о успѣхѣ сраженія, и воображая въ мысляхъ неминуемую себѣ погибель въ случаѣ низложенія Антоніева, приказала своимъ изготовиться къ отплытію; а при благопріятномъ вѣтрѣ проѣхавъ между Антоніевыхъ кораблей, пустилась въ путь къ Александрійскимъ берегамъ.

Антоній по приверженности своей болѣе къ любви, нежели къ славѣ, и притомъ въ самомъ отчаянномъ положеніи дѣлъ своихъ побѣжалъ въ слѣдъ за Египетскою Царицею, оставя все свое морское воинство. Храбрые Офицеры его видя столь посрамительное бѣгство, и слѣдственно не могши долгое время сохранить поколебавшагося тѣмъ своего мужества, умертвили сами себя; а хотя при противномъ и порывистомъ вѣтрѣ сей флотъ приведенъ былъ во вторичную опасность; однакожъ не смотря на то, неослабно еще сопротивлялся Августу, который требуя отъ него здачи, но видя непреоборимую твердость, приказалъ зажечь всѣ суда; тогда брошено было великое число горящихъ головней, разкаленныхъ копей, горшковъ съ горючимъ составомъ; а

чрезъ то всѣ находившіеся на оныхъ были погублены либо отъ огня, либо отъ воды, либо отъ руки непріятеля.

Однако Августъ одумавшись, и чая найти у Антонія сокровища, желалъ, сколько можно, болѣе сберечь непріятельскихъ судовъ; почему приказавъ на нихъ гасить огонь, спасъ 300 взятыхъ имъ въ полонъ; всѣ же прочіе были жертвою пламени, или воды. Августъ послѣ такой побѣды, коея цѣною было обладаніе вселенной, полетѣлъ въ погоню за Антоніемъ и Клеопатрою; но какъ они утекли далече въ передъ; то и не можно было ихъ нагнать. Побѣдитель пріобрѣлъ отъ своей побѣды всѣ возможныя выгоды; онъ получилъ въ руки колебавшееся чрезъ семъ дней непріятельское воинство, покорилъ безъ труда всю Грецію, и далъ чувствовать власть свою даже до самой Александріи. Правда Антоній дѣлалъ еще на сухомъ и морскомъ пути нѣкоторыя покушенія; но сіе ни что иное было, какъ томное проблескиваніе погасающаго огня. Будучи столько слабъ, что не въ состояніи уже былъ выдержать тяжести толикаго злоключенія, искалъ онъ единаго врачеванія въ смерти, и наконецъ пронзилъ грудь свою кинжаломъ. Клеопатра боясь быть украшеніемъ торжества Августова, также прекратила животъ свой, какъ нѣкоторые дѣеписатели говорятъ, принятіемъ яда, или, какъ другіе утверждаютъ, отъ уязвленія Аспида; а поелику всѣ они какъ о семъ случаѣ, такъ и о числѣ обосторонныхъ кораблей говорятъ различно: то можно, кажется, для согласованія ихъ сказать то, что одни изъ нихъ говорятъ о судахъ всякаго рода, а другіе только объ одныхъ военныхъ.

Таково было кончаніе Акційскаго сраженія, достопамятнѣйшаго изъ всѣхъ произшествій упоминаемыхъ

въ Исторіи, какъ въ разсужденіи обстоятельствъ, такъ и слѣдствій.

Августъ ради увѣковѣченія своего торжества, повелѣлъ при входѣ въ заливъ, гдѣ произходило дѣйствіе, выстроить городъ подъ наименованіемъ *Николлиса*, т. е. *Побѣдограда*; учредивъ же въономъ Акційскія игры чрезъ каждое пятилѣтіе отправляемыя, возобновилъ также древній храмъ Аполлона находившійся по близости Акційскаго мыса, и посвятилъ оному нѣкоторые суда оставшіеся отъ Антоніева флота.

Въ вѣчное воспоминаніе сей знаменитой побѣды вычеканены были золотые, серебряные и бронзовые медали (*). Тогда въ третій разъ отъ основанія Рима затворенъ былъ храмъ Янусовъ.

Августъ утвердя единоначальство свое надъ всею вселенною, вмѣсто бывшихъ общенародныхъ бѣдствій, браней, несправедливыхъ заточеній и побіеній наилучшихъ гражданъ, возстановилъ миръ, правосудіе и изобиліе; а сіе самое въ разсужденіи начала и конца его царствованія заставило говорить о немъ, что онъ либо никогда бы не долженствовалъ на свѣтъ родиться, либо никогда не умирать. Въ системѣ правленія своего не забывъ привести въ силу мореходство почитаемое имъ всегда существенною опорою Государства, онъ содержалъ у себя два флота; одинъ въ Мизенѣ, что въ Кампаніи, а другой въ Равеннѣ, дабы съ первымъ во всякое время

(*) На многихъ медаляхъ для сего случая выбитыхъ представляются, исключая Августовой головы, то тріумфальныя ворота, то съ изображеніемъ корабельнаго носа вѣнецъ, либо трофей сооруженный на кормѣ. На нѣкоторыхъ же Августъ представленъ ѣдущимъ на торжественной колесницѣ съ лавровою вѣтвію въ рукѣ, а на другихъ слѣдующая надпись. IMP. CESAR DIVI. F. OCS. VI. LIBERTATIS. P. R. VINDEX.

первенствовать въ Адріатическомъ морѣ, называемомъ также и верхнимъ, потому что омываетъ оно восточную сторону Италіи; а со вторымъ обладать Тосканскимъ моремъ, называемомъ нижнимъ, потому что прилегаетъ къ западной части Италіи. Равенской флотъ состоя почти изъ 250 кораблей, содержалъ въ страхѣ берега Венеціанскіе, Иллирію, Либурнію, Далмацію, Эпиръ, Грецію, и даже самую Азію, а Мизенской находился въ Сициліи и Африкѣ; кромѣ сихъ флотовъ еще въ Фреѣ, что Провансѣ, было великое число судовъ со шпиронами взятыхъ на Акційскомъ сраженіи у Антонія.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

О МОРЕХОДСТВѢ РИМЛЯНЪ

Со времени Тиверія до Константина.

По кончинѣ Августа Тиверій былъ преемникомъ власти надъ Имперіею. Сей Государь исполненъ былъ столь многихъ пороковъ, и слѣдственно столь гнусныхъ качествъ, что Римляне думали, яко бы Августъ въ избраніи его наслѣдникомъ не иное какое имѣлъ намѣреніе, какъ то, чтобы тѣмъ заставить всѣхъ паче соболѣзновать о немъ; сей преемникъ по видимому старался больше проливать Римскую кровь, нежели упражнятсья въ дѣлѣ мореходства; въ его Царствованіе ничего для Исторіи мореплаванія не представляется, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ случившихся по поводу войны, производимой племянникомъ его, *Германикомъ*, въ Нѣмецкой землѣ.

Успѣхи сего Военачальника начали Тиверія приводить въ подозрѣніе и ревность. Онъ вознамѣрился отозвать Германика назадъ подъ предлогомъ, будто хочетъ употребить его для другихъ нуждъ; но Германикъ проникнувъ точныя дяди своего побудительныя причины, хотѣлъ лучше пользоваться плодами своихъ побѣдъ, и помышляя единственно о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, сталъ искать къ тому пособія въ мореплаваніи, дабы симъ образомъ внести военное пламя въ самое нѣдро Германіи. Ради сего случая приказалъ онъ со всякимъ тщаніемъ построить въ Голландіи разнаго рода и величины тысячу судовъ, изъ коихъ одни были коротткія, къ кормѣ же и носу узкія, а съ боковъ широкія

для лучшей остойчивости на морѣ; другіе же по плоскодонности были способнѣе къ плаванію у береговъ; а многіе имѣвъ по два руля, какъ-то одинъ на кормѣ, а другой на носу, могли, не оборачиваясь, ходить то въ ту, то въ другую сторону, большая же часть будучи съ палубами могла перевозить на себѣ машины, конницу и съѣстные припасы; всѣ они были суда превосходные, къ дѣлу способные, и снабжены исправными морскими служителями. Германикъ собравши сей многочисленный флотъ въ устьяхъ Рейна, вошелъ въ построенный отцемъ его Друзомъ каналъ, а оттолѣ поплылъ къ рѣкѣ Эмсу, въ то время называемой *Амизгею.*

Въ устьѣ сей рѣки бросяя якорь, онъ высадилъ войска на правой берегъ, оставя въ лѣвѣ Эмсъ, и потомъ приказалъ навести чрезъ нее множество мостовъ для перехода войскъ. Удивительно, кажется было, что Германикъ высадя войска на одинъ берегъ, велѣлъ послѣ имъ перебираться съ него по мостамъ на другой, вмѣсто того, чтобы для избѣжанія затруднительнаго наведенія мостовъ, могъ гораздо выше на сей же рѣкѣ пристать съ судами. Тацитъ опорачиваетъ поступокъ его въ семъ случаѣ; но Юстелипсъ дѣлавшій примѣчанія на его лѣтопись, оправдываетъ оной; Германикъ, говоритъ онъ, какъ весьма свѣдущій человѣкъ, не могъ учинить сего напрасно. Выбираться войску своему на лѣвой берегъ сей рѣки не велѣлъ онъ для того, что тамъ положеніе земли было не удобно, а выше по той же рѣкѣ заѣхать судамъ не приказалъ либо для того, что тамъ не извѣстна была ему глубина, либо для того, что тогда непремѣнно надлежало стѣснить передовую часть флота, и слѣдственно выставить ее въ слабомъ положеніи.

Такимъ образомъ Германикъ переправясь чрезъ Эмсъ,

сталъ лагеремъ между сею рѣкою и Везеромъ, за которымъ Нѣмцы нажидали его; но онъ лишь только узналъ о семъ; то въ виду же ихъ перешедши, имѣлъ съ ними многія битвы, и каждой разъ ихъ побивалъ. Въ память одержанныхъ надъ ними побѣдъ онъ соорудилъ монументъ единственно къ славѣ Тиверія, и былъ притомъ столько скроменъ, что ни единаго слова къ себѣ относящагося отнюдь не приказывалъ включать въ надпись. При наступленіи зимы отправя одну часть войскъ на зимовье въ крѣпости, а главное воинство снова посадя на оставшійся въ рѣкѣ Эмсѣ флотъ, самъ поѣхалъ въ океанъ.

Тысяча судовъ составлявшихъ сей флотъ при попутномъ вѣтрѣ вступили въ открытое море; но какъ тогда востала одна изъ самыхъ ужаснѣйшихъ бурь съ такою силою, что суда наконецъ уже не могли быть управляемы; то солдаты приведены бывъ въ ужасъ тѣмъ болѣе, что сіе море мало имъ извѣстно было, дѣлали только матрозамъ помѣшательство въ произведеніи надлежащихъ поворотовъ. Поелику не льзя было дѣйствовать насосами для облегченія готовыхъ уже къ погрязанію судовъ; то и принуждены были прибѣгнуть къ послѣднему средству, бросая въ море лошадей, оружіе и всякую поклажу. Нѣкоторые суда увлечены были въ открытое море; другіе занесены къ отдаленнымъ, или не обитаемымъ островамъ, куда люди сошедъ, буде тогда же не померли съ голоду, могли продлить жизнь свою развѣ на самое краткое время, питаясь выкинутыми на берегъ трупами и полусогнившими лошадями; а иные заброшены были на окруженные скалами острова; многіе изъ нихъ заѣхали на такіе мѣли, гдѣ якори ни какъ не могли забираться. Большая часть была поглощена

водою, и наконецъ весь сей многочисленный флотъ былъ повсюду разсыпанъ, кромѣ Германикова трехъ-яруснаго судна, которое могло еще привалить къ берегамъ Кауца, или Кавковъ жившихъ между устьями Эмса и Эльбы.

Сей Царевичь столько чувствителенъ былъ къ злощастной судьбинѣ погибшихъ людей своихъ, что почитая себя единственною причиною ихъ гибели, самъ хотѣлъ броситься въ море, что безъ сумнѣнія и учинилъ бы, ежели бы окружавшіе его представленіями своими отъ того не отвратили. По претерпѣніи бури нѣсколько судовъ будучи весьма повреждены въѣхали въ такіе мѣста, гдѣ Германикъ ставъ на якорь, и приказавъ, сколько можно скорѣе, починить ихъ, разослалъ оныя по всѣмъ ближнимъ островамъ собирать нещастные остатки кораблекрушенія.

Вотъ знатнѣйшее произшествіе по предмету мореплаванія въ царствованіе Тиверія; не въ лучшемъ состояніи оно было также и при его преемникѣ, Каѣ Калигулѣ, сынѣ Германика; да и все время державствованія ни мало не подаетъ причины говорить о тогдашнемъ мореходствѣ, выключая безсмысленныхъ предпріятій сего Государя. Онъ имѣлъ непомѣрные и даже часто невозможныя замыслы. Видя, что ничто уже не могло сопротивляться ему на матерой землѣ, вздумалъ также поработить и море, приказавъ выстроить почти въ милю съ четвертью мостъ простирающійся отъ Бая до Пузола. Всѣ корабли, какія только могли найтись, употребя на сію роботу, приказалъ также построить и новые, дабы послѣ изъ нихъ соорудить мостъ гораздо превозходнѣе Ксерксова, о которомъ уже было говорено.

Онъ приказалъ построить сей мостъ на двухъ

рядахъ судовъ, связавъ ихъ крѣпкими ужищами, утвердивъ на якоряхъ, и настлавъ на нихъ тесъ и толстыя доски; а сверху сей настилки велѣлъ наносить великое множество земли и камней. Сей мостъ представлялъ нѣкоторый родъ площади съ домами, лавками и гостинницами. По окончаніи сего великаго дѣла Государь надѣвъ на себя Александровъ по его мнѣнію панцырь, ради великолѣпнаго шествія чрезъ оный, также облекшись въ багряницу сіяющую золотомъ и драгоцѣнными каменьями, самъ съ богатымъ мечемъ, со щитомъ, и въ дубовомъ вѣнцѣ, при сопровожденіи великаго числа вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ, отправился изъ Бая къ мосту, и дѣйствительно съ пышнымъ торжествомъ проѣзжалъ оной въ задъ и въ передъ, останавливаясь по срединѣ онаго, и садясь тамо на престолъ для выслушиванія похвальныхъ рѣчей. Нѣтъ нужды изслѣдовать, былъ ли протянутъ сей мостъ по мнѣнію Діона отъ Пузола до Бая, царскаго дома, или по увѣренію Іосифа до Мизена; я приемлю такое мнѣніе, которому наипаче послѣдовали. Въ то время, когда всѣ корабли въ Государствѣ были пожертвованы такому сумазбродству, Римъ опустошаемъ былъ жестокимъ и долговременнымъ голодомъ.

Калигула предприняль еще другой не меньше причитаемый къ роду безсмыслія походъ, приготовясь страннымъ образомъ къ завоеванію Велико-британіи. Думая, что Юлій Цезарь положилъ только еще начало сему подвигу, и желая довершить оной, снарядилъ сильное морское и сухопутное ополченіе. Онъ и пріѣхалъ къ противулежащимъ сему острову берегамъ Галліи; но едва съ таковымъ флотомъ, который конечно бы могъ привести въ препетъ островитянъ, онъ отъѣхалъ отъ сихъ береговъ

вдругъ приказалъ поворотить назадъ, и приставъ опять къ тому же берегу, откуда отъѣхалъ, приготовился тогда къ сраженію; поставили въ порядокъ машины, затрубили въ трубы, и даже поданъ былъ сигналъ къ бою; но всѣ сіи движенія кончились только тѣмъ, что заставили военныхъ служителей собирать по берегамъ раковины. Обремененъ будучи таковыми корыстями океана, равно какъ и все войско его тѣмъ же, возвратился въ качествѣ побѣдителя въ Римъ, куда частію моремъ, а частію сухимъ путемъ приказалъ ввести употребленные къ сему походу корабли; для долговѣчной же памяти сего подвига, и мнимаго торжества, велѣлъ построить маякъ при входѣ въ Болонскую гавань, какъ обыкновенно о томъ разсказываютъ.

Въ Царствованіе преемника его Клаудія, мореходство имѣло нѣкоторую цѣну. Поелику корабли за весьма труднымъ входомъ въ рѣку Тибръ подвергались великимъ опасностямъ, а особливо въ зимнее время; почему Римляне за таковымъ неудобствомъ не могли имѣть надлежащаго владычества надъ моремъ. Для постройки въ семъ мѣстѣ безопаснаго и удобнаго порта, Клаудій приказалъ вырыть ужасной величины яму, и выложить ее тесанымъ камнемъ, а чтобы сдѣлать дно гораздо крѣпче, то велѣлъ сперва затопить славный тотъ корабль, который употребленъ былъ Калигулою для перевоза изъ Египта Обелиска, напослѣдокъ поставленнаго уже въ Ватиканскомъ Циркѣ, и потомъ устлать оное въ три ряда кирпичами. Такимъ образомъ сіе водовмѣстилище учинилось спокойнымъ убѣжищемъ для судовъ, а къ достаточнѣйшему удобству сей пристани приказалъ онъ изъ великаго множества насыпной земли и дерна составить родъ острова, и среди его построить

маякъ. Светоній называетъ сей портъ *Остїйскимъ*, однако не правильно; потому что нынѣ это мѣсто именуется, *Порто противъ Остїй* на другой сторонѣ Тибра. Тотъ же писатель полагаетъ сей трудъ въ числѣ не столько нужныхъ, сколько пышныхъ произведеній; но онъ ошибается; ничего не льзя было полезнѣе учинить, какъ сіе дѣло, о которомъ еще Юлій Цезарь замышлялъ, чувствуя важность онаго, но встрѣтившіеся тогда великія препятствія не допустили совершить толь важнаго дѣла.

Клавдій между прочими своими дѣяніями не забылъ также и мореплаванія; Юлій Цезарь учинилъ только нѣкоторыя побѣды надъ Англичанами, извѣстными тогда подъ именемъ Британцовъ, а Августъ хотѣлъ лучше содержать ихъ въ страхѣ, нежели покорить; но Клаудій и съ посредственными достоинствами былъ столько любочестивъ, и къ славѣ торжества привержень, что вознамѣрился совсѣмъ подчинить ихъ власти своей.

По сему предмету онъ отправилъ моремъ многочисленный флотъ, поручивъ его начальству Плоція, Римскаго Сенатора, которой раздѣливъ оной на три части, или эскадры, поѣхалъ въ Океанъ. Онъ учинилъ сіе распоряженіе для того, что думалъ найти Англичанъ готовыхъ уже сопротивляться его высадкѣ; во время ѣзды его поднялся вѣтеръ столь противный и сильный, что солдаты пришли было въ отчаянное состояніе; однако успокоены будучи нѣкоторымъ отъ востока къ западу стремящимся свѣтомъ, сочли его за благополучное предзнаменованіе. Плоцій безъ всякой помѣхи сошедши на берегъ, дѣлалъ поиски за Англичанами, и на многихъ сшибкахъ разбивъ ихъ, овладѣлъ землею; но чувствуя, что онъ за малочисліемъ войска не можетъ болѣе имѣть

тамъ пріобрѣтеній, просилъ у Императора подкрѣпленія. Клаудій видя власть свою утвержденною на семъ островѣ, рѣшился для поддержанія славы оружія своего, самолично туда ѣхать; чего ради сѣдши на суда въ Остійскомъ портѣ, и направя путь свой въ Марсель, едва было за страшною бурею не погибъ на берегахъ Лигурійскихъ и Прованскихъ, а потому и поѣхалъ сухимъ путемъ отъ Марсели до Булони, гдѣ опять пересѣдши на суда, и сыскавши войско свое въ Англіи, одержалъ знаменитыя побѣды, а послѣ того отправился для открытія и покоренія Оркадскихъ острововъ, лежащихъ въ Сѣверной сторонѣ Шотландіи. Тацитъ полагаетъ сіе открытіе во время Домиціанова царствованія; однако мнѣніе его не доказательно, потому что Помпоній Мела сочиняя описаніе міра въ одно время съ Клаудіемъ, упоминаетъ уже о сихъ островахъ. Клаудій окончивъ сіи походы, возвратился въ Римъ, и наслаждался почестями великолѣпнаго торжества; тогда Сенатъ придалъ ему проименованіе Британика, а онъ приказалъ украсить верхъ своего дворца и переднія части судовъ корабельнымъ вѣнцемъ изъ чистаго золота.

Со времени кончины Клаудія до Константина Великаго, то есть около 300 лѣтъ, подъ владѣніемъ 39 Императоровъ мореплаваніе у Римлянъ, такъ сказать, было оставлено безъ всякаго дѣйствія. Въ теченіе сихъ трехъ вѣковъ не столько ознаменованныхъ порядочнымъ царствованіемъ, сколько изувѣрствомъ, (*) распутствомъ и безчеловѣчіемъ, употребляемы были токмо нужныя суда для развоза хлѣба, и для нѣкоторыхъ отправъ войскъ, да и то при не важныхъ случаяхъ, какъ будемъ о томъ говорить.

Преемникъ Клаудія, Неронъ, приказалъ для лучшаго

(*) Irreligion, злочестіе, зловѣріе.

мореходства истощить послѣднія силы на украшеніе построенной предшественникомъ его гавани. Спустя малое время послѣ того, велѣлъ въ пользу мореплаванія еще другое произвести хорошее дѣло, т. е. вырыть каналъ длиною на 70 миль, начиная отъ Авернскаго озера въ кампаніи до самаго устья Тибра, и притомъ столько широкой, чтобъ можно было по немъ проводить рядомъ двѣ пяти—ярусныя галеры. Для выполненія такой работы надлежало снимать множество холмовъ, и уравнивать землю; какъ же скоро все было кончено: то для лучшей удобности сдѣланъ черезъ него трехсводной (о трехъ аркахъ) мостъ (*). Неронъ не пріобрѣтши себѣ никакого имени въ Исторіи о мореходствѣ, употребилъ сіе дѣло только на вывозъ земли изъ Александріи ради атлетовъ (единоборцевъ), да и для того, чтобъ самому при отчаянномъ положеніи дѣлъ бѣжать въ Египетъ; и такъ я здѣсь не буду говорить о томъ, какое сумазбродное онъ имѣлъ намѣреніе перерѣзать Коринѳскій перешеекъ.

Со временъ Нерона до Веспасіана по морской части ничего не произошло достопримѣчательнаго, кромѣ побѣга великаго числа Римскихъ кораблей въ Царствованіе Вителлія; сіе бѣгство было слѣдствіемъ пронырствъ Цивилиса, предводителя Батавцовъ (нынѣ Голандцовъ). Веспасіанъ, преемникъ Вителліевъ, имѣлъ по сему предмету болѣе славы, отличась въ походѣ Плоціевомъ противъ Англичанъ, а потомъ истребя мятежническій флотъ при взятьи Іоппеи. Веспасіанъ овладѣвъ Тарихеемъ,

(*) На сей случай выбита медаль представляющая голову Нерона съ сею надписью: *Неронъ Клаудій. Авгус.* На оборотѣ же видѣнъ о трехъ аркахъ мостъ съ надписью: ex con. c. c, II; т. е. какъ нѣкоторые ученые сіе толкуютъ: ex consensu civitatum campaniae duarum, что значитъ: *по согласію двухъ Кампанскихъ городовъ.*

городомъ колѣна завулонова, лежащимъ на вершинѣ одной горы, слѣдственно крѣпчайшимъ мѣстомъ во всей Галилеи, и не хотя оставить въ живыхъ ни одного туземца, вознамѣрился преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые во время осады города спасшись отъ меча Титова, и сѣдши на суда попадшіяся имъ на озерѣ Геннисаретскомъ, уѣхали на средину онаго; чего ради велѣвъ построить съ крайнею поспѣшностію флотъ, отправился наономъ для нападенія на нихъ. Іудеи нѣсколько времени обороняясь, но наконецъ не въ силахъ будучи противиться дѣятельности, проворству и силѣ Римлянъ, почти всѣ тамъ погибли въ числѣ 6500 человѣкъ. Іосифъ сказываетъ, что Геннисаретское море тогда все побагрѣло отъ крови, и покрыто было мертвыми тѣлами. Въ честь сего произшествія сдѣлана медаль, на которой видна была побѣда сидящая на передней части корабля, и возносящая вѣнецъ и пальмовую вѣтвь съ слѣдующею надписью: Victoria Navalis; то есть: *побѣда на водахъ*.

Веспасіанъ по возвратѣ изъ Сирскаго своего похода въ Римъ, столько былъ прославленъ, что выбита медаль, на оборотѣ коей онъ представленъ въ образѣ Нептуна правою ногою стоящаго на глобусѣ, и держащаго въ правой рукѣ конецъ носа корабельнаго, а въ лѣвой трезубецъ, съ слѣдующею надписью: Neptuno reduci; т. е. *воззванному Нептуну*.

Въ началѣ Домиціанова царствованія одинъ корпусъ Нѣмецкихъ войскъ, отправленныхъ Римлянами въ Англію, побивъ своихъ Офицеровъ, бѣжалъ на трехъ бригантинахъ въ свое отечество. А какъ кормчіе посажены были тутъ насильнымъ образомъ; то одинъ изъ нихъ привелъ свое судно къ берегамъ острова. Нѣмцы находившіеся

на другихъ двухъ судахъ опасаясь такого же приключенія со стороны своихъ кормщиковъ, умертвили ихъ, и тогда не имѣвъ никакого вожатая, плавали по одному произволу волнъ и вѣтровъ, которые носили ихъ съ сѣверной стороны вокругъ Англіи, и по сему то поводу узнали, что Англія не что иное, какъ островъ. Въ слѣдующій годъ Агрикола по покореніи сего острова сухопутными своими войсками, также флотомъ объѣзжалъ оную, и мимоѣздомъ узналъ объ открытыхъ и покоренныхъ уже Клаудіемъ Оркадскихъ островахъ, какъ я выше сего противъ Тацитова мнѣнія говорилъ. Сей флотъ также примѣтилъ островъ Ирландскій, извѣстный древнимъ подъ именемъ *Ѳуле*.

Траянъ возшедши на престолъ, почелъ не безважнымъ долгомъ обратить вниманіе свое на мореходство; поелику за недостаткомъ пристаней по всѣмъ почти Италійскимъ берегамъ отнималось весьма много выгодъ для мореплаванія; почему и приказалъ при Центумцеллѣ въ Тосканіи построить весьма хорошій портъ, каковой описанъ у Плинія. Сіе произведеніе принесло толикую пользу, что въ память онаго выбита была медаль, представляющая гавань украшенную разными зданіями, посреди коего видна Императорская галера, сопровождаемая другими также галерами, съ слѣдующими словами: Portum Trajani S. C.—то есть: *портъ Траяна*. (*). Сей Государь приказалъ также на собственномъ иждивеніи построить гавань въ Анконѣ, дабы со стороны Адріатическаго моря открытъ былъ входъ въ Италію.

(*) Сія гавань нынѣ называется, *civita vecchia*; она находится подъ защитою изрядной крѣпости, стоящей особо надъ моремъ. *Урбанъ* VIII приказалъ укрѣпить ее, а *Инноценцій* XII сдѣлалъ ее вольною пристанью (порто франко); она почитается сборнымъ мѣстомъ всѣхъ Папскихъ галеръ.

Сенатъ и Римскій народъ, для соблюденія памяти сего благотворенія, изобразилъ оное въ надписи, которая прежде была видна въ Анконской гавани, а Историкомъ Онуфріемъ сохранена для насъ въ дѣеписаніи.

Траянъ объѣзжая области свои въ Азіи, и любопытствуя, подобно Александру, видѣть Океанъ, поѣхалъ рѣкою Тигромъ въ Персидской заливъ, гдѣ буря и рѣчная быстрота при напорѣ еще морскаго прилива довели было его до крайности. Иные говорятъ, что онъ заѣхавъ за *Ормъ*, достигъ уже Индійскаго моря, и тамъ усмотрѣвъ одинъ корабль плывущій на парусахъ къ симъ благополучнымъ странамъ, хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и въ томъ превзойти Александра. Въ разсужденіи сего можно сказать навѣрное только то, что естьли бы въ завоеванныхъ имъ областяхъ не произошли мятежи, кои туда его отозвали: то бы онъ безъ сумнѣнія исполнилъ сіе безпрестанно въ мысляхъ его обращавшееся намѣреніе; потому что всегда твердилъ о флотѣ въ Персидскомъ заливѣ.

Адріанъ, преемникъ, Траяновъ, упражнялся въ мореплаваніи не для чего инаго, какъ для одного гулянья. Онъ бывъ великой странствователь, обыкновенно говаривалъ, что Императоръ, подобно солнцу, долженъ всегда обтекать свое пространство. Онъ ѣздилъ въ Англію, Сицилію, Африку и нѣкоторые острова.

Послѣ него бывшіе Императоры также учинили весьма не много достопамятнаго по части мореходства; не смотря однако на то Коммодъ среди крайняго своего разпутства пріобрѣлъ не малую честь возтановленіемъ флота для вывоза хлѣба изъ Африки, когда уже перестали возить его изъ Александріи. На сей случай выбиты были двѣ медали, на одной изъ коихъ изображены

сіи слова: Felicitas perpetua Aug.--т. е. *непрерывное благоденствіе Авг.* Тутъ Императоръ представленъ стоящимъ, и держащимъ въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, а правую подающимъ женщинѣ, которая держитъ въ лѣвой рукѣ *Кадуцей*; на другой же сторонѣ медали изображено: Providentia Augusti; т. е. *промышленіемъ Авг.* Здѣсь представленъ Геркулесъ стоящій правою ногою на корабельномъ носу, а подъ видомъ женщины съ принадлежностями подающей ему пучокъ колосьевъ означена *Александрія*.

Римское мореходство стало уже приходить въ прежнюю силу свою по смерти Пертинакса и Іуліана; въ то время Северъ и Песценній Нигеръ были спорниками въ обладаніи Имперіи; одинъ объявленъ былъ Императоромъ въ Римѣ, а другой на востокѣ. Северъ для низложенія совмѣстника взявъ изъ Равенны флотъ, вооружился сильнымъ образомъ на морѣ и сухомъ пути. Нигеръ посреди роскоши пробудясь отъ сего великаго приготовленія, и собравъ также всѣ свои силы, сколько могъ, заперъ вездѣ проходы, овладѣвъ всѣми гаванями, и даже Византійскою, чрезъ которую Северовы корабли моглибы перейти въ Азію. Сія война для Нигера была гибельна, и стоила ему живота. Напротивъ того Северъ имѣвъ всѣ выгоды, кончилъ оную осадою Византіи, куда оставшіеся изъ сопернической партіи убѣжали; онъ облегъ сей городъ съ моря и сухаго пути въ такомъ многочисліи кораблей, что по словамъ одного писателя Византія осаждена была флотомъ цѣлой вселенной.

Византійцы имѣвъ у себя 500 судовъ о двойныхъ руляхъ, посредствомъ потаенныхъ машинъ завлекали непріятельскіе суда на свою рейду; за недостаткомъ

же канатовъ дѣлали ихъ изъ женскихъ волосовъ, и выдерживая безчисленныя нападенія съ моря и суши, оборонялись съ чрезвычайнымъ мужествомъ; но видя, что суда ихъ претерпѣли страшное пораженіе, городскія улицы покрыты мертвыми тѣлами, и даже волны морскіе обагрены кровію ихъ согражданъ, наконецъ здались. Северъ приказавъ срыть стѣны, и раззорить городъ, отнялъ у него всѣ права, отдавъ оныя непріятелямъ онаго, Периноіанамъ, которые, въ знакъ признательности къ Северу, воздвигнули ему храмъ, такъ какъ онъ представляется на медали.

Нѣтъ ни малой нужды здѣсь говорить о долговременномъ послѣдованіи тѣхъ Императоровъ, которыхъ жизнь представляетъ единственно множество ихъ злодѣяній и скудость знаменитыхъ дѣлъ, а для моего предмета ничего достопамятнаго. Имперія, подобно немощному, и худо сбергаемому тѣлу, долгое время находилась въ такомъ изнеможеніи, что Скиѳы желая воспользоваться ея слабостію, едва не довели ее до послѣдней крайности. Въ царствованіе Филиппа, Государя беззаботнаго, сіи варвары перешедъ Дунай, а по мнѣнію Зосимы Донъ (что несправедливо) опустошали окрестные мѣста Ѳракіи. Децій вознамѣрясь съ ними сразиться, съ начала сдѣлалъ удачное нападеніе; но за невѣденіемъ тамошней земли, онъ въ свою очередь былъ побѣжденъ, и самъ убитъ. — Преемствовавшій ему Галлъ допустилъ Скиѳамъ усилиться, и употребить побѣды ихъ въ пользу, такъ что они дѣйствительно пользуясь всевозможнымъ образомъ безпечностію сего новаго Императора, распространили ужасъ между сосѣдними народами, и опустошили всѣ земли лежащія по морскимъ берегамъ; они при пособіи Восфорскихъ жителей, снабдившихъ ихъ судами,

перешли даже въ Азію; но по причинѣ неожидаемаго отпора принуждены были возвратиться тудаже, откол҃ѣ вышли; однако спустя нѣсколько времени, опять возобновя тотъ же походъ, имѣли лучшіе успѣхи; простерши свои завоеванія довольно далеко, овладѣли Виѳиніею, не находя же нигдѣ своему стремленію преграды, распространились даже до Италіи. Самый Римъ объятъ былъ трепетомъ, и Имперія потряслась. Причину сего ни чему иному приписать не льзя, какъ единственно слабому Галлову правленію.

Заступившій мѣсто его Клаудій II немедлѣнно старался удержать быстрое стремленіе Скиѳовъ, которые согласясь вмѣстѣ съ Герулами и Готфами, собрались при рѣкѣ Тирѣ (Днѣстрѣ), впадающей въ Черное море, гдѣ построя, какъ Зосима полагаетъ, 6000 судовъ, посадили на нихъ 320000; нѣкоторые же писатели упоминаютъ только о 2000 судовъ; однако невѣроятно, чтобы въ толь малочисленномъ флотѣ могло помѣститься такое множество людей, потому что подъ словами 320000 разумѣются одни только сражающіеся, а не извѣстно о находящихся тутъ морскихъ, или военныхъ служителяхъ.

Сіи ужасныя полчища варваровъ плавая нѣсколько времени по Черному морю, напали на два города, на *Томъ* въ малой Скиѳіи, и на *Маркіанополь* въ Мизіи; однако сильно были оттуда вытѣснены. Послѣ сего при попутномъ вѣтрѣ проѣхали они въ Пропонтиду (Мраморное море); но суда ихъ будучи увлекаемы теченіемъ, да и худо ведены кормщиками, смѣшались между собою въ такомъ безпорядкѣ, что другъ отъ друга разбивались; тѣ, кои могли спастись отъ кораблекрушенія, удалились для починки въ Геллеспонтъ, и послѣ того уѣхали въ Эгейское море. Императоръ Клаудій самъ туда прибывъ

въ скорости, напалъ на варваровъ съ моря и сухаго пути, и вездѣ ихъ побивалъ; а жестокая моровая язва присовокупясь къ сильнымъ дѣйствіямъ его оружія, почти совсѣмъ ихъ истребила. Скиѳы на войнѣ сей потеряли 2000 судовъ и 320000 человѣкъ. Самъ Клавдій упоминаетъ о томъ въ одномъ своемъ письмѣ. Сей славный походъ подалъ случай къ наименованію Императора Готфскимъ, и къ сдѣланію медали съ слѣдующею надписью: Imp. Claudius. P. F. Aug.—т. е. *Императоръ Клавдій П. Ф. Авг.* а на оборотѣ оной представленъ воинскій трофей и два полоненника съ сими словами: Victoria Gothica.—т. е. *Побѣда надъ Готфами.*

Максиміанъ Ираклій будучи товарищемъ Императора Діоклитіана, вознамѣрился удержать набѣги Галловъ и Саксоновъ опустошавшихъ моря, поручивъ начальство надъ флотомъ Караузу, человѣку породы низкой, но искусному, и отъ самыхъ младыхъ ногтей упражнявшемуся въ мореходствѣ. Караузъ собравъ флотъ въ Булонѣ, защищалъ ввѣренныя охраненію его берега съ довольнымъ успѣхомъ; но простирая виды свои еще далѣе, и прельстясь драгоцѣнною независимостію, началъ для достиженія такой цѣли удерживать у себя все, что ни отнималъ у морскихъ наѣздниковъ. Максиміанъ узнавъ о Караузовыхъ умыслахъ, далъ повелѣніе умертвить его; но сей извѣстясь о такомъ приказаніи, и уѣхавъ со всѣми кораблями въ Англію, учинился полнымъ оной властелиномъ, объявя себя Августомъ, а для удержанія власти за собою, велѣлъ построить великое множество судовъ. Максиміанъ также изготовя немалое ополченіе, отправился для нападенія на сей островъ; однако флотъ его не могъ имѣть никакого успѣха, принужденъ будучи сражаться какъ съ бурею, такъ и Караузомъ, который, по своей опытности

въ военномъ и мореходномъ дѣлѣ, въ состояніи былъ одинъ вовсе уничтожать намѣренія сильнѣйшаго своего непріятеля; и такъ Максиміанъ не могши преодолѣть сего властопохитителя, заключилъ съ нимъ миръ, и все, чего не могъ у него исторгнуть, оставилъ въ его рукахъ.

Караузъ высокоумствуя тѣмъ, что понудилъ Максиміана заключить съ нимъ миръ, приказалъ выбить медаль, представляющую голову его съ надписью: Imp. Carausius Aug.—т. е. *Имп. Караузъ Авг.* а на другой сторонѣ Богиню мира держащую въ одной рукѣ масличную вѣтвь, а въ другой длинный скипетръ съ сими словами: pax Aug. т. е. *миръ Авг.* Караузово спокойствіе въ новой его Монархіи продолжалось не долго; по семилѣтнемъ державствованіи онъ былъ умерщвленъ однимъ изъ его полководцевъ, по имени, *Аллектомъ*, который не смотря на низкое свое произхожденіе, довольно прославился знаменитыми дѣяніями; онъ столько себя отличилъ наѣздничествомъ и морскими битвами, что Караузъ возъимѣвъ къ нему почтеніе и довѣріе, наконецъ поручилъ ему начальство надъ своими флотами; Аллектъ не довольствуясь сими выгодами, лишилъ его жизни, и похитилъ всѣ области.

Такимъ образомъ Аллектъ немѣдленно заступя престолъ умерщвленнаго имъ предмѣстника, считалъ себя столь непоколебимымъ, что велѣлъ сдѣлать медаль, представляющую его голову, съ сими словами: Imp. C. Allectus. P. F, Aug.-т. е. *Императ. К. Аллектъ Авг.* а на другой сторонѣ галеру съ надписью вокругъ оной: Virtus Aug.— т. е. *Мужество Авг.* Чрезъ сіе хотѣлъ онъ доказать небоязненность свою въ разсужденіи Римлянъ; однакожъ Констанцій Хлоръ, возведенный въ Цезари Діоклитіаномъ, желая ознаменовать, сколь онъ достоинъ былъ царскаго сана, приготовилъ сильное ополченіе противъ Аллекта,

и началъ съ нимъ войну осадою Булони находившейся тогда во власти сего послѣдняго. Дабы сіе мѣсто со стороны моря никакой не могло получить себѣ помощи; то Констанцій заперъ тамошнюю гавань, сдѣлавъ плотину изъ свай и камней, такъ что она не только могла препятствовать входу кораблей, но и сопротивляться морскимъ приливамъ, и отражать волненіе.

Констанцій овладѣвъ симъ важнымъ мѣстомъ, приготовилъ два флота для нападенія на Англію, одинъ на Сейнѣ подъ начальствомъ Асклепіодота, а другой въ Булонѣ; съ симъ послѣднимъ онъ не взирая на худую погоду, отправился въ Англію. Другой же флотъ слѣдуя за нимъ, расположился при берегѣ Вигта, гдѣ непріятели нажидали его во всей готовности къ сраженію; но онъ за густымъ туманомъ бывъ скрытъ отъ ихъ глазъ, безъ всякой опасности присталъ къ берегу. Лишь только служители успѣли выбраться на берегъ; то всѣ сіи суда были сожжены либо для того, чтобъ онѣ не попали въ непріятельскія руки, либо чтобы тѣмъ заставить воиновъ искать единаго спасенія въ побѣдѣ. Аллектъ видя, что Римскіе войска вступили уже на островъ, поспѣшалъ съ ними сразиться; однако бывъ опрокинутъ, самъ убитъ на мѣстѣ сраженія, царствовавъ три года. Констанцій послѣ такой побѣды опять завоевавъ всю Англію, пріобщилъ ее вновь къ Имперіи, отъ которой она чрезъ десять лѣтъ отпадала. Сіе завоеваніе возобновя свободный проѣздъ по морямъ, и утвердя миръ нарушаемый до того времени наѣздами Англинскихъ судовъ, принесло столько чести Констанцію, что на медаляхъ онъ представленъ въ разныхъ видахъ, то въ видѣ фортуны облегшейся на кормило, то въ образѣ побѣды держащей пальмовую вѣтвь, то въ видѣ Льва, Орла и Геркулесовой палицы.

Онъ былъ отецъ Константина великаго, о коемъ тотчасъ здѣсь будемъ говорить.

Ежели бы я хотѣлъ описывать жизнь Константина великаго; то бы показалъ, по какимъ причинамъ заслужилъ онъ наименованіе *Великаго*, и не боясь чрезмѣру увеличить похвалы его, поставилъ бы его, по примѣру Евсевія, выше Кировъ и Александровъ. Ибо онъ воздвигнувъ Евангеліе на развалинахъ кумировъ, извлекъ Имперію изъ языческаго мрака, и озарилъ оную свѣтомъ Христіанства; онъ распространилъ предѣлы древней Римской Имперіи, основавъ также новую, и привелъ ее гораздо въ благополучнѣйшее состояніе, нежели прежде; но мнѣ здѣсь надлежитъ говорить только о такихъ дѣлахъ его царствованія, въ которыхъ мореходство имѣетъ мѣсто.

Константинъ побѣдивъ Максенція, и разбивъ живущихъ по близости Азовскаго моря Сарматовъ, преодолѣлъ Лицинія, товарища своего въ державствованіи; но не такъ скоро усмирилъ его, покуда сей еще могъ, или дѣйствительно былъ въ силахъ превожить своего побѣдителя; ревность, ненависть и мщеніе заставляли его всячески дѣйствовать противъ Константина, который съ своей стороны также не могъ спокойно переносить предпріятій Лициніевыхъ. Въ таковыхъ расположеніяхъ оба вскорѣ возобновили свой разрывъ. Константинъ приготовясь сразиться съ Лициніемъ моремъ и сухимъ путемъ, съ начала приказалъ построить гавань въ Ѳесалоникѣ (Солунѣ), гдѣ не было оной, и вывелъ въ море 200 тритцативесельныхъ и 2000 грузовыхъ судовъ. Лициній видя такое приготовленіе, и отвсюду требуя помощи, получилъ изъ Египта 80 кораблей, столько же изъ Финикіи, 60 изъ Іоніи, Доріи и изъ малой Азіи, 30 изъ Кипра, столькожъ изъ Вифиніи, 20 изъ Каріи, и 50 изъ Африки; изъ всѣхъ

сихъ судовъ составленное морское его ополченіе дожидалось при входѣ въ Геллеспонтъ, а Константиново въ Пиреѣ.

Во время сихъ морскихъ распоряженій Константинъ одержалъ на сухомъ пути знатную побѣду надъ Лициніемъ убѣжавшимъ тогда въ Византію; и погнавшись за нимъ, велѣлъ также и флоту своему итти въ походъ. Сей флотъ отправясь изъ Пирея, разъѣзжалъ около береговъ Македонскихъ; Криспъ начальствовавшій надъ онымъ узнавъ, что Абантъ, предводитель непріятельскаго флота, нажидалъ его въ одномъ тѣсномъ проливѣ съ 200 судовъ, самъ выступилъ противъ него съ осьмьюдесятью лучшихъ своихъ судовъ. Абантъ видя сопротивника своего въ толь маломъ числѣ силъ пренебрегъ его, и усиля ходъ флота своего, бросился съ опрометчивостію и безпорядкомъ на тѣ суда, которые по его примѣчанію не могли отъ него уйти; Криспъ же въ семъ случаѣ очень хорошо доказалъ, что въ военномъ дѣйствіи порядокъ и ратоустройство (*) гораздо болѣе значатъ, нежели многолюдство, наступя на непріятеля со всею осмотрительностію и единодушіемъ. Хотя онъ и не имѣлъ такой многочисленности судовъ, отъ которой могло бы произойти смятеніе между его собственными судами; однако же довольно ихъ у него было для сбитія непріятельскихъ, бывшихъ уже тогда въ толь великомъ безпорядкѣ, что они другъ о друга толкаясь, не могли ни выбраться на просторное мѣсто, ни сыскать себѣ спасенія чрезъ проливъ, по тѣснотѣ своей возбранявшій входъ толь многому числу судовъ. Уронъ Лициніевъ въ сей день былъ великъ, и былъ бы еще болѣе, ежели бы ночь не пресѣкла дѣйствія; на другой день Абантъ выбравшись изъ гавани, служившей

(*) *disciplina.*

ему тогда ночлегомъ, опять появился предъ Константиновымъ флотомъ, который тогда вытянулся въ хорошемъ порядкѣ и въ большемъ уже числѣ, нежели онъ думалъ, потому что Криспъ присовокупилъ къ себѣ и оставленные нарочно позади себя суда; тогда при благополучномъ для Константина вѣтрѣ сраженіе началось снова; флотъ Лициніевъ былъ опять пораженъ; одна часть потонула, а другая разбилась о берега, и скалы, такъ что онъ при сей вторичной битвѣ потерялъ 5000 людей, и 130 судовъ со всѣми людьми; самъ Абантъ къ щастію едва могъ убѣжать въ Азію съ четырьмя судами.

Когда сей побѣдоносный флотъ подходилъ къ Византіи; то Константинъ осаждалъ уже сей городъ съ сухаго пути, куда Лициній хотя было и укрылся, но страшась, дабы не быть захвачену, выѣхалъ изъ онаго, и отправился моремъ въ Халкидонію. Константинъ ни малѣйшаго не давая ему отдыха, ниже времени собрать вновь армію, преслѣдовалъ его съ своими судами; однакожь опасаясь, чтобъ они не обмѣлѣли у Вифинскихъ береговъ, кои для большихъ судовъ были не подступны, приказалъ, какъ можно поспѣшнѣе, выстроить легкія суда, и перевезши на нихъ свои войска, сталъ лагеремъ близь Халкидоніи; тамъ новое давъ сраженіе Лицинію, совершенно разбилъ его, такъ что отъ трехъ сотъ тритцати тысячь человѣкъ спаслось только тритцать, какъ утверждаетъ Зосима. Побѣдоносный Константинъ возвратился въ Византію, которая и отворила ему ворота; тутъ то онъ основалъ престолъ Имперіи, назвавъ сей городъ своимъ именемъ, по коему и назывался оный всегда Константинополемъ.

Въ разсужденіи великихъ произшествій сего города можно дать здѣсь нѣкоторое свѣденіе, относительнѣе же

къ морской части. Дѣеписатели весьма не согласны въ томъ, какія именно причины побудили Константина воздвигнуть сей новый городъ. Зосима полагаетъ, яко бы онъ для того хотѣлъ отнять у Рима престолъ, что Римляне не любили его за покровительство къ Христіанамъ; (*) но не входя въ побудительныя причины сего великаго Государя, я только то скажу, что онъ вознамѣрясь построить городъ подъ своимъ именемъ, съ начала обращалъ взоры свои по сему предмету на Дардесъ и Солунь: но перемѣня намѣреніе, взялся за Троадской мысъ, Сигею, славную по Аякской гробницѣ, и положилъ уже тамъ основаніе; но сіе замышленіе не имѣло дальнѣйшаго слѣдствія. Константинъ избравъ для того лучшимъ мѣстомъ Халкидонъ, приказалъ уже тамъ производить работы; но въ то время, какъ зодчіе размѣчали мѣсто для новаго города, налетѣвшіе орлы, по увѣренію Зонара, утаскивали у нихъ снуры, и заносили ихъ въ противолежащую на другомъ берегу Византію. Императоръ узнавъ о такомъ приключеніи, поѣхалъ осмотрѣть назначаемое птицами мѣсто, и нашелъ его столь прекраснымъ и выгоднымъ, что тутъ же утвердясь, положилъ основаніе своего города. Созоменъ же повѣствуетъ, что Богъ во время ночи явившись Константину, повелѣлъ создать новой городъ въ Византіи. Сія столица имѣя въ переди Азію, а позади Европу, правую же сторону свою простирая на полдень, Архипелагъ, и Средиземное море, а лѣвую въ Понтъ Эвксинскій, представляетъ видъ тріугольника, коего одинъ бокъ примыкается къ сушѣ, а два другіе къ морю; гавань ея составляетъ глубокій рукавъ находящійся

(*) *Эвтролій* приписывая сіе предпріятіе одной суетности, думаетъ, что *Константинъ* ради прочной славы хотѣлъ выстроить городъ, подобный Риму, для сооруженія коего столько вѣковъ потребно было.

между Константинополемъ и Галатою, такъ что сей городъ почитается во всемъ свѣтѣ самымъ удобнѣйшимъ для мореплаванія.

Тутъ окончились всѣ благоуспѣшныя старанія Константина въ разсужденіи мореходства, потому что онъ въ остальныя дни жизни своей ничего уже не учинилъ достопамятнаго касательно онаго. Дѣти его по раздѣлѣ Имперіи мало въ ономъ упражнялись. Одинъ изъ нихъ, Констанцій, получившій себѣ въ удѣлъ восточныя области, удостоилъ перваго своего уваженія Селевкію, лежащую въ Сиріи. Поелику подступъ къ сему городу за множествомъ скалъ и подводныхъ камней находящихся при тамошнихъ берегахъ весьма опасенъ; то Констанцій приказалъ въ устьѣ Оронта, протекающаго въ Антіохію, прорыть одну скалу, и съ великимъ иждивеніемъ сдѣлалъ тамъ изрядную гавань для провоза всякаго рода потребностей. Тотъ же Констанцій въ теченіи десяти мѣсяцовъ снарядивъ гораздо многочисленнѣйшій, нежели Ксерксовъ собранный не меньше, какъ въ десять годовъ, флотъ, обратилъ сіе великое ополченіе противъ Магненція; но все сіе по видимому ни къ чему не послужило примѣчанія достойному. Противъ сего сопротивника посыланы были также два флота, одинъ въ Африку, а другой въ Сицилію. Констанцій съ братомъ своимъ Константомъ, яко обладатели всего отцовскаго наслѣдія, по смерти брата своего Константина, содержали не малой флотъ въ Британскомъ Океанѣ. Жившій въ ихъ времена Іулій Фирмикъ, и посвятившій имъ сочиненіе свое о заблужденіи *Языческаго Богослуженія* (*) дѣлаетъ имъ привѣтствіе, якобы подъ великимъ множествомъ и тяжестію ихъ

(*) des prophanes religions.

кораблей сіе море, такъ сказать, трепетало и стенало, и что устрашенные прибытіемъ оныхъ Британцы пришли въ ужасъ, видя ихъ движеніе у самыхъ береговъ посреди зимы, когда и самые отважнѣйшіе не смѣли пускаться въ море. Сей писатель, кажется, слегка давалъ тѣмъ знать, что оба сіи Императора ѣздили въ Англію; однакожь другіе утверждаютъ, что одинъ Констансъ былъ тамо. Либаній въ третьей своей рѣчи говоритъ, что Океанъ изъ благоговѣнія къ сему добродѣтельному Монарху укротя свои волны, съ угожденіемъ дозволилъ ему проѣздъ на сей островъ, такъ какъ и обратной оттолѣ путь. Выбитая на сей случай медаль также доказываетъ сіе произшествіе; тамъ представленъ Констансъ въ діадимѣ съ сею надписью: Constans Aug. т. е. *Констансъ Авг.* а на другой сторонѣ онъ же стоящимъ на галерѣ, и держащимъ въ правой рукѣ Феникса, въ лѣвой же Христово знамя, а позади его побѣда держащая весло, съ сею надписью: *Fel. temp. reparatio*, то есть: слава Римской Имперіи возстановленная походомъ Констанса, разсыпавшаго мужествомъ и неустрашимостію своею воставшія въ Великобританіи смятенія.

Іуліанъ, проименованный вѣроотступникомъ, будучи Констанціемъ возведенъ въ Цезари на 25^{мъ} году возраста своего, учинилъ морской походъ, принесшій много ему чести. Онъ принудилъ Нѣмцовъ возвратить себѣ плѣнниковъ изъ 40 возмутившихся городовъ, бывшихъ подъ покровительствомъ Имперіи; а какъ они претерпѣвали скудость въ съѣстныхъ припасахъ; то приказалъ онъ, нарубя лѣсу по близости Рейнскаго устья, построить восемь сотъ судовъ, потомъ пославъ ихъ въ верхъ по сей рѣкѣ, велѣлъ раздать симъ городамъ довольное количество хлѣба для продовольствія и посѣва. Будучи же Императоромъ,

и вступя въ войну съ Персіанами, онъ снарядилъ, по словамъ Зосимы, столь многочисленный флотъ, что едва ли когда видывали такой. У него было 600 каравеллъ, 500 кожаныхъ судовъ, 50 военныхъ, множество широкихъ, для составленія мостовъ способныхъ, и великое количество судовъ съ лѣсомъ для постройки оныхъ, съ съѣстными припасами и военными орудіями. Зонаръ говоритъ, что сей флотъ состоялъ изъ 700 трехъ-ярусныхъ галеръ и изъ 400 грузовыхъ; а по мнѣнію другихъ изъ 1200 судовъ; сей флотъ собранъ будучи на Эфратѣ, отправился оттуда въ Тигръ чрезъ построенный Траяномъ и довершенный Северомъ каналъ, соединяющій обѣ сіи рѣки. Ежели бы Іуліанъ умѣлъ лучше расположить морское и сухопутное свое воинство; то бы могъ получить великой успѣхъ; но онъ тогда сдѣлалъ такую ошибку, которая стоила самому ему жизни.

Одинъ перемѣтчикъ изъ Персіянъ вошедши въ довѣренность къ сему Императору, представилъ ему, что флоту его не льзя итти въ верхъ по Тигру ни подъ парусами, ни греблею, а надлежало для сего занять половину войска его; что по сей причинѣ гораздо лучше сожечь всѣ суда; и что вдругъ освободясь отъ такой трудности, надобно, оставя рѣку, искать непріятеля на сухомъ пути. Императоръ тотчасъ преклонясь на сей совѣтъ, послѣдовалъ оному въ томъ разсужденіи, что буде сожжетъ свои суда; то сухопутное войско свое умножитъ еще 20000 человѣкъ, занятыхъ службою на флотѣ; а во уваженіе сего самаго совѣта приказалъ сожечь и всѣ съѣстные запасы въ томъ увѣреніи, что чрезъ сіе воины должны уже по необходимости ожидать единаго пособія только отъ своей храбрости.

Коль скоро Персіяне увидѣли, что онъ забрался

незнакомую ему сторону; то и зачали его тревожить, и притомъ столь утомительно, что наконецъ дѣло дошло до сраженія, при начатіи коего Императоръ Іуліанъ получилъ смертной ударъ на 31 году возраста своего, царствовавъ по смерти Констанція два года.

При первыхъ преемникахъ Іуліана, занимавшихся законами и дѣлами относящимися до вѣры, мореплаваніе не имѣло уже цвѣтущаго состоянія; тогда состязанія о вѣрѣ и законо-изложенія заступили мѣсто военныхъ дѣйствій; а потому въ первыя сіи царствованія болѣе находится случаевъ къ наполненію церковной и судебной Исторіи, нежели мореходной, и даже до самыхъ временъ Ѳеодосія открывается только небольшая черта касающаяся до оной. Максимъ оказывая младому Валентиніану ложные знаки дружбы, успѣлъ пройти безъ всякаго шума въ Италію, дабы напасть на него въ разплохъ. По такому неожидаемому нашествію Валентиніанъ легко уразумѣвъ, что онъ посягаетъ единственно на его жизнь и государство, немѣдленно сѣлъ на суда съ своею матерью Іустиною и сестрою Гальбою, и сталъ на якорь въ Солунѣ. Императоръ Ѳеодосій бывши тогда въ Константинополѣ, предпріялъ поиски за нимъ; а остановясь въ Солунѣ, и плѣнясь тутъ Гальбою, вступилъ съ нею въ бракъ; будучи же тронутъ нещастіемъ Валентиніана, и побужденъ ухищреніями Іустины, вознамѣрился начать войну съ Максимомъ, и отмстить за оскорбленіе сихъ знаменитыхъ особъ, равно какъ и за смерть Граціана, причиненную Максимомъ.

Ѳеодосій обратно отправя Валентиніана, Іустину и Гальбу со флотомъ въ Италію, самъ съ войскомъ поспѣшалъ чрезъ Паннонію. Максимъ узнавъ о поѣздѣ Валентиніана съ матерью и сестрою, послалъ противъ нихъ Адрагаѳія

на лучшихъ своихъ судахъ. Но сей Полководецъ проѣзжая все море между Грецiею и Италiею, и нигдѣ съ ними не встрѣтясь, да къ томуже услышавъ о пораженiи Максима Ѳеодосiемъ, бросился въ море во всемъ вооруженiи, желая лучше симъ образомъ погибнуть, нежели подвергнуться злобѣ такихъ враговъ, отъ коихъ надлежало чаять только одного жестокаго съ нимъ поступка. На сей, кажется, случай выбита бронзовая медаль находящаяся у насъ; на ней представляется корабль посреди волнъ, на коемъ побѣда держитъ кормило; а Императоръ Валентинiанъ стоитъ на ономъ въ военной одеждѣ, съ слѣдующею надписью: Victoria Romanorum (*), т. е. *побѣда Римлянъ*.

При толь слабомъ состоянiи, въ которое тогда Римская Имперiя приходила, вдругъ варвары, на подобiе разлившейся рѣки, устремясь на оную, распространились повсюду. *Готы*, *Гуны*, *Аланы* и *Вандалы* вышедъ изъ разныхъ странъ Сѣвера со всею стремительностiю ворвались въ сiю землю, и тѣмъ пробудивъ ее отъ усыпленiя, понудили къ оборонѣ.

Вандалы, жительствовавшiе при озерѣ Меотическомъ (Азовскомъ) морѣ народы, наскучась суровою и трудною жизнiю своею въ мѣстахъ степныхъ и безплодныхъ, вышли оттуда, и стали искать себѣ лучшихъ земель. Они сперва заняли различные мѣста въ Германiи, а потомъ пошли далѣе, и основались въ той части Ишпанiи, которая лежитъ противъ Африки, и названа ими Андалузiею, или Вандалузiею. Оттолѣ они по призыву Бонифацiя перешли въ Африку, и тамъ укрѣпились такъ, что сей Римскiй Полководецъ не въ состоянiи былъ уже ихъ оттуда и выгнать; а напротивъ того сами они его вытѣснивъ, и

(*) Въ росписи Графа Мезза-барбы.

овладѣвъ землею, поставляли у себя Королей, и неоднократно приводили въ ужасъ восточныхъ и западныхъ Императоровъ.

Левъ (*), заступя престолъ Марція, вознамѣрился отмстить Вандаламъ за причиняемыя ими столь часто Государству его обиды, и возвратить похищенное ими. Къ сему походу онъ приготовилъ великую силу, снарядивъ тысячу сто судовъ, а для удобнаго отвсюду нападенія на Вандаловъ, составилъ изъ оныхъ три флота. Первымъ флотомъ, подъ начальствомъ Графа Марцеллина, они выгнаны изъ острова Сардиніи; вторымъ, подъ управленіемъ Ираклiана, поражены на высотахъ Триполи; но третій не имѣлъ столь щастливаго успѣха. Сей послѣдній подъ начальствомъ Василиска, брата Императрицы Верины (Ирины), изъ Константинополя проѣхалъ даже до Меркуріева мыса не очень далеко отъ Карфагена; однако вмѣсто того, чтобъ итти прямо къ сему городу, и однимъ бы разомъ захватить оной, остановился на пути. При такомъ замедлѣніи *Гизерикъ* (Гонсерикъ), первый Король Вандальскій, который съ начала было побоялся, опять пришелъ въ бодрость. Онъ воспользовавшись симъ случаемъ, успѣлъ тотчасъ привести въ надлежащее состояніе большіе свои суда и барки, и не взирая на противный вѣтръ, (что однако едва ли вѣроятно), вынудилъ себѣ у Римскаго Полководца перемиріе на пять дней; говорятъ, что оно куплено было за деньги, и слѣдственно сіе прекращеніе военнаго дѣйствія произошло единственно отъ вѣроломства Василискова.

По истеченіи сихъ пяти дней Вандалы видя перемѣну благополучнаго для себя вѣтра, и тѣмъ воспользовавшись, со всею стремительностію обратились на Римскій

(*) Leon.

флотъ, пустя на него зажигательные суда. Оной тѣмъ удобнѣе былъ зажженъ, что былъ многочисленъ, и при томъ стѣсненъ въ самой узкой гавани; одинъ корабль не могши иначе отвратить отъ себя зажигательнаго судна, какъ отталкивая его на другіе свои же корабли, сдѣлалъ то, что они сами себѣ послужили взаимными зажигалищами. Всѣ повелѣнія чиновниковъ тогда оставались безъ всякаго дѣйствія, потому что при шумѣ усилившагося бурнаго вѣтра, при пламени все пожирающемъ, при паденіи мачтъ, при воплѣ и бѣганіи полу-горящихъ людей не возможно было тогда слышать другъ друга. Многіе избѣгая пожара, бросались въ плавь, но и тѣмъ не могли спастися отъ смерти. Вандалы при пожарномъ свѣтѣ усматривая ихъ на водѣ, побивали ихъ шестами, тесьми и всѣмъ, что въ руки ни попадалось; наконецъ весь сей огромной флотъ превращенъ былъ въ пепелъ. Товарищъ Василисковъ не имѣвшій ни какого участія въ его предательствѣ, сражался надлежащимъ образомъ, производя великое кровопролитіе между Вандалами, но видя, что его корабль обступленъ со всѣхъ сторонъ, и самъ ни какъ уже не могъ спастись отъ непріятелей, бросился въ море во всемъ вооруженіи, рѣшась лучше такимъ образомъ умереть, нежели сдаться, или польститься на обѣщанія, учиненныя ему сыномъ Гизериковымъ. Таково было начатіе войны съ Вандалами; Императоръ Ѳеодосій послѣ сего посылалъ было къ Сицилійскимъ берегамъ флотъ противъ Гизерика; однако ничего достопримѣчательнаго учинено тогда не было.

Гизерикъ произведши великое опустошеніе въ Имперіи, заключилъ съ Императоромъ Зенономъ миръ, которой симъ послѣднимъ, равно какъ и его преемниками, Анастасіемъ и Іустиномъ, былъ свято наблюдаемъ; но въ

царствованіе Гелина VI, Короля Вандальскаго въ Африкѣ, со стороны Іустиніана нарушенъ, къ чему поводомъ было слѣдующее. Гизерикъ предъ своею кончиною оставилъ завѣщаніе такое, чтобъ перворожденные отъ его крови мужеска полу по праву старшинства были непрерывными одинъ послѣ другаго преемниками. А какъ Ильдерикъ, внукъ его и пятый по немъ Король, не имѣлъ довольной способности ни къ державствованію, ни къ военнымъ дѣламъ; то родственникъ его, Гелимиръ, человѣкъ расторопный и отважный, наскучась видѣть его столь долго въ живыхъ, умыслилъ похитить у него власть, и достигъ до желаемаго; но чтобъ привести себя въ безопасность отъ всякихъ возмущеній, заключилъ Илдерика въ темницу; а тѣмъ, коихъ считалъ нѣсколько для себя опасными, приказалъ выколоть глаза. Императоръ Іустиніанъ два раза писалъ къ нему, убѣждая его всячески ограничить столь беззаконные и варварскія чувствованія; но безчеловѣчный похититель отвѣчалъ ему на оныя съ одною только надмѣнностію; а потому и открылась между обоими Государями война. Іустиніанъ приготовя морское и сухопутное ополченіе, отправилъ противъ Вандаловъ подъ начальствомъ Велисарія флотъ, состоявшій изъ 92 долгихъ военныхъ судовъ, которые всѣ были одно-ярусные, весьма легкіе и притомъ крытые, дабы гребцы лучше могли быть защищены отъ стрѣлъ непріятельскихъ.—При немъ еще было пятдесятъ другихъ судовъ, въ коихъ находилось отъ трехъ до пятидесяти тысячь минъ хлѣба; въ семъ флотѣ матрозовъ щетомъ было 20000 человѣкъ, да 2000 Константинопольцевъ, совершенно разумѣвшихъ гребецкое искуство.

Какъ скоро Іустиніанъ истребовалъ у Константинопольскаго Патріарха благословеніе Флотоначальническому

кораблю; то флотъ и отправился тотчасъ подъ парусами; но за совершеннымъ безвѣтріемъ остановясь въ Авидѣ, не ранѣе могъ выступить оттуда, какъ уже спустя четыре дни. Велисарій, сколь можно, старался вести корабли свои въ такой соразмѣрной дистанціи, чтобы въ случаѣ бури не могли они ни слишкомъ отрѣваться, ни притти въ такое затруднительное положеніе, въ коемъ бы должны были между собою сталкиваться. На переди ихъ приказалъ онъ итти другимъ тремъ судамъ, на коихъ для лучшаго распознанія днемъ (*) верхнія части надъ парусами были выкрашены краснымъ цвѣтомъ, а для ночнаго времени снабжены были фонарями. Флотъ не успѣлъ вытти изъ *Авиды*, какъ вдругъ при сильной и порывистой погодѣ занесенъ былъ въ Сигею, а потомъ при свѣжемъ вѣтрѣ къ Малейскому мысу, гдѣ и предлежала было ему нѣкоторая опасность, но искуснѣйшимъ поворотомъ была преодолѣна; оттуда онъ простирался до *Меѳона* (**), гдѣ Велисарій высадилъ свои войска на берегъ для излѣченія болѣзней, которыя единственно произошли отъ сребролюбія смотрителя съѣстныхъ припасовъ, кормившаго ихъ худыми сухарями; изъ Меѳона флотъ пріѣхалъ въ *Закинѳскую* (***) гавань, гдѣ запасшись водою, прибылъ оттуда въ Сицилію. — Тутъ Велисарій получа свѣденіе о дѣйствительномъ положеніи Вандаловъ, узналъ, что морская ихъ сила состоя изъ 120 судовъ, занималась дѣйствіями противъ Годаса въ Сардиніи; что Карѳагенъ находился безъ охраненія; что Гелимиръ четыре дни былъ безъ дѣйствія на морѣ, и что мореплаваніе было безпрепятственно; въ слѣдствіе сихъ извѣстій пустился

(*) Можетъ быть это тоже, что у насъ такъ называемые вымпелы.

(**) Нынѣ Модонъ.

(***) Нынѣ Занте.

въ Кароагенъ, взялъ островъ Мальту, и благополучно прибылъ къ Африканскимъ берегамъ на пять дней ѣзды отъ столицы. Легши на якорь, онъ созвалъ совѣтъ, и разсуждалъ о мѣрахъ, какія тогда надлежало предпринять. Архелай, одинъ изъ главныхъ военачальниковъ, совѣтовалъ учинить вдругъ сильное нападеніе на Кароагенъ, представляя, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ, высадку дѣлать опасно для того, что никакъ не возможно тамъ окопаться, да и нечаянная буря могла бы отстранить ихъ суда, въ коихъ при случаѣ неудачи вся ихъ надежда состоять долженствовала. Велисарій же будучи совсѣмъ противнаго мнѣнія утверждалъ, что его воины сражавшіеся всегда токмо на сухомъ пути тотчасъ бы оробѣвъ, безъ труда могли быть поражены, буде бы только непріятельской флотъ на нихъ наступилъ, и что по высадкѣ войскъ удобно можно устроить ихъ въ боевой порядокъ, и безъ трудности окопаться лагеремъ. Велисаріево мнѣніе было принято, и высадка учинена безпрепятственно.

Римское войско послѣ нѣкоторыхъ удачныхъ опытовъ шло по берегу морскому къ Кароагену; а флотъ слѣдовалъ за нимъ у берега, отнюдь не теряясь изъ виду. Гелимиръ также выступилъ въ походъ, и къ брату своему, начальствовавшему въ Кароагенѣ, писалъ, дабы умертвить Илдерика и всѣхъ Князей Гизерикова поколѣнія, что и было выполнено. Велисарій и Гелимиръ сошедшись въ окрестностяхъ Кароагена, тотчасъ вступили въ битву. Съ начала сей послѣдній имѣлъ удачу, но не умѣлъ ею пользоваться; Велисарій же успѣвъ снова собрать бѣгущихъ, оживилъ воиновъ, и вдругъ обратясь на непріятелей наслаждавшихся тогда своимъ торжествомъ, и чрезъ то пришедшихъ въ безпорядокъ, разбилъ ихъ безъ всякаго

труда, и обратилъ въ бѣгство. Побѣдитель подступя къ оставленному уже Вандалами Карѳагену, вошелъ туда отворенными воротами; а жители изнуренные безчеловѣчнымъ правленіемъ Вандаловъ, приняли его съ радостію, и кораблямъ его отворили гавань.

Велисаріевы успѣхи противъ Вандаловъ тѣмъ еще не кончились; онъ при вторичномъ сраженіи разбивъ, и взявъ въ плѣнъ Короля ихъ, Гелимира, отнялъ у нихъ всѣ сокровища, собранныя ими чрезъ 96 лѣтъ владычествованія въ Африкѣ, которое сею войною, предпріятою Іустиніаномъ за пять лѣтъ назадъ, и прекратилось.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

О МОРЕХОДСТВѢ РИМЛЯНЪ

Со временъ Іустиніана до раздѣленія Имперіи.

Непріятели Римской Имперіи, кажется, одни другихъ производили; на мѣсто Вандаловъ появились Готы, которые, будучи народомъ жестокимъ и привыкшимъ къ трудамъ и безпокойствамъ, повсюду своимъ безчеловѣчіемъ, и многочисленностію воинства распространяли ужасъ. Они, по раззореніи различныхъ земель даже до Константинополя, быстро перешли въ Италію; и тогда Римъ неоднократно угрожаемъ былъ конечнымъ разрушеніемъ отъ нашествій, чинимыхъ сими варварами въ разные поновительные приступы. Долгое время не знали они мореплаванія; исторія объявляетъ, что по неудачномъ нападеніи на Константинополь, которымъ думали овладѣть, они удалились во Ѳракію, и что одинъ изъ ихъ вождей, по имени *Гайнасъ*, не находя въ семъ убѣжищѣ довольной безопасности, вознамѣрился ихъ оттолѣ вывести въ Азію, надѣясь чѣмъ нибудь тамъ удовлетворить свое честолюбіе. Но переправа черезъ Геллеспонтъ представилась имъ такою препоною, которую надлежало преодолѣть съ великою трудностію; а они тогда не имѣли у себя никакихъ судовъ. Гайнасъ для отвращенія сего неудобства велѣлъ нарубить въ ближнемъ лѣсу деревьевъ, и сдѣлать изъ нихъ столько брусьевъ, сколько возможно было; послѣ чего составя изъ нихъ нѣкоторой родъ поромовъ, былъ такъ безрасуденъ, что на сіи дряхлыя судница посадилъ

свои войска и лошадей. Легко понять можно, что такимъ образомъ построенные суда безъ веселъ и безъ кормила носились по произволу волнъ. Фравитта, имѣя ввѣренныя начальству своему отъ Императора Аркадія морскія силы, усмотрѣлъ таковыя худыя движенія варваровъ, и при попутномъ вѣтрѣ устремился противъ нихъ на одномъ только кораблѣ со шпирономъ. Сперва пустя градъ стрѣлъ на открытыя ихъ войска, и потомъ сцѣпяся съ ними, безъ всякаго затрудненія потопилъ большую часть неустроенныхъ ихъ судовъ; а воставшая тогда буря много способствовала мужеству Римлянъ, такъ что почти все сіе великое полчище варваровъ безъ малѣйшей нужды въ искуствѣ погрязло въ морѣ.

Сіи же самые Готы въ царствованіе Императора Зенона вознамѣрясь учинить покушеніе на Италію, высадили туда войска подъ предводительствомъ военачальника своего Теодорика. Въ семъ намѣреніи они выступя изъ Ѳракіи, достигли до самаго Іоническаго залива; будучи же собственнымъ опытомъ научены, не смѣли предпріять тамъ переправы, но объѣхавъ берегъ и всегда держася онаго, старались овладѣть Равенною. Они начавъ осаду сего города, простояли тутъ три года, не могши ни взять его приступомъ, ни довести до послѣдней крайности, потому что за недостаткомъ судовъ не льзя было никоимъ образомъ отрѣзывать помощи, получаемой осажденными морскимъ путемъ. Ежели бы сіи варвары искусны были въ мореходствѣ; то бы легко могли быть обладателями большей части Европы и Азіи.

Императоры въ сіи злополучныя времена ничѣмъ другимъ не могли сохранить цѣлости Государства своего, какъ только однимъ мореходствомъ, да и старалися всегда содержать большое число судовъ для перевозки военныхъ

силъ и припасовъ въ тѣ мѣста, гдѣ нужда въ томъ настояла. (*)

Ежели Римляне получили великіе выигрыши надъ Готами; то симъ обязаны единственно мореплаванію. Велисарій отправясь со флотомъ своимъ въ Сицилію для нападенія на нихъ, взялъ тотчасъ Катану и Сиракузы; многіе другіе города сдались ему; но Готы окопавшись въ Палермѣ, оборонялись. Велисарій введши флотъ свой въ тамошній портъ, сталъ на якорь; а какъ корабли его такимъ образомъ утвердились; то приказалъ на вершины мачтъ, которыя были выше самыхъ городскихъ стѣнъ, поднять машинами лодки съ солдатами, кои какъ скоро оттуда пустили тучу стрѣлъ на Готовъ; то сіи приведены будучи въ ужасъ отъ нападенія поражающихъ съ воздуха непріятелей, не долго медлили здачею, да и вся Сицилія тому же послѣдовала. Равное пораженіе претерпѣли Готы въ Далмаціи въ то время, какъ военачальникъ ихъ, Гриппа, овладѣлъ Салономъ. Какъ скоро Констанціанъ воспріявъ начальство надъ Іустиніановымъ флотомъ, подъѣхалъ къ тамошнему мѣсту, дабы ихъ оттолѣ вытѣснить: Гриппа не разсудивъ нажидать его къ себѣ, старался чрезъ посыланныхъ развѣдать о Римской силѣ тогда, когда уже флотъ ихъ стоялъ на якорѣ въ Эпидаврской пристани; развѣдчики устрашены будучи толь ужаснымъ приготовленіемъ Римскихъ войскъ, принесли ему такое пышное извѣстіе, что онъ опасаясь быть

(*) Извѣстно изъ Исторіи, что въ царствованіе Императора Гонорія Африканскій Губернаторъ, Иракліанъ, вознамѣрясь похитить корону у своего Государя, подступилъ къ Риму въ числѣ 3200 судовъ; но бывъ устрашенъ приближеніемъ выѣхавшаго противъ него Графа Марина, и убоявшись злодѣйскаго своего посягательства, побѣжалъ назадъ на одномъ кораблѣ въ Карѳагенъ, откуда онъ было выступилъ.

охваченнымъ, рѣшился выпти со всѣмъ своимъ войскомъ изъ Салоны; Констанціанъ узнавъ о его бѣгствѣ, двинулся ближе, и овладѣвъ городомъ, приказалъ также и флоту своему вступить въ гавань.

Преимущество Римлянъ надъ Готами, произходившее конечно отъ знанія мореходства, подало причину и симъ послѣднимъ обратить вниманіе на все относящееся къ плаванію. *Витигисъ*, одинъ изъ ихъ Полководцевъ, первый вздумалъ построить суда; и уже сдѣлалъ тому опытъ предъ Салоною, осаждаемою имъ съ моря и сухаго пути. Предпріятіе не имѣло успѣха; худо построенные, и притомъ мало свѣдущими въ поворотахъ служителями наполненные суда его скоро были разбиты Римлянами; многіе взяты со всѣмъ снабженіемъ, другіе потоплены, а остальные въ маломъ числѣ разбѣжались. Витигисъ приведенъ будучи въ ярость отъ столь худаго успѣха, вознамѣрился насытить мщеніе свое надъ Римомъ; собравъ снова свои войска, и начавъ осаждать сей городъ, привелъ его въ толь тѣсное положеніе, что Велисарій обороняя оной, принужденъ былъ просить вспомогательной силы у Императора Іустиніана, которой и отправилъ къ нему моремъ подъ предводительствомъ Валеріана и Мартина знатное оборонное войско; опрометчивый Витигисъ видя, что осада не имѣла толь быстраго преспѣянія, какъ ему желалось, для большаго претѣсненія онаго рѣшился овладѣть устьемъ Тибра, дабы Римляне со стороны моря не могли получать себѣ ни войскъ, ни припасовъ; но онъ въ чаяніи своемъ обманулся.—Велисарій не взирая на всѣ предосторожности Готовъ, многократно черезъ Тибръ получалъ подвозимую къ нему морскимъ путемъ вспомогательную силу; правда, что онъ въ такихъ обстоятельствахъ

не могши противоборствовать открытымъ образомъ, прибѣгалъ къ обманамъ, и посредствомъ военныхъ хитростей въ величайшихъ нуждахъ имѣлъ всегда удачу; а въ такомъ то критическомъ положеніи онъ и пользовался ими. Поелику многочисленный флотъ, снабженный военными служителями и запасами, хотя по прибытіи своемъ и легъ на якорь въ устьѣ Тибра, но по видимому не льзя еще было ему съ успѣхомъ добраться до Рима чрезъ рѣку, коей берега усыпаны были Готами; то Велисарій ночнымъ временемъ поѣхавъ осмотрѣть флотъ, приказалъ изъ многихъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ лодокъ сдѣлать нѣкоторой родъ плотовъ, и въ сіи не большія лодки помѣстить военные запасы, корабельныхъ служителей, кормщиковъ, и вооруженныхъ солдатъ для устрашенія непріятелей, которые захотѣли бы препятствовать имъ въ проѣздѣ; они со всякою свободою могли пускать стрѣлы на занимавшихъ берегъ Готовъ; потому что прикрыты были нѣкоторымъ родомъ кровли по приказанію Велисарія для безопасности войскъ его. Таковая флотилія совсѣмъ будучи новаго построенія, пустясь на самомъ разсвѣтѣ въ верхъ по Тибру, направила путь къ Риму. Когда теченіе было прямое, а вѣтеръ дулъ въ корму; то она шла подъ парусами; когда же стремленіе Тибра было косвенное, а попутнаго вѣтра не доставало; то шла греблею. Варвары дали спокойно проѣхать сему подсадному войску, для того ли, что не находили возможности къ удобному на нихъ нападенію, или что почитали сіе не очень важнымъ; а можетъ статься по учиненіи съ своей стороны нѣкоторыхъ предложеній Велисарію о мирѣ, не хотѣли его тѣмъ раздражить. Какъ бы то ни было; сія флотилія благополучно прибыла въ Римъ, куда онъ доставя продовольствіе,

одушевилъ бодрость Римлянъ; послѣ чего Готы вскорѣ переставши разъѣзжать по устью Тибра, оставили море въ свободѣ; Витигисъ спустя нѣсколько времени снявъ осаду Рима, поѣхалъ осаждать Римини; онъ еще дѣлалъ слабыя покушенія на сей городъ; но Велисарій уже отправился въ слѣдъ за нимъ. Сей Полководецъ употребя всѣ хитрости, какія опытность въ военномъ дѣлѣ ему внушала, поразилъ Готскаго начальника. Вскорѣ послѣ сего получа подкрѣпительное войско доставленное ему многочисленнымъ флотомъ, принудилъ его къ отступленію; коль скоро корабли его появились на водахъ Риминскихъ, (гдѣ въ то время была превосходная гавань); то непріятели оробѣвъ, спасалися бѣгствомъ.

Готы подъ предводительствомъ Тотилы, наслѣдника Эварикова, начали уже пріобрѣтать понятіе о мореходствѣ. Когда сей Король по многихъ завоеваніяхъ, осадилъ городъ Неаполь; то устрашенный Іустиніанъ для удержанія толь быстрыхъ его завоеваній отправилъ въ Италію войско, а изъ Константинопольской гавани флотъ состоящій изъ Греческихъ кораблей, ввѣривъ оной начальству Максимину, человѣку слабодушному, не имѣющему ни сродности къ дѣлу, ни отважности. Сей полководецъ прибывъ въ Эпиръ, остановился, не смѣя по своей боязливости и скудоумію ни къ чему приступить; послѣ него отправленъ былъ отъ Императора Димитрій, которой уже получивъ довольный къ военному дѣлу навыкъ подъ начальствомъ Велисарія, по пріѣздѣ своемъ въ Сицилію усилилъ флотъ свой еще островскими кораблями, и съ таковымъ ужаснымъ ополченіемъ прибылъ къ Неаполю, думая тѣмъ устрашить Готовъ. Но вмѣсто того самъ опасаясь худаго успѣха, и тѣмъ бывъ приведенъ

въ робость, проѣхалъ только мимо осажденнаго города, и сталъ на якорь въ устьѣ Тибра. Ежели бы онъ прямо подступилъ къ Неаполю; то бы дѣйствительно сдѣлалъ помощь оному, потому что страхъ при видѣ такихъ приготовленій поселился уже въ Готахъ, а пораженное тѣмъ ихъ воображеніе еще больше увеличивало оныя, нежели каковы были въ самой вещи.

Градоправитель Неаполитанской будучи тѣснимъ толь страшнымъ непріятелемъ, хотѣлъ увѣдомить Димитрія, что онъ имѣетъ крайнюю нужду въ помощи; но для сего проѣздъ былъ весьма затруднителенъ, потому что всѣ пути изъ города были тщательно охраняемы Тотилою. Однакожъ одинъ воинъ, по имени Димитрій, урожденецъ Кефалонскій, служившій съ честію въ разныхъ морскихъ походахъ подъ начальствомъ Велисарія, исполнилъ сіе предпріятіе. Въ семъ успѣхѣ тѣмъ охотнѣе льзя было на него положиться, чѣмъ онъ по великой опытности и безбоязненности своей былъ способнѣе всякаго другаго къ нанесенію непріятелю сколь нечаяннаго, столь и щастливаго удара. Сей Римлянинъ сѣдши въ ботикъ, съ немалымъ проворствомъ успѣлъ обмануть бдительность Готовъ, и продраться сквозь всѣ караулы; добравшись до самаго Римскаго флота, представилъ военачальнику положеніе осажденныхъ съ такимъ убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ, что велѣно было изготовясь непремѣнно, ѣхать къ Неаполитанскому порту. Тотила вѣдая число и качество непріятельскихъ кораблей, даже не далъ имъ и времени развѣдать о себѣ. Какъ только они приближились; то онъ во всей ярости ударилъ на нихъ со множествомъ вооруженныхъ заблаговременно судовъ; нападеніе было столь сильное, что помышляли токмо о единомъ бѣгствѣ. Готы

погнавшись за ними произвели между ими страшное кровопролитіе, и многихъ также забравъ въ полонъ, въ числѣ коихъ и оба Димитрія были; спаслись же только тѣ, кои бросились въ шлюбки, а корабли съ людьми всѣ попалися въ непріятельскія руки.

Между тѣмъ, какъ оробѣвшіе Неаполитанцы отъ такого пораженія приведены были въ самое отчаянное положеніе, малодушный и робкій Максиминъ съ своимъ флотомъ проводилъ по пусту время свое въ Сициліи; ему представляли нещастное положеніе Неаполя, и ту побудительную нужду, какую городъ сей имѣлъ въ его помощи; самымъ трогательнѣйшимъ образомъ старались убѣдить его, чтобы съ мѣста своего тронулся на помощь оному; но увидѣвъ, что онъ оставался нечувствительнымъ къ ихъ прозьбамъ, старались подвигнуть его угрозами; Императорскіе угрозы привели его въ боязнь, а язвительныя укоризны чиновниковъ довели до того, что онъ рѣшился. Наконецъ приказавъ кораблямъ своимъ ѣхать къ Неаполю, самъ разсудилъ лучше остаться въ Сиракузахъ, поруча управленіе флота своего Эродіану и Димитрію. Сей нещастный флотъ приближаясь къ городу, претерпѣлъ ужасную бурю, отъ коей поломались веслы, а между служителями сдѣлалась такая тревога, что ни какъ не возможно было дѣлать нужныхъ поворотовъ. Суда почти всѣ были брошены на берегъ; Варвары возпользовавшись такимъ злополучіемъ Римлянъ, взошли на обмѣлевшіе ихъ суда, и произвели страшное убійство; Димитрій, одинъ изъ ихъ полководцевъ, взятъ былъ въ плѣнъ, а Тотила приказалъ надѣвъ на его шею веревку, вести такимъ образомъ въ Неаполь. Неополитанцы видя безуспѣшество надежды, а изъ примѣра Димитріева опасаясь и для себя худыхъ слѣдствій отъ жестокосердія Тотилы, рѣшились лучше здаться.

Іустиніанъ не доволенъ будучи своими Полководцами, которые по видимому дремали въ то время, какъ Тотила въ Италіи производилъ съ толикимъ успѣхомъ свои дѣла, заблагоразсудилъ отправить на мѣсто ихъ Велисарія; прибытіе сего военачальника оживотворило войска, а Готы тотчасъ почувствовали, что Римскимъ войскамъ ради успѣха надлежало только имѣть хорошаго предводителя; Велисарій съ самаго начала старался тотчасъ снабдить Отрантъ съѣстными припасами; а тогда, какъ сей городъ находился въ осадѣ отъ Готовъ, и изнуряемъ былъ голодомъ, начаты уже и переговоры о здачѣ онаго, и даже день къ тому былъ назначенъ. Велисарій приказавъ нагрузить многіе суда съѣстными припасами, поручилъ ихъ начальству Валентина; сей начальникъ немѣдленно отправясь къ Отранту, и видя, что гавань находится подъ худымъ призоромъ, безъ всякой помѣхи вступилъ въ оную, и снабдя городъ продовольствіемъ на цѣлой годъ, вывелъ оттуда изнуренныхъ отъ голода солдатъ, а на мѣсто ихъ ввелъ свѣжихъ. Такое вспоможеніе, учиненное столь щастливо городу, принудило Готовъ снять осаду.

Тотила съ ужаснымъ войскомъ своимъ обратя оружіе на другіе приморскіе мѣста, овладѣлъ многими городами, которымъ трудно было доставить помощь, для того что Императорская армія состоя изъ одной только горсти собранныхъ по случаю солдатъ, не въ состояніи была противостоять ему; послѣ сего онъ воспріявъ намѣреніе облечь самую столицу Италіи, положилъ сперва изнурять ее голодомъ; по сему предмету собравъ всѣ корабли изъ окрестныхъ острововъ, приказалъ имъ разъѣзжать при входѣ въ Тибръ, и перенимать всѣ подсадные отряды, покушающіеся проѣхать на

подкрѣпленіе Риму. Сіе исполнено было въ самой точности такъ, что всякое судно ѣхавшее изъ Сициліи было перехвачено на пути; Папа Вигилій, имѣвши убѣжищемъ сей островъ, приказалъ отправить къ Риму знатное число судовъ нагруженныхъ хлѣбомъ, которые и прибыли безпрепятственно къ Тибрской гавани, а Готы узнавъ о прибытіи онаго, и сами туда же вошедъ, притаились; какъ скоро сія флотилія появилась: то они вышедъ изъ своей засады, начали въ проѣздѣ перехватывать всѣхъ ихъ. Римляне занимавшіе портовыя крѣпости узнавъ о умыслѣ непріятелей, давали знать сигналами находившимся на флотѣ, дабы отнюдь они далѣе не шли; однако сіи послѣдніе не могши растолковать такихъ знаковъ, о коихъ не было прежде сговореность, не остереглись; они подумавъ, что симъ образомъ паче понуждали ихъ ѣхать скорѣе къ Риму, пустились на всѣхъ парусахъ, и такимъ образомъ прямо стремились на добычу варварамъ, которые и овладѣли ихъ судами со всѣми съѣстными припасами.

Велисарій ясно видѣлъ, сколь необходима была доставка съѣстныхъ припасовъ въ Римъ; но въ тоже время чувствовалъ, сколь многаго не доставало еще у него, чтобъ учинить нападеніе на Готское войско; однакожъ рѣшась сдѣлать покушеніе на морѣ, получилъ желаемый успѣхъ въ своемъ препріятіи, ради чего и приказалъ выступить флоту изъ Дураццо, который при помощи благополучнаго вѣтра въ короткое время прибылъ въ Оттрантъ, а оттуда поѣхалъ къ берегамъ Рима. Тотила узнавъ о намѣреніи Велисарія, взялъ свои мѣры къ разрушенію онаго, приказавъ въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ Тибра построить нѣкоторой родъ моста изъ длинныхъ брусьевъ, простирающійся отъ одного берега до другаго,

а надъ нимъ поставить деревянныя стражницы, посадя туда наилучшихъ воиновъ; но Римскій военачальникъ умѣлъ въ скорости испровергнуть всѣ сіи препоны слѣдующимъ образомъ: онъ приказалъ совокупить вмѣстѣ два судна (*), просунувъ между ними длинныя бревна ради лучшаго ихъ скрѣпленія, и поставить на нихъ стражницу гораздо выше непріятельской; послѣ сего отрядилъ въ Тибръ съ солдатами и хлѣбнымъ запасомъ 200 мѣлкихъ судовъ, на которыхъ по краямъ были поставлены деревянныя загороды, имѣвшія по мѣстамъ отверстія, дабы изъ нихъ можно было стрѣлять по непріятелямъ. При входѣ въ гавань поставилъ пѣхоту и конницу по обѣимъ сторонамъ рѣки для обороны сего входа, а въ городѣ крѣпкой гарнизонъ; по таковомъ распоряженіи вступя самъ на корабль для начальствованія въ семъ походѣ, поплылъ со флотомъ своимъ въ верьхъ по Тибру; какъ скоро подъѣхалъ къ протянутой Готами черезъ рѣку перемычкѣ; то велѣвъ ударить на стерегущихъ оную съ сухаго пути, самъ съ своими стѣноносными судами, и съ большою пловучею бойницею напалъ на сію загороду, приказавъ съ верьху пущать множество искуственныхъ огней, что все исполнено было съ такою разторопностію и благоуспѣшествомъ, что Готы были побиты, а пловучія ихъ крѣпостцы съ двумя стами защищавшихъ оныя солдатъ были превращены въ пепелъ. Не взирая на всѣ сіи выигрыши, слабое раченіе одного начальника, коему приказано было отъ Велисарія охранять гавань, да также и измѣна Исаврійскихъ солдатъ воспрепятствовали осажденнымъ пользоваться сею побѣдою; сіи солдаты здали городъ Тотилѣ, который вошелъ въ него торжественнымъ образомъ. Велисарій послѣ сего пораженія долго не имѣлъ случая оказать знаменитаго какого либо дѣянія;

(*) *batteaux.*

почти чрезъ пять лѣтъ скитавшись по Италіи, наконецъ возвратился къ Императору въ Константинополь.

Тотила опустошая Италію, вознамѣрился овладѣть и и Сициліею, приказавъ войскамъ своимъ, раззорявшимъ тамошнюю страну, туда переѣзжать. Іустиніанъ для спасенія сего острова послалъ туда флотъ съ войскомъ подъ начальствомъ одного Полководца, именемъ *Либерія*; сей отправясь, прибылъ къ городу, Сиракузамъ, который Готы держали уже въ осадѣ; не смотря на ихъ отпоръ онъ вошелъ въ гавань и въ городъ; а какъ сей военачальникъ былъ уже весьма старъ, и не очень въ дѣлѣ своемъ свѣдущъ; то Императоръ тогда же сталъ сожалѣть, возложа такое важное препорученіе на него. Для исправленія сей по мнѣнію его тогда учиненной имъ ошибки, послалъ Артабана съ новыми войсками на смѣну Либерія, и на снятіе начальства надъ флотомъ; Артабанъ отправясь моремъ, и ставъ на якорь у Кефалоніи, узналъ тутъ, что Либерій находился въ Сиракузахъ; онъ вознамѣрясь съ нимъ соединиться, проѣхалъ Адріатическое море; но подъѣзжая къ Калабріи, претерпѣлъ столь ужасную бурю, что всѣ его корабли были разсѣяны; иныя занесены бывъ къ берегамъ Калабрійскимъ, попались въ руки Готамъ, другія же насильнымъ образомъ бывъ увлекаемы даже въ самой Пелопонисъ, погибли въ великомъ числѣ; а тотъ корабль, на которомъ находился Артабанъ, лишася мачты, былъ брошенъ на островъ Мальту. Либерій извѣстясь о нещастной судьбѣ Артабана, не могшаго тогда въ крайности своей противостать непріятелямъ, вышелъ изъ Сиракузъ, и удалился въ Палерму; Готы раззоривъ, ограбивъ, и опустошивъ Сицилію, сѣли опять на суда, и возвратились въ Италію съ богатою добычею.

Императоръ непрестанно желая привести въ прежній порядокъ дѣла въ Италіи, отправилъ туда новое войско подъ предводительствомъ Нарзеса. Тотила узнавъ о семъ, и распорядивъ все въ Римѣ такъ, чтобъ можно было наилучшимъ образомъ обороняться, вооружилъ 300 долгихъ кораблей, и посадя на нихъ солдатъ, отправилъ ихъ въ Корфу и во всѣ окрестныя мѣста для полученія добычь; они опустошая весь приморскій берегъ, забрали въ полонъ многіе отряженные къ Нарзесову войску съ съѣстными и воинскими припасами Римскіе суда; Тотила съ сухаго пути держа еще въ осадѣ городъ Анкону, приказалъ также и съ моря обступить оный 47 кораблями. Валеріанъ и Іоаннъ, оба Императорскіе Полководца, вѣдая, сколь нужно было тогда отвратить осаду крѣпости оной, приступили съ соединенными войсками къ исполненію сего намѣренія, одинъ будучи въ Равеннѣ, а другой въ Салонѣ; Іоаннъ отправясь съ 38 кораблями, а Валеріанъ присоединясь къ нему съ 12, оба поѣхали къ Анконѣ. Коль скоро Готы извѣстились о приближеніи сего ополченія; то и выступили противъ нихъ въ числѣ 47 кораблей, снабженныхъ самымъ отборнымъ войскомъ. Оба воинства ставши другъ противъ друга, ласкали себя взаимною надеждою побѣды; Римляне располагались ради пользы собственности къ сраженію, которое долженствовало рѣшить тогдашніе ихъ обстоятельства, а Готы привыкши побѣждать Римлянъ, были предувѣрены, что сіи послѣдніе, ежели когда имѣли мужество, то имѣли его въ минувшихъ временахъ, а потому не въ состояніи уже были ласкать себя большими успѣхами; въ такихъ мысляхъ и въ совершенной увѣренности они приступили къ дѣлу.

Варвары начали сраженіе съ обычнымъ бѣшенствомъ;

но будучи еще мало опытны въ морскихъ битвахъ, устремились въ безпорядкѣ и безъ искусства; поелику одна часть ихъ кораблей была чрезмѣрно разтянута, а другая съ лишкомъ стѣснена; то первые тотчасъ были охвачены, и одинъ за другимъ побраны въ полонъ, а другіе бывъ очень густо поставлены, и какъ бы составляя одинъ только корабль, другъ отъ друга приводимы были въ замѣшательство; а за множествомъ сблизившихся между собою мачтъ не возможно было пускать стрѣлъ на Римлянъ, такъ что оныя будучи отражаемы отъ сихъ деревъ, упадали обратно на нихъ же самихъ. Корабли ихъ то спирались силою волнъ и вѣтровъ, подвергались опасности другъ съ другомъ сталкиваться, то чрезмѣру были развлекаемы по разнымъ сторонамъ; въ прочемъ ужасные крики производимые ими для устрашенія непріятелей, оглушая самихъ же ихъ, препятствовали токмо солдатамъ и морскимъ служителямъ выслушивать повелѣнія, такъ что ни коимъ образомъ не льзя было тогда выполнять приказовъ ни по морскимъ, ни по военнымъ движеніямъ. Напротивъ того Римляне вывели корабли свои съ лучшимъ благоучрежденіемъ, т. е. ни въ чрезмѣру великой разстановкѣ, ни въ излишнемъ сближеніи однихъ съ другими, но въ такомъ разстояніи, что могли съ удобностію то разходиться, то совокупляться; они были въ такой близости, что сами могли быть страшны для Готовъ, и въ такой опять отдаленности, что не могли бояться непріятелей, а при такомъ положеніи всѣ ихъ стрѣлы попадали въ варваровъ, между тѣмъ какъ варварскія наносили вредъ только съ легка. Готы не вѣдая, на что рѣшиться, и отъ собственнаго безпорядка вскорѣ приведены будучи въ уныніе, отдались на произволъ худаго своего щастія; а побѣдоносный флотъ обступя ихъ

со всѣхъ сторонъ, то побралъ, то потопилъ всѣ корабли, выключая одиннадцати убравшихся къ берегу, и послѣ самими же Готами сожженныхъ, дабы не попались въ руки Римлянамъ. Сія побѣда, сопровождаемая снятіемъ осады Анконы, довольно уничижила надмѣнность Тотилы.

Сей начальникъ Готовъ по видимому еще хотѣлъ возобновить свою бодрость; спустя нѣсколько времени послѣ сего пораженія, онъ снова собравъ флотъ, овладѣлъ островами, Корсикою и Сардиніею; по такомъ завоеваніи получивъ нѣкоторую отраду для своего любочестія, освободился отъ того посрамленія, какое испыталъ онъ на Анконскомъ сраженіи. - Хотя Іоаннъ немедлѣнно отрядилъ флотъ къ берегамъ завоеванныхъ острововъ для обратнаго ихъ взятія; но высадка учиненная съ онаго его солдатами, не была удачна; потому что Готы напали на нихъ съ такою яростію, что тѣ принуждены были бѣжать, и убираться опять на свои суда; однако сей небольшій выигрышь, полученный варварами надъ отрядомъ Римлянъ, былъ уже послѣдній. Нарзесъ предводительствуя страшнымъ воинствомъ, сразился съ Тотилою, и одержавъ такую побѣду, что побилъ шесть тысячь Готовъ, и безчисленное множество забравъ въ полонъ, истребилъ всѣхъ, кромѣ небольшаго числа спасшихся; Тотила убѣжалъ было съ пятнадцатью человѣками солдатъ, но бывъ настиженъ гнавшимися за нимъ, проколотъ дротикомъ, отъ чего и лишился жизни. Такимъ образомъ Тотила бывъ одиннатцать лѣтъ Королемъ Готскимъ, прекратилъ свой животъ. Смерть сего Государя подлинно была эпохою паденія царства Готовъ, которые дѣйствительно сколько ни усиливались возстановить паки свое могущество, но наконецъ по 18 лѣтней войнѣ со всѣмъ были истреблены.

Спустя нѣсколько времени послѣ испровержения сего варварскаго народа Римская Имперія еще съ новыми непріятелями долженствовала имѣть дѣло. Гуны, вышедшіе изъ за Меотическаго залива переходя изъ области въ область, и дѣлая всюду великія опустошенія, раззоряли также Имперію. Сіи варвары разсѣясь въ великомъ множествѣ по берегамъ Дуная въ самое лютое время зимы, и пѣшіе перешедъ по льду, покрывавшему сію рѣку, не преминули утвердиться въ Ѳракійскомъ Херсонисѣ, откуда распространили ужасъ даже до самаго Константинополя. Императоръ послалъ противъ нихъ войско подъ предводительствомъ Велисарія; сей военачальникъ хотя и согбенный подъ бременемъ лѣтъ своихъ, воспріявъ паки оружіе, отразилъ Гуновъ, разбилъ, и привелъ ихъ въ крайнее смятеніе, но не желая далѣе простирать своихъ побѣдъ, возвратился вскорѣ съ побѣдоноснымъ войскомъ въ Константинополь. Гуны не видя дальнѣйшей за собою погони, такъ какъ они опасались, и опять собравшись въ Херсонисѣ, расположились къ новымъ покушеніямъ; они ворвавшись во многія крѣпости, распространили ужасъ по всей тамошней сторонѣ, имѣвъ единою цѣлію то, чтобъ основаться въ сихъ мѣстахъ, и утвердить свое пребываніе. А дабы въ случаѣ невозможности удержать за собою сіе новое мѣстопребываніе, и учинить побѣгъ свой удобнѣе морскимъ путемъ; то вздумали построить себѣ флотъ весьма страннаго и необыкновеннаго образа; набравъ великое множество длинныхъ и густыхъ камышинъ, скрѣпили ихъ веревками и ракитникомъ, и подѣлавъ изъ нихъ плѣтни, утвердили съ верьху длинные шесты, привязавъ ихъ къ середкѣ и по бокамъ тѣхъ плетней, дабы гребцамъ они служили лавками, и все сіе связали самымъ крѣпкимъ способомъ; складка трехъ или четырехъ таковыхъ

плетеныхъ плотовъ составляла судно довольно пространное для поднятія четырехъ человѣкъ, и довольно глубокое для вмѣщенія тяжести, могущей служить оному грузомъ, и такою мѣрою къ остойчивости, чтобъ не могло подвергнуться насилію волнъ. Первая показавшаяся часть сихъ судовъ была приподнята, и выгнута на подобіе носа; бока же расположены такъ, что можно было съ удобностію употребить на нихъ веслы. Гуны сдѣлали сто пятдесятъ таковыхъ плетеныхъ поромовъ, на коихъ надлежало посадить 600 человѣкъ, исправно вооруженныхъ.

Между тѣмъ Императоръ, извѣстясь о раззореніяхъ чинимыхъ непрестанно Гунами въ его областяхъ, отправилъ противъ нихъ часть войскъ подъ начальствомъ Германа, который хотя и молодъ еще былъ, но пріобрѣлъ уже по воинскимъ подвигамъ не малую славу. Молва о его прибытіи произвела между Гунами такой ужасъ, что они не отважась вступить съ нимъ въ бой, бросились спасаться на своихъ судахъ. Германъ узнавъ, что сіи варвары плавали моремъ на своихъ пловучихъ тростеникахъ, послалъ противъ нихъ 20 легкихъ судовъ, посадя туда хорошихъ гребцовъ, и солдатъ, вооруженныхъ щитами, луками и копьями. Сіи суда ѣдучи греблею, и притомъ бывъ несомы теченіемъ, ударили съ такою силою на Гунскіе суда, что сіи тотчасъ были прорваны; легчайшіе изъ нихъ увлечены волнами; а самые твердѣйшіе, на коихъ варвары находились, едва могли держать ихъ на себѣ, и въ то время, какъ они старались сохранить себя отъ кораблекрушенія, Римляне жестоко поражали ихъ стрѣлами, и побили великое множество. Но все пораженіе ихъ довершено было посредствомъ копьевъ съ косыми остріями, которые, бывъ устремляемы разъ за разомъ, наконецъ перерубили снасти, составлявшіе главную

часть ихъ судовъ; такимъ образомъ раздробленные сіи камышевые плоты поглощены были морскими волнами со всѣми бывшими на нихъ солдатами, такъ что ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Не взирая на всѣ сіи выгоды, Имперія Цезарей преклонялась къ своему паденію. Слабость преемствовавшихъ чрезъ долгое время одинъ за другимъ Государей, кажется, привлекала враговъ къ сей великой державѣ для того, чтобы нанести ей послѣдній разрушительный ударъ. За Гунами послѣдовали Авары основавшіеся на берегахъ Дуная, а за Аварами Ломбарды, воздвигнувшіе на развалинахъ царства Императоровъ новую державу въ Италіи. Послѣ того Персіане чиня нашествіе, неоднократно приводили въ трепетъ Константинополь. Многіе небольшіе властоимцы (тираны) заводя партіи, всячески покушались раздроблять Имперію, похищая у нее какой нибудь удѣлъ. Турки также съ своей стороны угрожали; сей народъ, произшедшій отъ Скиѳовъ, полагалъ уже основаніе страшной области, которая напослѣдокъ долженствовала сокрушить Имперію, едва оставя даже воспоминаніе о ней.

Неоднократные набѣги Срацинъ часто причиняли великой страхъ Императорамъ. Сіи народы, происходящіе отъ Арабовъ, становились ужасны въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; они въ царствованіе Императора Константа, племянника Иракліева, отняли у Римлянъ множество областей, и обложили данью многіе острова. Одинъ изъ ихъ военачальниковъ по имени Мабіасъ (Мабій) не довольствуясь настоящими завоеваніями, простеръ свои виды еще далѣе, и вознамѣрясь обладать самою Имперіею, отправилъ въ море великое число военныхъ судовъ; со стороны Императора Константа также вооруженъ былъ

сильный флотъ, который отправясь въ походъ, сталъ на якорь въ Ликійской гавани; а на другой день послѣ своего прибытія расположился въ боевой порядокъ; Срацинскій то же сдѣлалъ; но побоище кончилось разбитіемъ Римлянъ, между коими Срацины произвели столь великое кровопролитіе, что море кажется обагрено было ихъ кровію. Однако Императоръ Констансъ успѣлъ избавиться отъ лютости варваровъ, надѣвъ на себя вмѣсто прежняго платья другое не очень хорошее, и пересѣдши на небольшое тогда нечаянно попадшееся судно, убрался съ малымъ числомъ людей въ Константинополь. Послѣ сей побѣды Срацины, не видя ни какихъ больше препятствій для своего честолюбія, овладѣли островомъ Родосомъ, и конечно подвергли бы тому же жребію и самую Имперію, буде бы не помѣшали имъ тогда междоусобныя распри.

По смерти Констанса сынъ его Константинъ принялъ власть. Не успѣвъ вступить на престолъ, тотчасъ отправился изъ Константинополя со многочисленнымъ флотомъ въ Сицилію, и вступилъ въ войну съ нѣкоторымъ Армяниномъ, поимени *Мизизіемъ*, коего Римскіе легіоны провозгласили Императоромъ. Константинъ зналъ, сколь нужно было учинить со всѣмъ жаромъ на сего непріятеля нападеніе прежде, нежели еще онъ успѣетъ укрѣпиться; и потому нимало не мѣдля сразился, и разбилъ его совершенно. Мизизій потерявъ побѣду, потерялъ и жизнь; Императоръ по совершеніи сего возвратился въ Константинополь. Въ самый день своего вшествія въ городъ онъ получилъ отъ подданныхъ проименованіе *погоната*, для того, что при отбытіи своемъ въ походъ не имѣлъ еще бороды, а возвратился съ весьма длинною.

При семъ Императорѣ Срацины по раззореніи наилучшихъ

Имперскихъ провинцій, наконецъ подступили съ сильнымъ флотомъ подъ самый Константинополь. Погонатъ вознамѣрясь добрымъ порядкомъ защищать свое Государство, вывелъ противъ нихъ всѣ свои корабли, какія только могъ собрать; два морскія ополченія безпрестанно отъ весны до осени находились на лицо, и каждый день были въ дѣйствіи; но какъ ни которое сраженіе не было рѣшительно: то Срацины по наступленіи зимы удалились въ Кизикъ; а въ слѣдующую весну опять появились; но война была такая же, и продолжалась чрезъ семь лѣтъ въ одинакомъ образѣ. Варвары наскучась таковымъ безвыгоднымъ, и стоившимъ великаго числа людей и судовъ подвигомъ, отступили назадъ въ весьма худомъ положеніи; остальные же ихъ суда, ѣхавшіе въ *Силею*, захвачены были столь великою бурею, что одни изъ нихъ раздробились о скалы, а другія потоплены. Тогда Срацины принуждены уже были просить на тридцать лѣтъ перемирія, которое и дано было имъ съ условіемъ платить наложенную на нихъ дань. Такимъ то образомъ сіи варвары, чаявшіе покорить Римлянъ, сами къ щастію своему принуждены были сдѣлаться ихъ данниками.

Императоръ долженъ былъ также воевать еще съ Болгарами. Сіи народы, произшедшіе изъ Азіатской Сарматіи, опустошали ближнія области по Дунаю; Погонатъ для удержанія успѣховъ толь страшныхъ непріятелей собралъ на Черномъ морѣ великое множество кораблей, и въѣхалъ въ Дунай. Варвары устрашась такого великаго приготовленія, рѣшились уйти, и укрыться въ одномъ мѣстѣ, окруженномъ рѣками, и болотами. Тогда Императоръ безпокоясь подлинно отъ случившагося при самомъ лицѣ его зла, поѣхалъ съ пятью изъ своихъ кораблей въ Миземврію, дабы запастись тамъ водою; но войска,

оставленные имъ почитая отъѣздъ его за побѣгъ изъ боязни, сами удалились. Такое малодушіе Римскихъ солдатъ столько оживило бодрость Болгаровъ, что сіи послѣдніе обратясь на бѣгущихъ, произвели страшное убійство; послѣ сего распространясь далѣе по Имперіи, опустошали самыя лучшія области, такъ что Императоръ для удержанія ихъ неистовства принужденъ былъ напослѣдокъ платить имъ постыдную дань.

Спустя нѣсколько времени послѣ того Срацины вновь воспріявъ оружіе, начали дѣйствія свои тѣмъ, что завоевали Африку. Императоръ Леонтій послалъ туда морскую силу подъ предводительствомъ Патриція Іоанна, который поразивъ варваровъ, возвратилъ всѣ покоренные ими города; Срацины съ крайнимъ болѣзнованіемъ перенесли потерю Африки, потому что тутъ заключалась большая мѣра ихъ славы и пользы. Они выступя въ море съ такимъ флотомъ, каковаго по многочисленности еще до толѣ у нихъ не бывало, взяли назадъ все потерянное, а Іоанна обратили въ бѣгство, который и уклонился въ гавань острова Кандіи, гдѣ войска его пришедши въ буйство и смятеніе, поставили на мѣсто его Апсимара, объявивъ Императоромъ. Апсимаръ не отказался отъ такого лестнаго сана; но чтобъ спокойнымъ образомъ владѣть онымъ; то сѣдши на Патриціевъ флотъ, поѣхалъ въ Константинополь, и взявъ городъ въ расплохъ, вступилъ на престолъ, а Императора Леонтія заключилъ въ монастырь. Младшій Іустиніанъ, сосланный Леонтіемъ въ Херсонисъ, опять выступилъ на зрѣлище. Вырвавшись изъ тюрмы, возшелъ на престолъ, а для утвержденія себя велѣлъ отрубить головы Леонтію и Апсимару; онъ вооружилъ великія морскіе и сухопутныя силы противъ Болгаръ; однакожь съ такимъ ополченіемъ не имѣвъ щастливаго

успѣха, принужденъ былъ опять сѣсть на свои корабли, и возвратиться въ Константинополь съ посрамленіемъ. Сей Государь по жестокосердію своему думалъ болѣе о личномъ мщеніи, нежели о поддержаніи своего сана; онъ снарядя флотъ состоящій изъ Триремовъ (трехъ-ярусныхъ) легкихъ судовъ, и перевозныхъ кораблей со 100000 человѣкъ, отправилъ оной въ Херсонизскія и Восфорскія префектуры съ тѣмъ, чтобы тамъ все предать огню и мечу, желая симъ безчеловѣчнымъ поступкомъ наказать личныя обиды, нанесенныя ему отъ нѣкоторыхъ жителей сихъ странъ; правда сіе варварское приказаніе было выполнено; но небо, какъ бы желая отмстить смерть толикихъ неповинныхъ жертвъ, поразило флотъ его такою бурею, которая въ одномъ кораблекрушеніи погубила семьдесятъ три тысячи человѣкъ; тогда все море покрыто было трупами, носящимися отъ Фамастра до самой Иракліи (Гераклеи). Императоръ не столько сожалѣя о семъ нещастіи, сколько о томъ, что его страсть не удовлетворена еще по желанію, отправилъ другой флотъ въ море для произведенія новыхъ опустошеній въ Херсонисѣ: однакожъ не успѣвъ насытить мщенія своего самъ погибъ.

711 по Р. Х. Артемій повѣствуетъ, что въ царствованіе Анастасія втораго Срацины еще объявили войну Имперіи, и вознамѣрясь учинить нападеніе моремъ и сухимъ путемъ, отправились съ сильнымъ флотомъ подъ Александрію и Финикію съ тѣмъ, чтобъ тамъ нарубить кипарисныхъ деревьевъ для постройки судовъ. Императоръ ради воспрепятствованія имъ въ семъ намѣреніи собралъ въ Родосѣ флотъ состоящій изъ галеръ, и изъ легкихъ, такожъ и зажигательныхъ судовъ (пальниковъ); но назначеніе предводительства весьма было странное. Онъ

714 по Р. Хр.

поручилъ начальство надъ симъ флотомъ Діакону соборной церкви, Іоанну. Сей воевода вскорѣ пріобрѣлъ довольно приверженныхъ и покорныхъ своимъ повелѣніямъ сердецъ; но *Опсикїане* (то есть солдаты набранные въ Виѳиніи, Мисіи, Фригіи, Дарданіи и Троадѣ) взбунтовавшись противъ сего начальника, умертвили его. Войска, не учавствовавшіе въ семъ убійствѣ, видя себя безъ предводителя, разбѣжались, также какъ и бунтовщики. Сіи послѣдніе укрываясь въ Араминѣ Мизійскомъ, и нашедъ тамъ сборщика Государственныхъ пошлинъ по имени Ѳеодосія, возложили на него Императорскую корону противъ собственной воли его. Сей Ѳеодосій, будучи человѣкъ тихій, и мало привязанный къ честямъ, влекущимъ обыкновенно за собою смятеніе и тревогу, совершенно отвергнулъ предложеніе такого достоинства, и убѣжавъ на одну гору, тамъ сокрылся; упорные Опсикіанѣ насильнымъ образомъ исторгнувъ его изъ убѣжища, принудили наконецъ его принять надъ ними власть. Въ то время они усиля флотъ свой множествомъ купеческихъ кораблей, отправились въ походъ, и пристали къ приморскому берегу *Хизополя*, но осаду города сего продолжая чрезъ шесть мѣсяцовъ, обратились оттуда во Ѳракію, и овладѣли оною; послѣ того вошли въ Константинополь *Влахернскими* вратами, которые отворены имъ были посредствомъ подкупленныхъ деньгами измѣнниковъ. Анастасій видя себя вытѣсняема превосходнѣйшею силою, пришелъ изъявить Ѳеодосію свою преданность и почитаніе, а послѣ того удалился въ обитель.

Таковая непрестанная смѣна Императоровъ, другъ друга погубляющихъ, приводила Государство въ нарочитое изнеможеніе; всякой честолюбивецъ домогался верховной власти, и Имперія раздираема была множествомъ

непрерывныхъ крамолъ. Срацины спараясь воспользоваться сими внутренними раздорами, вступили съ ужаснымъ воинствомъ въ малую Азію, и начали опустошать ее. Главные чиновники Өеодосія видя, что сей Государь ни малой не имѣлъ способности дѣлать отпоры толико страшнымъ непріятелямъ, совѣтовали ему отказаться
716 по Р. Хр. отъ Имперіи; онъ немедлѣнно сложилъ корону съ толикою же радостію, съ коликимъ сопротивленіемъ принималъ оную; на мѣсто его возведенъ Левъ Исаврянинъ.

Между тѣмъ Срацины всегда простирая завоеванія свои далѣе, наконецъ подступили подъ Константинополь, и тогда, какъ готовились уже со многочисленнымъ войскомъ напасть на оный сухимъ путемъ, положено было въ то же самое время облечь его флотомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ 1800 судовъ состоящимъ, а по увѣренію другихъ, изъ 300 подъ предводительствомъ самаго Солимана, ихъ Калифа. Сей городъ будучи тѣснимъ столь многочисленными силами, готовъ уже былъ впасть въ руки невѣрныхъ; но въ то самое время, какъ Калифъ располагался учинить приступъ со стороны моря, Императоръ Левъ приказалъ противъ его флота пустить великое множество судовъ съ Греческимъ огнемъ. Срацины не ожидая такого нападенія, да притомъ еще и не зная силы сего искусственнаго огня, горящаго въ водѣ, потеряли при своихъ глазахъ двадцать судовъ, которыя тогда же были истреблены пламенемъ. Греки безпрепятственно разъѣзжая вокругъ зажженныхъ судовъ, не преставали бросать сіи самые огни на другія еще не зажженныя, такъ что пожаръ сдѣлался почти всеобщимъ; однако нѣкоторыя по щастію спасшись, и удалясь въ Өракійскій Восфоръ, вошли въ Сотернскую гавань на зимовье. Тогда была погода чрезвычайно жестокая; земля больше

трехъ мѣсяцовъ покрыта была снѣгомъ, отъ чего великое множество людей, лошадей и верблюдовъ погибло въ Срацинскомъ войскѣ.

Слѣдующею весною пришли къ нимъ два флота, одинъ изъ Египта въ числѣ 400 грузовыхъ и многихъ легкихъ судовъ подъ начальствомъ Софіена; а другой изъ Африки въ числѣ 360 подъ предводительствомъ Іезида. Онѣ будучи снабжены довольнымъ числомъ людей и съѣстныхъ припасовъ, могли съ успѣхомъ учинить приступъ къ столицѣ Имперіи. Оба сіи флота, столь хорошо вооруженные, знали, какое чудное дѣйствіе Греческій огонь имѣлъ надъ ихъ флотомъ прошлаго года; знали также и то, что Императоръ изготовилъ противъ нихъ еще такія же зажигательныя суда; ужасъ сихъ пламенниковъ потушая ихъ жаръ, воспрещалъ имъ пуститься въ проливъ, а потому и ушли они въ Виѳинію; одинъ присталъ къ берегу въ *Бошамлѣ,* (*) а другой въ *Сатирѣ.* Египтяне вмѣстѣ съ подвластными себѣ опасаясь угрожающаго имъ пожара, и пересѣдши ночью въ шлюбки, уѣхали въ Константинополь съ повинною къ Императору. Левъ будучи ободренъ такимъ покорствомъ, отправилъ суда съ зажигательными Сифонами, которые изрыгая на оба флота ручьи жидкаго пламени, превратили ихъ вскорѣ въ пепелъ. 718 по Р. Хр.

Никифоръ Цареградскій и Павелъ Діаконъ хотя и упоминаютъ о всеобщемъ сожженіи сихъ двухъ флотовъ; но притомъ говорятъ, что Срацинскій флотъ возвратился назадъ въ великомъ замѣшательствѣ; сей флотъ конечно состоялъ изъ остатковъ двухъ сожженныхъ морскихъ ополченій. Лишь только онъ изготовился къ отплытію: то къ довершенію злополучія застиженъ былъ столь ужасною бурею, что при общемъ разсѣяніи

(*) *Beauchamp.*

одна часть онаго занесена была на островъ Мраморнаго моря (*) (пропонтиды), а другая поглощена волнами. Злощастные остатки сего флота плавая въ Эгейскомъ морѣ поражены были, буде вѣрить Павлу Діакону, огненнымъ градомъ и дождемъ топленой смолы, отъ чего и самое море кипѣло; всѣ суда пропали, выключая десяти, изъ коихъ пять взяты, а другіе пять пробрались въ Сирію съ донесеніемъ о толикихъ нещастіяхъ, приключившихся ихъ флотамъ, которые соединились было на раззореніе Имперіи.

Левъ еще выдержалъ нападеніе отъ Цикладскихъ жителей; сіи народы будучи огорчены жестокосердіемъ Императора, пришли въ такое возмущеніе, что собравъ всѣ свои суда, составили изъ нихъ многочисленный флотъ; они были хорошіе воины, и превосходные морскіе служители; съ таковыми силами провозгласивъ Императоромъ одного изъ своихъ товарищей, направили путь къ Константинополю. А какъ въ то время Государство потрясаемо было внутри неожидаемыми крамолами; то они и льстились легко овладѣть онымъ, да и большая часть жителей уже благопріятствовала ихъ сторонѣ; однакожъ они обманулись; потому что Левъ извѣстясь о семъ, готовъ уже былъ къ принятію ихъ съ своимъ морскимъ ополченіемъ, а вступя съ ними въ сраженіе не долго сумнѣвался въ успѣхѣ; ибо опять употребя греческій огонь, сожегъ почти всѣ суда сихъ нещастныхъ островитянъ.

Преемникъ Льва Исаврянянина, Константинъ Копронимъ равнымъ образомъ долженствовалъ защищать Государство отъ разныхъ варварскихъ нашествій. Въ десятое лѣто его царствованія Срацинскій флотъ

(*) Иначе называли: *Проконнесъ*.

выступя изъ Александріи, прибылъ въ Кипръ; но при семъ островѣ находившійся Императорскій флотъ учиня нападеніе на оный, сожегъ одну часть ихъ судовъ, и возвратился въ Константинополь со славою и богатствомъ. Спустя нѣсколько времени послѣ того Императоръ послалъ противъ Болгаръ морское войско, состоящее изъ 2600 судовъ, такъ называемыхъ Паландровъ (можетъ быть тоже, что у Французовъ называются (*balandres*); но воставшая буря погубила почти все сіе ополченіе. Въ тридцать третіе лѣто царствованія своего онъ еще долженъ былъ вести войну съ сими же народами. Выставя 2000 судовъ такого же построенія, какъ говоритъ Павелъ Діаконъ, или 800, какъ утверждаетъ Никифоръ, онъ велъ подъ собственнымъ начальствомъ сей флотъ, а самъ сидѣлъ на выкрашенномъ багрянымъ цвѣтомъ кораблѣ; переѣхавъ черезъ Черное море въ устье Дуная, и тамъ учиня сраженіе на сухомъ пути одержалъ побѣду, и возвратился въ Константинополь. Въ слѣдующій годъ еще отправилъ противъ Болгаръ знатный флотъ; но ѣдучи противъ нихъ, претерпѣлъ на пути такую бурю, которая лишила его многихъ судовъ.

Михаилъ (родомъ изъ Аморіи, города верьхней Фригіи) воспріявъ державу по Львѣ Армянинѣ, долженствовалъ вступить въ новую войну, причиною коей былъ нѣкто Ѳома (Томашь) родомъ Славянинъ, произхожденія низкаго, но мужества необычайнаго. Сей человѣкъ наскучась бѣдностію, давно приводившею его въ уныніе, почувствовалъ въ себѣ столько любочестія, что отважился на домогательство блистательнѣйшаго щастія. Онъ пріѣхавши въ Константинополь, яко въ такое мѣсто, которое наиболѣе могло способствовать его намѣреніямъ,

вступилъ въ услуженіе къ одному Сенатору; но къ нещастію влюбясь въ его жену, лишь только отважился по безразсудству открыть ей свою страсть; то и принужденъ былъ немѣдленно бѣжать; нашедши же убѣжище у Срацинъ, принялъ ихъ богоисповѣданіе и обычай; вступя въ военную службу, пріобрѣлъ въ ней такую славу, что Срацины сдѣлали его главноначальствующимъ надъ своими войсками; онъ вознамѣрился обратить сіи силы къ похищенію Римской державы; а дабы удобнѣе до сего достигнуть, и пріобрѣсть больше довѣренности: то пропустилъ о себѣ молву, яко бы онъ Константинъ, сынъ Ирины. Нѣкоторые разсказываютъ совсѣмъ иначе о его рожденіи и началѣ его щастія. Какъ бы то ни было; Ѳома имѣлъ видъ сановитый, могущій внушить имовѣрность ко всему тому, въ чемъ хотѣлъ онъ ложно увѣрить другихъ касательно своей породы; въ прочемъ былъ довольно вѣжливъ и ласковъ; никакое предпріятіе не могло поколебать его бодрости; къ тому же имѣлъ чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе, которое содѣлывало его неутомимымъ въ исполне-
822 по ніи замысловъ. Онъ отправился со многочисленнымъ фло-
Рожд. Хр. томъ съ тѣмъ, дабы внести военное пламя въ самыя нѣдра Имперіи. Тогда на Константинопольскомъ престолѣ сидѣлъ Михаилъ, Государь ненавидимый большею частію подданныхъ, по причинѣ ли вѣроисповѣданія, или его косноязычія, или примѣченнаго въ немъ слабодушія.

Хотя сей Императоръ и вывелъ противъ него нѣсколько войскъ; но онѣ тотчасъ были разбиты. Ѳома отрядивъ галеры и круглые суда, яко бы для сысканія запасовъ, или для отвозу конницы, овладѣлъ Императорскимъ флотомъ, и въ Лезвіи (Лезбосѣ) составя изъ нихъ

знатныя морскія силы, а сверхъ того набравъ сухопутныхъ войскъ тысячь восемьдесятъ, производилъ ужасное опустошеніе всюду, куда только путь свой ни простиралъ. Онъ проѣхавъ Авидскій заливъ, вступилъ во Ѳракію, и напослѣдокъ приближился къ Константинополю. Императоръ видя столь близкую гибель, приготовился къ оборонѣ. Ѳома учинилъ нападеніе на городъ съ сухаго и морскаго пути съ великою стремительностію. Обступившіе оной суда были снабжены огнемещущими со всѣхъ сторонъ машинами. Городъ вскорѣ превращенъ былъ въ пепелъ, а сверхъ того воставшій тогда вѣтръ, кажется, раздувалъ угрожавшій оному пламень. Но сухопутное войско его не имѣло столь щастливаго успѣха; жители защищались столь храбро, что къ ихъ мужеству присоединенная суровость времени понудила Ѳому снять осаду.

Въ слѣдующую весну онъ опять появясь предъ стѣнами Константинополя, осадилъ его съ моря и сухаго пути; а Императоръ видя городъ въ осадѣ, и взошедъ на нѣкоторое возвышенное мѣсто, началъ говорить Ѳоминымъ войскамъ, яко бы желая подвигнуть ихъ къ соболѣзнованію о бѣдствіяхъ войны; но въ самой вещи намѣренъ былъ только тѣмъ ихъ проманить; ибо въ то время, какъ по видимому занималъ онъ ихъ разговоромъ, приказалъ учинить выласку на неожидавшихъ того непріятелей, которые почти въ тоже время по нападеніи и были побиты. Императоръ одержалъ еще знатнѣйшую побѣду, приказавъ галерамъ своимъ выѣхать въ открытое море для нападенія на Ѳомины суда; когда сіи послѣдніе бывъ объяты внезапнымъ трепетомъ, оборотились носами къ берегамъ; тогда одна часть служителей оставя оныя, и пришедъ къ Михаилу, упала

къ его ногамъ съ испрошеніемъ милосердія, а другая часть устремилась съ судовъ въ лагерь, отнюдь не желая возвращаться на суда; и такимъ образомъ флотъ Ѳоминъ безъ боя однимъ разомъ былъ уничтоженъ.

Твердость Ѳомы нимало не была потрясена сею потерею; онъ не столько огорчаясь ею, сколько стараясь поправить дѣло, велѣлъ привести флотъ изъ Ахаи въ числѣ 350, какъ военныхъ, такъ и грузовыхъ судовъ; сей флотъ занялъ Ѳракійскую гавань; но Императорскіе суда съ огненными трубами нападши на него, сожгли знатную часть онаго, а прочіе будучи устрашены, всѣ попались въ руки Императора, такъ что и оглядѣться не успѣли. Спустя нѣсколько времени послѣдовавшая смерть Ѳомы избавила Императора отъ самаго ужаснѣйшаго въ немъ врага, какого только имѣлъ онъ противъ себя.

Между тѣмъ, какъ Императоръ собиралъ мѣры къ отраженію предпріятій Ѳомы, новые непріятели готовились потревожить царство его. Сарацины, или, какъ другіе называютъ, Арабы основавшіеся на берегахъ Эбра, не далече отъ моря въ западной сторонѣ Испаніи, видя многолюдное поселеніе свое на такой землѣ, которая не весьма была благодарна, просили у начальника своего Апохапса позволенія переселиться въ иную какую нибудь плодоноснѣйшую страну. Сіе предложеніе понравилось сему Государю; онъ рѣшась съ ними ѣхать для добычь на восточныхъ островахъ, намѣренъ былъ подлинно основаться на такомъ изъ нихъ, какой будетъ только по нраву. Правда, онъ содержалъ сіе намѣреніе въ тайнѣ; но для удовлетворенія желаній своихъ подданныхъ приказавъ вооружить большіе суда, повелъ ихъ на Архипелажскіе острова, якобы для набогащенія себя; проѣзжалъ

многіе изъ нихъ безъ всякой помѣхи для того, что всѣ морскія силы Императора обращены были на преслѣдованіе Ѳомы; на всѣхъ сихъ островахъ Апохапсъ получа знатную добычу, остановился въ Критѣ, и тутъ оконча корыстные подвиги свои, возвратился во свояси съ безцѣннымъ стяжаніемъ. По пріѣздѣ туда снарядилъ флотъ еще сильнѣе и многочисленнѣе прежняго, и въ началѣ весны отправился прямо на островъ Критъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ тутъ уже утвердить свое пребываніе, потому что мѣсто было прекрасное, плодородное и выгодное; онъ безъ всякаго сопротивленія присталъ туда въ числѣ сорока судовъ. Вскорѣ послѣ высадки разослалъ большую часть своихъ людей для разхищенія того мѣста; а въ то самое время, какъ они занимались опустошеніями, велѣлъ зажечь всѣ свои суда, которые при помощи сильнаго вѣтра и были истреблены. Разсѣявшіеся по острову люди его испугавшись пожара, прибѣжали къ лагерю, и узнавъ, что виновникомъ сего былъ самъ ихъ начальникъ, спросили у него тому причину; онъ имъ отвѣчалъ, что по собственному ихъ же самихъ желанію искавъ такого мѣста, гдѣ бы имъ можно было съ выгодою поселиться, нигдѣ не нашелъ для нихъ лучшей стороны, какъ сія, а потому они и долженствуютъ утвердить тутъ свою судьбу. Воспоминаніе женъ и дѣтей тотчасъ представилось имъ препоною къ новому ихъ поселенію; однако Апохапсъ убѣдилъ ихъ тѣмъ, что они могутъ найти и въ новомъ обиталищѣ достаточное число женщинъ, и слѣдственно гораздо лучше возстановить семейства свои тутъ, нежели тамъ, отколѣ вышли; при семъ случаѣ Сарацины ничѣмъ уже не могли ему возразить.

Императоръ извѣстясь о произходившемъ въ Критѣ,

отправилъ туда Фотина со флотомъ; сей, по присоединеніи къ нему Даміана, спѣшилъ съ знатнымъ числомъ войска учинить нападеніе на Срацинъ; но сіи защищались съ упорствомъ. Даміанъ при самомъ началѣ сраженія убитъ, а сіе привело Императорскія морскія силы въ крайнее замѣшательство. Фотинъ видя себя одного оставленнымъ пересѣлъ на легкое судно, и поспѣшалъ къ Императору съ извѣстіемъ о претерпѣнномъ имъ нещастіи. Сарацины бывъ насыщены сею побѣдою, думали уже совершенно утвердиться на островѣ; между тѣмъ, какъ они питали въ себѣ такіе помыслы, одинъ чернецъ жившій на горѣ, пришедши къ нимъ, и указавъ самое плодоноснѣйшее и прекраснѣйшее по всему острову мѣсто, совѣтовалъ построить тутъ городъ; а они и приняли его совѣтъ. Прельстясь изяществомъ показаннаго мѣста построили городъ, наименовавъ его Кандіею, поелику сіе мѣсто называлось Кандаксомъ. Весь островъ, покоренный ихъ власти, началъ слыть по имени не давно воздвигнутаго ими сего города.

Императоръ сдѣлалъ вторичное покушеніе на островъ Критъ, отправя туда флотъ въ числѣ 70 галеръ подъ начальствомъ Кратера, который по учиненіи высадки, бился съ Сарацинами до самыхъ полденъ; но побѣда еще колебалась; мужество съ обѣихъ сторонъ было равное; однако къ вечеру храбрость Сарацинъ начинала уже изнемогать; они ударясь въ бѣгъ, то были побиты, то положили оружіе; да и самый городъ попался бы въ руки Кратера, буде бы ночь не застигла. Какъ скоро битва за темнотою ночи была прекращена; то Императорскіе воины бывъ утруждены, захотѣли отдохнуть, и насладиться плодами побѣды. Въ ночную пору они предались всякимъ распутнымъ дѣламъ, какъ то, пьянству

и любострастному сообщенію съ женщинами въ томъ увѣреніи, что уже нечего больше опасаться, и что на разсвѣтѣ дня все подчинено будетъ ихъ власти; но Сарацины увѣдомясь о томъ, и въ самыя минуты ихъ разпутства учиня нападеніе, произвели столь ужасное кровопролитіе между ими, что Красперъ самъ едва успѣлъ сѣсть на купеческое судно, и убраться въ открытое море; но отправленные отъ Сарацинскаго начальника суда въ погоню, нашли его на островѣ Косѣ, гдѣ варвары распявши его на крестѣ, умертвили.

При Ѳеофилѣ, преемникѣ Михаила тѣ же самые варвары дѣлали немалую тревогу, безпрестанно во время его царствованія опустошая Циклады, и всѣ приморскіе города Ѳракіи. Правда, они учиня высадку на матерую землю для раззоренія оной, претерпѣли нѣкоторый уронъ; но Константинъ *Контомиѳъ*, префектъ одной области, отрѣзавъ ихъ, окружилъ, разбилъ, и побралъ оставшіеся на приморьѣ ихъ суда; послѣ того они и другой флотъ еще потеряли у острова Ѳасса; однакожь въ царствованіе Михаила, сына Ѳеофилова, опять выступя моремъ въ числѣ 20 вооруженныхъ шлюпокъ (*), семи галеръ и нѣсколькихъ перевозныхъ судовъ, производили снова великія опустошенія въ Цикладахъ, и по всѣмъ приморскимъ берегамъ до самаго Проконнезскаго острова. 829 по Р. Х.

При семъ самомъ Императорѣ Карѳагенскіе Сарацины поѣхали на 36 судахъ къ Далматскимъ берегамъ, дабы тамъ основать пребываніе свое. По завладѣніи многихъ городовъ, осадили Рагузу; жители сильнымъ образомъ, сопротивлялись; но наконецъ за своимъ малочисліемъ принуждены были просить помощи у Императора Михаила. Послы ихъ на пути своемъ увѣдомясь о его кончинѣ,

(*) *chaloupes*.

отнеслись ко встрѣченному ими на дорогѣ преемнику его, Василію; сей новый Государь нимало не отказавъ имъ въ прозьбѣ, послалъ къ нимъ состоящій изо ста кораблей флотъ подъ предводительствомъ великаго морскихъ силъ повелителя, (*) то есть, Адмирала, именемъ Никиты. Сарацины увѣдомясь о приближеніи сего морскаго ополченія, сняли осаду, и поѣхали на житье въ Ломбардію. Другое также скопище вышедшихъ изъ Карѳагена Сарацинъ поѣхало на 30 большихъ судахъ къ берегамъ Эврипа съ тѣмъ, чтобъ завладѣть тамъ крѣпкимъ приморскимъ городомъ. Нападеніе хотя произведено было ими съ яростію; но жители сами весьма хорошо обороняясь, да и получа отъ Василія вспоможеніе, сожгли часть непріятельскаго флота посредствомъ Греческаго огня, коего успѣхъ усугубленъ былъ еще къ стати тогда поднявшимся вѣтромъ; учиня же на варваровъ вылазку, обратили ихъ въ бѣгство, и прогнали до самаго берега, гдѣ они къ щастію своему нашедъ остальныя суда по крайней мѣрѣ успѣли убраться.

Въ то же самое время Критскіе Сарацины подъ начальствомъ *Саета*, сына Апохапсова, выведши 27 большихъ и другихъ многихъ судовъ, какъ то галеръ и бригантинъ, производили страшное раззореніе по всему Эгейскому морю, не рѣдко доходя до самаго Проконнеза въ Геллеспонтѣ. Отряженный отъ Императора противъ нихъ Никита сдѣлавъ нападеніе на нихъ, сразился мужественно, и 20 непріятельскихъ судовъ сожегъ помощію Греческаго огня; остальные изъ нихъ убѣжали. Сарацины хотя и уничиженные таковымъ пораженіемъ, но еще не почитавщіе себя побѣжденными, вывели въ море новый флотъ, и раззоряли уже самыя отдаленныя отъ Константинополя мѣста, какъ то Пелопонисъ и дальнѣйшіе острова.

(*) *grand Drungaire.*

Никита отправясь при попутномъ вѣтрѣ съ Императорскимъ флотомъ, вступилъ въ Кенхрейскую гавань, что въ Пелопонисѣ; а узнавъ, что непріятельскій флотъ разсыпался въ Меѳонѣ, и по всѣмъ западнымъ берегамъ, хотѣлъ напасть на нихъ въ расплохъ; но какъ объѣздъ для сего былъ дологъ: то опасаяся, чтобъ Сарацины не узнали о его приближеніи, приказалъ ночною порою перенести на рукахъ и машинахъ всѣ свои суда черезъ Коринѳскій перешеекъ; не ожидавшіе сего непріятели будучи приведены въ изумленіе отъ такого внезапнаго появленія, и притомъ вспомня о недавно бывшей своей напасти, не смѣли вновь сразиться; и такимъ образомъ всѣ почти суда были забраны въ полонъ, либо преданы огню, либо потоплены; малое число спасшихся убралось на островъ, который тотчасъ и былъ обступленъ; а какъ въ числѣ сихъ послѣднихъ находилось множество вѣроотступниковъ (ренегатовъ): то по ложному законорѣвнованію и было повелѣно предать ихъ на жесточайшія мученія.

Сарацины хотя и обезсилены были таковыми пораженіями: но чрезъ то не сдѣлались умнѣе въ своихъ предпріятіяхъ; кажется, никогда не могли они отстать отъ своего навыка къ раззореніямъ и грабежамъ. Африканскіе Сарацины опять выступили на Средиземное море съ 60 большими судами, простирая вездѣ ужасныя опустошенія даже до самыхъ островововъ Занта и Кефалоніи. Императоръ желая очистить моря отъ сихъ варваровъ, послалъ противъ нихъ знатный флотъ въ числѣ галеръ и легкихъ фрегатовъ, состоящій подъ начальствомъ Назарія; сей ратоводецъ при благополучномъ вѣтрѣ прибывъ въ Меѳонъ, за нужное почелъ тамъ остановиться, и поправить флотъ, который за побѣгомъ многихъ гребцовъ чрезвычайно оскудѣлъ въ людяхъ; Сарацины видя флотъ

Императорскій въ бездѣйственности, и вмѣня ему сіе въ трусость, начали съ презрѣніемъ даже въ глазахъ его дѣлать высадки на острова и ближнія мѣстечки. Назарій умѣлъ воспользоваться неосмотрительностію Сарацинъ, каковой они подверглись по единой увѣренности въ замѣшательствѣ, котораго со всѣмъ и неизвѣстно было, онъ напалъ на нихъ въ ночное время, когда наименѣе того ожидали, и не давъ имъ времени ни осмотрѣться, ни собраться, сожегъ, либо потопилъ цѣлой ихъ флотъ со всѣми людьми, послѣ сего тотчасъ извѣстя Императора о сей побѣдѣ, требовалъ у него повелѣній. Василій намѣреваясь воспользоваться таковымъ выигрышемъ, приказалъ побѣдоносному флоту своему отправиться въ Сицилію съ тѣмъ, чтобы Варварамъ отмстить за раззоренія, учиненныя ими на Имперской землѣ; на пути своемъ онъ опустошалъ всѣ подвластныя варварамъ мѣста, получая знатную добычу, и захватывая множество ихъ шлюпокъ и грузовыхъ судовъ. Назарій при всегдашнемъ чаяніи побѣды, которая кажется не преставала сопутствовать ему, поѣхалъ въ Калабрію и Ломбардію, дабы еще опустошить занимаемыя Сарацинами мѣста; подчинивъ снова Императорской державѣ всѣ сіи похищенные города, онъ опять разбилъ встрѣченный имъ близь острова *Стелы* Африканскій флотъ, и потомъ возвратился съ торжествомъ въ Константинополь, ведя съ собою побѣдоносное и драгоцѣннѣйшимъ богатствомъ Сарацинъ обремененное морское ополченіе.

Основавшіеся въ полуденныхъ странахъ варвары, одной станицы съ прочими, не вѣдая ничего о произходившемъ на западѣ, а думая, что Императоръ ослабѣвалъ въ празднолюбной своей нѣгѣ, вознамѣрились на щастіе учинить и сами гдѣ нибудь вторженіе въ Имперію; они

вывели флотъ, составленный изъ Египетскихъ и Сирійскихъ судовъ; Императоръ извѣстясь о ихъ замышленіяхъ, изготовилъ многочисленнный и исправно вооруженный флотъ. Варвары прежде своего похода сочли за нужное напередъ узнать о состояніи Имперіи, а потомъ уже чинить нападеніе; и для того послали въ Константинополь лазутчика, который имъ и сообщилъ вѣрное свѣденіе о примѣченныхъ имъ тамо приготовленіяхъ, и о томъ равнодушіи, съ каковымъ ихъ ожидали къ себѣ. Такое донесеніе обезоружа Сарацинъ, удержало ихъ отъ предпріятія; а въ то самое время Карѳагенскіе Сарацины желая опять поправить претерпѣнной ими въ Сициліи уронъ, да и зная, что тамъ ни одного не было Императорскаго судна, послали туда свои суда для осады Сиракузъ. При первомъ извѣстіи Василій отправилъ изъ Константинополя подъ предводительствомъ Адріана флотъ заготовленный уже къ ихъ принятію; сей Полководецъ за противными вѣтрами принужденъ былъ стать на якорь въ Пелопонизской гавани; а какъ ему не хотѣлось ѣхать греблею; то не малое время ожидалъ попутнаго вѣтра. При таковомъ его замѣдленіи Сарацины успѣли завлѣдѣть, опустошить, и совсѣмъ испровергнуть Сиракузы. Адріанъ увѣдомясь о семъ, пришелъ въ такую робость, что за нужное почелъ воспользоваться прежнимъ вѣтромъ, и убраться назадъ въ Константинополь, гдѣ слабость и малодушіе его были посрамлены, и наказаны. Спустя нѣсколько времени послѣ того Императоръ Василій скончался, царствовавъ съ 886 по
честію, и содержавъ мореходство въ цвѣтущемъ со- Рожд. Хр.
стояніи. Къ нему примѣнены были слѣдующія *Омировы* слова: Utrumque, Rex bonus, et fortis Bellator; то есть: *и добрый Государь и мужественный воинъ.*

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

О МОРЕХОДСТВѢ

Восточныхъ Императоровъ.

Основанная *Юлїемъ* Цезаремъ Римская Имперія, по кончинѣ Константина великаго, досталась по раздѣлу тремъ его сыновьямъ; потомъ раздѣлена была на другія двѣ Имперіи, восточную и западную; въ первой столицею былъ Константинополь, а во второй Римъ. Первая стояла до Магомета II, покорившаго оную; а другая по долговременномъ и бѣдственномъ преклоненіи, погибла на конецъ какъ отъ слабости собственныхъ Государей, такъ и отъ частыхъ нашествій варваровъ. Въ 800 году по Р. Хр. она снова возникла въ лицѣ Карла великаго, провозглашеннаго Римскимъ Императоромъ, и въ самый день Рождества Христова коронованнаго Папою Львомъ III. Поелику сіе раздѣленіе двухъ Имперій есть самое извѣстное и самое примѣчательное: то я начну съ Эпохи восточной Имперіи. Правда, она уже началась при Константинѣ: однако всегда сохраняла имя Римской Имперіи, и по видимому не прежде потеряла оное, какъ народъ во время провозглашенія Карла великаго Императоромъ восклицалъ въ Римѣ: *да здравствуетъ Карлъ Августъ, вѣнчанный десницею божїею; да будетъ благоденствїе и побѣда на враги великому и миротворному Римскому Императору!*

По сему предначертанію я бы могъ вести Исторію

восточныхъ Императоровъ, начиная съ Ирины, царствовавшей въ то время, какъ въ Римѣ происходилъ помянутый обрядъ; однако лучше начну со временъ Льва Философа для того, дабы не прервать связи сего повѣствованія.

Въ то время, какъ Левъ Философъ заступя престолъ отца своего Василія, претерпѣлъ нападеніе отъ Болгаръ, Сарацины пользуясь таковымъ замѣшательствомъ новаго Императора, отрядили флотъ подъ начальствомъ Льва Трипольца (Tripolite), вѣроотступника, которой и подступилъ къ Константинополю сътѣмъ, чтобъ осадить оный. Левъ узнавши о такихъ умыслахъ и приготовленіяхъ Трипольца, вывелъ противъ него свои морскія силы подъ предводительствомъ Евстафія. Сей полководецъ по слабодушію своему ни къ чему не смѣя приступить, возвратился назадъ подъ видомъ, яко бы не имѣлъ довольно силы для отраженія непріятеля. Императоръ осердясь на сего полководца за такое его малодушіе, препоручилъ тотъ же самый флотъ начальству главнаго своего секретаря (докладчика), именемъ Эмерія; сей немѣдленно вступя въ Геллеспонтъ, и проѣхавъ Эгейское море, Лампсакію, Имбросъ и Самоѳракію, наконецъ встрѣтился съ Трипольцомъ; но бывъ объятъ такою же трусостію, какъ и его предмѣстникъ, не отважился наступить на него; а какъ и самъ Триполецъ къ его щастію также оробѣлъ; то онъ и удалился въ Ѳессалонику, славный Македонскій городъ, лежащій при Ѳермайскомъ заливѣ, простирающемся отъ него къ южной сторонѣ, который нынѣ называется Салоникъ или Салоничи, (*). Въ сей заливъ по великой обширности его не смотря на то, что входъ къ нему изгибистъ,

(*) У Россіянъ и другихъ Славянъ называется *Солунь*, или *Селунь*.

вступаютъ разной величины суда; а гавань находится въ самой внутренности (на краю); Іоаннъ Каминіатъ, который находился въ томъ городѣ при самой осадѣ онаго, чинимой Трипольцомъ, описываетъ оную слѣдующимъ образомъ: тамъ, говоритъ онъ, есть гавань простирающаяся съ самую внутренность взморья; приставать къ ней удобно; корабли стоятъ во всякой безопасности; гавань закрыта, и отъ моря отдѣлена такою стѣною, которая отражая воды, препятствуетъ насильному ихъ вторженію, и притомъ разрушаетъ самую стремительность вѣтровъ; море въ котловинѣ (*) своей всегда спокойно, потому что сильнѣйшее превolненіе ударяясь объ стѣну, укрощается тѣмъ же самымъ ударомъ, и оттолѣ обратясь принуждено бываетъ стремиться къ другому берегу. Пристань, имѣющая сообщеніе съ моремъ посредствомъ прохода, или (**), длиннаго канала составляетъ нѣкоторымъ образомъ вторую гавань.

Триполецъ опасаясь, дабы войско его не оставалось безъ дѣйствія, и дабы по тщетномъ предпріятіи не возвратиться съ посрамленіемъ назадъ, направилъ путь для осады Солуня, (Өессалоники). Сей вѣроотступникъ сдѣлавшись морскимъ разбойникомъ былъ жестокъ, лютъ, звѣронравенъ, и ни къ какимъ чувствованіямъ человѣколюбія не способенъ, наипаче же ненавидѣлъ Христіанъ; онъ нѣсколько времени стоя передъ Солунью, занимался развѣдываніемъ онаго; а примѣтя, что жители приведены уже были въ страхъ, началъ передъ ихъ глазами выказывать флотъ свой, состоящій изъ 54 большихъ судовъ, которые будучи снабжены башнями и военными машинами представлялись нѣкоторыми плавучими крѣпостями; а къ тому великому ужасу ополченія присовокупя еще

(*) *le bassin.*

(**) *gorge.*

присовокупя еще страшный бой барабановъ (бубнъ) съ крикомъ и воплемъ вдругъ приказалъ своимъ учинить нападеніе. Варвары находящіеся на сихъ корабляхъ, по большой части Сиріане, Ееіопляне (Мурины) и Египтяне приобыкшіе къ морскимъ дѣламъ, всѣ бросились нагіе въ воду въ однихъ только шеломахъ на головѣ, неся съ собою лѣстницы для приставки къ стѣнамъ; жители защищались весьма храбро, обрушивая на непріятелей градъ стрѣлъ и камней, и побивая онымъ великое ихъ множество; однако всѣ сіи усилія были безплодны; надобно было наконецъ имъ непремѣнно здаться.

Триполецъ торжественно вошедши въ городъ, позволилъ своимъ солдатамъ всякой грабежъ; но какъ столь знатное количество полученныхъ тамо добычь не могло все помѣститься на его судахъ; то онъ и велѣлъ нагрузить ими всѣ находящіеся въ тамошней гавани; также приказалъ стащить обмѣлѣвшіе въ пристани суда, и употребить ихъ къ перевозу добытаго ими безмѣрнаго богатства. Какъ же скоро прекращенъ былъ грабежь; то велѣвъ зажечь городъ, самъ въ одинъ день при захожденіи солнечномъ поднялся въ обратный путь при звукѣ орудій и радостныхъ крикахъ. Триполецъ на обратномъ пути своемъ не хотѣлъ держаться прямой дороги, дабы не встрѣтиться съ Императорскимъ флотомъ: но разъѣзжая на удачу, сперва заѣхалъ на островъ Негрепонтъ, въ Патмосъ, въ Наксосъ платящій дань Критянамъ, потомъ поѣхалъ въ Кандію. Жители почитая сей флотъ за непріятельской, пришли въ страхъ; но когда увѣрились, что это флотъ Триполъца; то сей выступя на берегъ, раздѣлилъ тамъ добычу. Какъ скоро пришло время къ отъѣзду за наступленіемъ зимы: то Триполецъ приказавъ своимъ войскамъ сѣсть на суда, отправился въ путь;

но на открытомъ морѣ захваченъ былъ такою бурею, что суда его начали было уже другъ съ другомъ толкаться; однако по пяти-дневномъ плаваніи флотъ его напослѣдокъ присталъ къ острову Кипру, гдѣ онъ отдохнувши цѣлые сутки, наконецъ прибылъ въ Триполь.

Эмерій по отъѣздѣ Трипольца, слѣдовалъ по видимому за нимъ; но какъ таковое кажущееся мужество не что иное было, какъ прикрытая личиною слабость духа: то онъ и понесъ съ собою все свое посрамленіе и замѣшательство на островъ Лемносъ; однакожъ спустя нѣсколько времени одержалъ великую побѣду надъ морскимъ ополченіемъ Сарацинъ; но за сею побѣдою вскорѣ послѣдовало совершенное его пораженіе.

Константинъ Порфирородный, такъ названный потому, что родился въ особенныхъ Константинопольскаго дворца чертогахъ, обложенныхъ снутри порфиромъ, гдѣ Императрицы обыкновенно разрѣшались отъ бремени, Константинъ, говорю, имѣвъ весьма обширное свѣдѣніе въ мореходствѣ, равно какъ и въ караблестроеніи, производилъ войну въ Италіи моремъ и сухимъ путемъ; съ начала покорилъ Ломбардовъ, Калабрійцовъ и Неаполитанцовъ, кои по отдаленности столичнаго Императорскаго города готовились уже къ возмущенію.

Константинъ равнымъ образомъ былъ щастливъ въ Сициліи и Африкѣ; ибо какъ скоро со флотомъ своимъ встрѣтился съ варварскимъ; то разбивъ оной, потопилъ весь почти въ морѣ. Молва сей побѣды принудила Государство Египетское вступить съ нимъ въ союзъ.

Константинъ не могши одинъ подъять царственнаго бремени, принялъ къ себѣ въ участники военачальника силъ морскихъ, знаменитаго по своимъ заслугамъ, Лекапена.

Лишь только сей новый Императоръ вступилъ на

престолъ; то и подвергся нападеніямъ многихъ угрожающихъ ему непріятелей. Левъ Триполецъ снова прилетѣлъ со многочисленнымъ флотомъ; однакожъ Патриціемъ Іоанномъ Радиномъ былъ совершенно разбитъ подлѣ острова Лемноса. Другій не менѣе страшный непріятель, Симонъ (Симеонъ), Король Булгарскій, вторично появился у стѣнъ Константинопольскихъ; на проѣздѣ своемъ опустошивъ все, и произведши ужасъ въ самой столицѣ Имперіи, онъ требовалъ переговора съ Романомъ, что и было ему позволено. Императоръ бывъ на своей галерѣ въ сопровожденіи великолѣпнаго морскаго ополченія присталъ къ берегу, гдѣ надлежало имѣть переговоръ. Находясь въ такомъ дальнемъ разстояніи, что нечего было ему опасаться, и въ такомъ опять близкомъ, что можно было разслушать слова его, онъ произнесъ къ Королю Болгарскому слѣдующія слова: *Я узналъ, что ты вѣришь бытію Бога,* 928 года
и божеству Іисуса Христа; *однако дѣла твои прерѣкаютъ* по Р. Х.
твоему вѣрованію. Ежели ты дѣйствительно Христіанинъ; а по мнѣнію Барон.
то щади паче кровь проливаемую тобою съ толикимъ без- и Паджи 923 года.
человѣчіемъ! Ты подобно намъ исповѣдуешь Спасителя міра; да соединитъ насъ его любовь; помысли, что Христіанамъ постыдно проливать кровь братій своихъ! ты Государь; но помни также, что ты смертенъ; что со всѣмъ стяжаніемъ твоимъ превратишься въ прахъ; и что въ будущемъ вѣкѣ ничего тебѣ не остается ожидать, кромѣ приговора на себя. Естли ты начинаешь съ нами войну для того единственно, дабы обогатиться корыстями; то прими миръ! Я насыщу твое сребролюбіе, и дамъ сокровища, коими не проливая крови, будешь обладать. (*)

(*) *Г. Ранъ* въ своей Исторіи разныхъ Славянскихъ народовъ приводитъ изъ II тома Кедриновой лѣтописи сей же самый разговоръ, называя Императора *Симеономъ*, а не *Симономъ*, такимъ образомъ:

Симеонъ подвигнутъ будучи сею рѣчію, положилъ оружіе, и получа богатые дары отъ Императора, возвратился во свояси.

Въ царствованіе Романа Лекапена Москвитяне (Россіяне) вознамѣрясь овладѣть Царемъ-градомъ, отправили Чернымъ моремъ флотъ, изъ 10000 легкихъ барокъ состо-
941 года ящій. (*) Императоръ для разсѣянія сего скопища варва-
по Р. Хр. ровъ послалъ Патриція Ѳеофана со всѣми галерами и фрегатами, бывшими тогда въ Цареградскомъ портѣ; Ѳеофанъ нажидая ихъ при устьѣ Чернаго моря, и усмотря время, немѣдленно на нихъ напалъ, и своимъ судномъ привелъ ихъ въ такой безпорядокъ, что великое множество

Слышахъ человѣка тя Христіанина и благочестна быти, но дѣла твоя слуху не соотвѣтствуютъ. Аще убо истинно Христіанинъ еси; сотвори же конецъ сѣчи и изліянія невинной крови, и миръ со Христіаны, Христіанинъ сый, содѣлай! не допусти же, да десницы Христіанъ, Христа единаго исповѣдующихъ, кровію оскверняются! и самъ человѣкъ еси, смерти, воскресенія, суда и воздаянія по дѣломъ чая; днесь живеши, а утрѣ въ прахъ обратишися. — Аще ненасытство богатства на сіе тя принуждаетъ, жажду ту съ довольствіемъ исполню; точію миръ обыми, и согласіе возлюби, яко да и самъ мирно поживеши, и Христіане престанутъ оружіе другъ на друга подымати. и проч —Примѣч. переводч.

(*) *Зонаръ* и *Мавроурбинъ* полагаютъ 15000 судовъ, а *Кедринъ* 10000; но и сіе число увеличено Греками по причинѣ страха. Сіи суда, употребляемыя тогда *Скиѳами, Болгарами, Русью,* и прочими жителями Сѣвера, также *козаками* на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, были не иные какіе, какъ однодеревыя (Моноксилы), по Латински *trabiaria,* или *scaphi.* Онѣ прежде назывались *Голицы,* а нынѣ *Дубы,* потому что вытесываемы и выдалбливаемы были изъ великихъ дубовыхъ деревъ; у *Сербовъ* онѣ называются *Ораницы.* Тотъ же *Кедринъ* и нашъ *Несторъ* пишутъ, что Руские прежде, нежели были побѣждены Греками, много нанесли имъ бѣдствія, раззоривъ *Виѳинскую* страну, прошедъ понтомъ до Иракліи и Пафлагонской земли, и плѣнивъ всю Никомидійскую землю, гдѣ тогда не случилось Греческихъ войскъ. *Руские* еще и прежде сего, т. е. въ 865, или въ 867 году по Р. Христ. а по словамъ *Кедрина* 848 года подъ начальствомъ *Оскольда*, и потомъ въ 907 и 941 году подъ начальствомъ *Олега*, а въ 944 подъ предводительствомъ *Игоря* ходили на сихъ судахъ подъ Царь-градъ. — *Прим. пер.*

малыхъ судовъ ихъ было сожжено, а прочіе обращены въ бѣгство, кромѣ тѣхъ, кои были со всѣмъ грузомъ поглощены волнами; при семъ случаѣ немалое число Рускихъ было взято въ полонъ, либо побито; остатки сего пораженнаго войска удалились въ Виѳинію; но какъ сухопутныя Императорскія силы принудили ихъ опять сѣсть на суда; то они и поѣхали оттолѣ во свояси, стараясь единственно избѣгать встрѣчи Ѳеофановой; однако не могли обмануть бдительности сего Полководца, ожидавшаго ихъ на проѣздѣ; онъ далъ имъ другое сраженіе, на которомъ снова были они поражены, такъ что множество судовъ и людей было истреблено, изъ коихъ очень малое число только спаслось при помощи ночи. Ѳеофанъ со славою возвратился въ Царь-градъ, и принятъ съ великими почестями, а побѣда ознаменована была памятниками въ честь его.

По кончинѣ Константина Порфиророднаго младшій сынъ его Романъ возшелъ на престолъ; сей новый Императоръ болѣзнуя о бѣдствіяхъ нанесенныхъ Государству его отъ Кандійскихъ Сарацинъ, предложилъ въ совѣтѣ своемъ, чтобы начать съ ними войну. Нѣкоторые противились сему намѣренію, увеличивая бѣдственныя слѣдствія онаго, и представляя, что подобныя сему распри почти уже испровергли Государство, и что съ начатіемъ вражды съ Кандійскими Сарацинами поднимутся также и другіе разсѣявшіеся по прочимъ областямъ непріятели; однако же голоса противной стороны взяли перевѣсъ, и Императоръ соотвѣтственно толь великому походу началъ дѣлать приготовленія къ войнѣ. Онъ вывелъ въ море болѣе 2000 судовъ, снабженныхъ Греческимъ огнемъ, и военными всякаго рода машинами; Никифоръ Фока назначенъ былъ предводителемъ сего страшнаго ополченія.

Сей искусный полководецъ умѣлъ такъ хорошо содержать въ тайнѣ свое предпріятіе, что безъ всякаго препятствія учинилъ высадку на островъ. Варвары приведены будучи въ изумленіе такимъ близкимъ появленіемъ сего страшнаго непріятеля, собрали на скорую руку воинскій корпусъ для сопротивленія его предпріятіямъ; однако были на голову побиты, и не въ состояніи будучи выдержать больше военныхъ дѣйствій, убрались въ свой городъ. Фока осадивъ оной, и вознамѣрясь отнять у нихъ всякую надежду къ помощи, велѣлъ судамъ своимъ стать на якорь въ портѣ и въ тамошнихъ водахъ, дабы чрезъ то воспрепятствовать приходу всѣхъ тѣхъ чужестранныхъ судовъ, которыя бы хотѣли доставить городу
961 года по Р. Хр. съѣстные припасы и войска, и такимъ образомъ взялъ оной, совершивъ знатное сіе завоеваніе въ восемь мѣсяцовъ, какъ увѣряетъ П. Паджи.

Побѣдоносный Фока поѣхалъ обратно въ Царь-градъ для принятія торжественныхъ почестей, при коихъ также разставлено было предъ глазами народа безмѣрное богатство, вывезенное изъ Кандіи; тутъ видно было множество золота и серебра, багряноцвѣтные ковры, парчевыя одежды, рѣдкія и драгоцѣнныя движимыя вещи съ преизящнымъ вкусомъ сдѣланныя, и ужасное количество дорогихъ каменьевъ, также богатыя и великолѣпныя оружія.

963 года по Р. Хр. Никифоръ Фока по возшествіи своемъ на Императорскій престолъ, не имѣлъ столь щастливыхъ успѣховъ въ Сициліи. Для отнятія сего острова у Сарацинъ, овладѣвшихъ онымъ, отправилъ онъ многочисленный флотъ съ отборными войсками. Патрицій Никита предводительствовалъ морскимъ, а Мануилъ сухопутнымъ ополченіемъ; всѣ суда при благополучномъ вѣтрѣ прибыли щастливо въ Сицилію, гдѣ Никита безъ всякаго препятствія

сошедши на берегъ, весьма легко овладѣлъ знатнѣйшими крѣпостями. Устрашенные толь быстрыми успѣхами Сарацины убѣжали на горы; а Греки, (съ сихъ поръ стану я называть подданныхъ восточнаго Императора симъ именемъ), будучи ослѣплены толь великимъ благопріятствомъ щастія, вмѣсто того, чтобъ стараться пресѣчь у непріятелей всѣ пути къ доставкѣ имъ съѣстныхъ припасовъ, держа ихъ въ осадѣ на горахъ, разсѣялись по равнинамъ острова. Сарацины усмотрѣвъ слабость непріятельскихъ карауловъ, и вышедъ тайными проходами и горными ущеліями, бросились на нихъ со всею опрометью, и произвели столь ужасное убійство, что военачальникъ Мануилъ былъ убитъ, а солдаты убѣгавшіе отъ варварскаго меча, были побраны въ полонъ, и обременены цѣпями; такимъ образомъ Сарацины побивъ на голову сухопутное войско, вдругъ устремились на берегъ ко флоту стоящему тамъ на якорѣ, и овладѣли великимъ числомъ судовъ, гдѣ полонивъ самаго флотоводца Никиту, отослали его въ Африку; прочіе же суда, успѣвшіе къ щастію убраться заранѣе, поѣхали въ Царь-градъ съ печальнымъ извѣстіемъ, произведшимъ всеобщее уныніе.

Не смотря на то, Никифоръ Фока поправился въ толь горестномъ нещастіи, одержавъ великія побѣды въ послѣдствіи времени; онъ поѣхавши съ знатнымъ флотомъ, отнялъ у Сарациновъ островъ Кипръ, разорилъ всѣ при- 968 года
морскіе города, бывшіе подъ ихъ властію въ Сиріи, по- по Р. Хр.
бралъ у нихъ болѣе ста крѣпостей, а по окончаніи толь успѣшныхъ походовъ возвратился въ Царь-градъ, обремененъ будучи богатыми добычами сихъ варваровъ, и завладѣвъ также помощію своихъ полководцевъ городомъ Антіохіею.

Греческая Имперія столь долгое время будучи раззоряема

внѣшними бранями, изнурялась также и отъ междоусобныхъ, особливо въ царствованіе двухъ братьевъ, Василія и Константина. Нѣкто Варда (Барда), проименованный Склеромъ, обращая свои умыслы на самый престолъ Императорскій, собралъ многочисленное сухопутное войско, и одержалъ надъ ними многія побѣды, а имѣвъ также у себя морскія силы, и учинясь властелиномъ моря, овладѣлъ даже самою Авидою, и приводя въ ужасъ купеческія суда, заперъ у нихъ всѣ пути къ Царюграду, чрезъ что пресѣкъ всякій провозъ съѣстныхъ припасовъ, перехватывая суда съ оными. Императоры бывъ утомлены такимъ непріятелемъ, велѣли вдругъ напасть на его флотъ съ зажигательными судами, которыя немѣдленно и превратили оной въ пепелъ; а въ то самое время и сухопутныя войска его были разбиты такъ, что онъ принужденъ былъ
976 года по Р. Хр. обратиться въ бѣгство.

Сіи Императоры должны были вновь сопротивляться возмутительнымъ дѣйствіямъ Фоки; сей мятежникъ появясь съ войскомъ, бывшимъ у него въ Азіи, овладѣлъ многими портами, и приморскими крѣпостями, а со флотомъ своимъ занявъ устья Геллеспонта, и препятствуя входу купеческихъ судовъ, изнурялъ голодомъ Царьградъ. Но Императоръ Василій вооружась противъ него моремъ и сухимъ путемъ, разбилъ, и взялъ самаго его въ полонъ. Сей Императоръ по разрушеніи Государства Болгарскаго, скончался въ то самое время, когда готовился со флотомъ итти въ Сицилію, и вступить съ Сарацинами въ войну. Братъ его Константинъ по чрезмѣрной своей роскоши не могши долгое время править одинъ Имперіею, вскорѣ послѣ того умеръ, оставя преемникомъ своимъ Патриція Романа, прозваннаго Аргиромъ. Сей послѣдній весьма худо царствуя пять лѣтъ съ половиною, потерялъ почти всю

Сирію, а на морѣ воевалъ съ одними только Африканскими Сарацинами. Сіи варвары вооружа тысячу исправныхъ судовъ, опустошали Архипелажскія острова, и приморскіе берега; однако Романъ отправя за ними погоню, взялъ изъ нихъ пять сотъ человѣкъ въ полонъ.

Судьба Императора Романа была столь бѣдственна, что жена его желая свободнѣе предаться любовнымъ дѣламъ своимъ, отравила его ядомъ. Сія Государыня смертельно будучи влюблена въ одного молодаго Пафлагонянина, извѣстнаго болѣе по красотѣ, нежели по породѣ, возвела его на престолъ супруга, пожертвованнаго ею беззаконной страсти. 1033 года по Р. Х.

Сей Государь, извѣстный подъ именемъ Михаила Пафлагонянина, не долго царствовалъ, имѣвъ нѣкоторые несогласія съ Сарацинами; одни изъ нихъ Африканскіе, а другіе Киликійскіе производя набѣги на острова и приморскіе берега, дѣлали великія раззоренія; тогда Императорскій флотъ учинивъ на нихъ нападеніе моремъ, потопилъ многія ихъ суда, и взялъ не малое число военноплѣнныхъ. Сарацины, обладавшіе Сициліей, дали случай Михаилу ополчиться сильнымъ образомъ на морѣ, потому что царствовавшіе на семъ островѣ два брата въ то время имѣли между собою вражду; и когда слабѣйшій изъ нихъ потребовалъ въ семъ случаѣ помощи отъ Императора; то сей тотчасъ отправилъ къ нему Патріарха Георгія Маніака съ кораблями и войсками. Сарацинскій Государь опасаясь, чтобы спомогательныя войска не учинились непріятельскими, примирился съ своимъ братомъ; тогда оба они соединясь вмѣстѣ положили, чтобы Маніака не впускать въ свои области; но какъ не находили у себя достаточныхъ силъ къ отраженію его; то и призвали къ себѣ на помощь Африканскихъ Сарацинъ;

1083 года по Р. Хр. но при всемъ томъ они совершенно были разбиты; а какъ сія побѣда открыла Патрицію дорогу къ завоеванію острова; то онъ вскорѣ и взялъ тамо тринадцать городовъ, а за тѣмъ мало помалу производя новые успѣхи, велъ себя такъ благоразумно и осторожно, что наконецъ предуспѣлъ покорить и весь островъ.

Африканскіе Сарацины желая возстановить славу, и исправить уронъ свой, появились опять въ Сициліи съ знатнѣйшими силами. Маніакъ приготовяся ихъ принять исправнымъ образомъ, поставилъ войско свое въ боевой порядокъ, и напалъ на нихъ съ такимъ мужествомъ и живостію, что всѣхъ ихъ побилъ на голову; предводитель ихъ спасшись отъ меча побѣдителева, успѣлъ уйти на одной шлюпкѣ въ Африку. Маніакъ препоручивъ флотъ свой попеченію нѣкотораго Императорскаго родственника, по имени Стефана, подтвердилъ между тѣмъ ему накрѣпко, чтобы ни одного человѣка на побѣгѣ съ острова не щадить, и чтобъ ни кто не смѣлъ пускаться въ море. Но когда узналъ, что Полководецъ Сарацинскій вырвался изъ подъ его рукъ; тогда пришелъ въ толь чремѣрный гнѣвъ, что Стефанъ боясь справедливаго наказанія за свой проступокъ, не укоснилъ помрачить имя Маніака для сохраненія собственнаго своего; онъ донесъ Императору, яко бы вѣрность сего военачальника была нарушена, и что онъ уже намѣренъ былъ измѣнить ему. Обыкновенно Государи легко удостовѣряются въ томъ, чего сами опасаются; и потому Михаилъ немѣдленно повѣря сему доносу, наслалъ повелѣніе, Маніака связавъ за руки и ноги, привести подъ карауломъ въ Константинополь, а начальство надъ кораблями и войскомъ отдать Стефану. Императоръ вскорѣ послѣ того раскаялся въ толь чрезмѣрномъ своемъ легковѣріи; Сарацины узнавъ о низкодушіи

Стефана, равно и о его неспособности къ дѣлу военному, паки отняли у него все, что ни потеряли при Маніакѣ, исключая Сиракузъ, которые обороняемы были преискуснымъ градоблюстителемъ.

Въ сіе время восточная Имперія потеряла почти все свое прежнее сіяніе; Константинъ Мономахъ царствовавъ двѣнадцать лѣтъ, ничего не учинилъ достойнаго своего сана. Безпечность и лѣность его часъ отъ часу приводила въ негодованіе сердца подданныхъ, такъ что они уже подняли противъ него бунтъ, а внѣшніе непріятели пользуясь таковыми обстоятельствами, старались овладѣть знатною частію Государства его. Нѣсколько времени онъ спокойно наслаждался миромъ, заключеннымъ отъ его предмѣстниковъ съ Россіанами; но одна бездѣлка разрушила оной. Нѣкоторые торговавшіе въ Царѣ-градѣ Россіяне (*) завели ссору съ тамошними жителями; дѣло сперва началось съ ругательствъ, а кончилось дракой, въ которой одинъ знатной породы Россіянинъ былъ убитъ. Рускій Государь либо желая отмстить честь поруганнаго народа своего, либо начать войну въ надеждѣ какого либо знатнаго пріобрѣтенія, вывелъ въ Черное море ужасное число небольшихъ судовъ, съ которыми сверхъ чаянія прошедъ даже въ Цареградскій (**) каналъ, учинилъ нападеніе на неожидавшихъ того Грековъ (***). Императоръ удивляясь толь внезапному и непредвидѣнному разрыву, послалъ къ нему съ прозьбою о прекращеніи таковой вражды, обѣщая притомъ всякое удовлетвореніе, какое токмо будетъ угодно ему. Но Русскій Государь принявъ пословъ съ надмѣнностію, отвергнулъ ихъ предложенія.

(*) *Кедринъ* называетъ ихъ Тавро-Скиѳами.

(**) Пропонтидъ.

(***) по *Ист.* Татищ. въ 1043 году, а по *Ист.* *Рапіа* въ 1042 сіе случилось.

Императоръ видя себя принужденнымъ защищаться, пришелъ въ крайнее замѣшательство, потому что корабли его на тотъ разъ были разосланы для обороны отдаленныхъ областей: однако приказалъ какъ можно скорѣе собрать изъ ближнихъ рейдъ галеры съ другими грузовыми судами, и снабдивъ ихъ огненными насосами, отправилъ противъ Россіянъ. А какъ сраженію надлежало происходить въ виду самаго Царя-града; то Императоръ желая быть самъ зрителемъ онаго, расположился въ одномъ портовомъ мѣстѣ, отколѣ могъ видѣть все дѣйствіе. Тогда приказалъ онъ Ѳеодорокану съ тремя галерами двинуться въ передъ, и заманить Рускихъ къ битвѣ; но сей Полководецъ вмѣсто сшибки началъ дѣйствительное сраженіе, и посредствомъ летучихъ огней своихъ пожегши многія непріятельскія суда, а другія потопивъ, самъ взошелъ съ мечемъ въ рукѣ на одно изъ оныхъ, и поражая всѣхъ отважившихся противиться мужеству его, овладѣлъ онымъ; а дабы не былъ онъ наконецъ подавленъ многочисленностію; то Императоръ для подкрѣпленія его послалъ и остальные свои суда; Рускіе со всѣхъ сторонъ бывъ охвачены, бросилися въ бѣгъ, но воставшій тогда восточный вѣтръ, и ударившій на нихъ еще сильнѣе самыхъ Грековъ, многіе ихъ суда потопилъ, а другіе разбилъ о подводныя скалы; тѣ, кои находились на судахъ, были поглощены волнами, а тѣ, кои старались добраться до береговъ, были побиты.

Сія щастливая битва произведена была съ немалымъ благоразуміемъ; но послѣдствіе оной не соотвѣтствовало первымъ успѣхамъ. Двадцать четыре Греческихъ галеръ погнавшись съ немалою отвагою, но не съ довольною осторожностію за утекшими непріятелями, зашли слишкомъ далеко въ открытое море, надѣясь еще встрѣтиться

съ ихъ судами; но сіи забѣжавъ въ одно пристанище, укрывались тамо. Руские усмотрѣвъ Грековъ, и въ надеждѣ на ихъ малочисліе подкравшись греблею въ доль двухъ мысовъ, вдругъ напали на своихъ непріятелей, которые вмѣсто искомыхъ ими бѣглецовъ нашедъ въ нихъ воителей, сами въ очередь обращены были въ бѣгство. Руские не разсудя ихъ преслѣдовать, остались при устьѣ того залива, откуда вышли. Патрицій Константинъ вѣдая, сколь постыдно побѣдителямъ бѣжать отъ побѣжденныхъ, обратили свою галеру съ другими десятью противу Русскихъ; но сіи приняли его съ толь великою храбростію, что Патрицій съ перваго разу былъ убитъ, а галера его съ четырью другими взята въ плѣнъ; всѣ находившіеся на оныхъ были перерублены; прочія галеры потоплены, либо разбиты у береговъ. Удовольствіе произведенное сею побѣдою въ варварахъ было нѣкоторымъ образомъ уничижено потерею претерпѣнною ими вскорѣ послѣ того времени; ибо какъ они лишились великаго числа своихъ судовъ; то большая часть ихъ людей принуждена была сойти на берегъ, и возвращаться сухимъ путемъ домой. Во время приближенія ихъ къ Дунаю тамошній намѣстникъ (*) Императора нападши на нихъ учинилъ великое между ими кровопролитіе, и взявъ 800 человѣкъ въ полонъ, отослалъ ихъ въ Царь-градъ. (**)

Императрица Ѳеодора, преемствовавшая по Мономахѣ, царствовала только одинъ годъ и девять мѣсяцовъ. Михаилъ же Стратіотикъ возшедши по ней на престолъ, былъ вскорѣ ссаженъ съ онаго; ибо не могши достойно 1056 года по Р. Х

(*) Онъ называется *Катакалонъ Веста* по словамъ *Кедрина* и *Зонара*.

(**) Согласно сему пишетъ Г *Ранъ* въ Исторіи о Славянахъ, основываясь на Греческихъ историкахъ; но въ Исторіи *Татищева* обстоятельства сіи лучше объяснены. *Примѣч. переводч.*

занимать престола, принужден был оставить его при истечении перваго года. Исаак Комнин согнав его с онаго, наслаждался похищенными почестями только чрез два года и три месяца. Он почувствовал в себе столь великия угрызения совести, что багряницу переменил на монашескую рясу, назначив однако заблаговременно преемником своим Константина Дукаса, который царствовал только семь или восемь лет, во время коих ни одного не было достопамятнаго произшествия. Царствование сего Государя было подлинно царствованием покоя, кротости и умеренности. По его кончине супруга его Евдокия вручила свое сердце, руку и скипетр Роману Диогену, сыну великаго ризоблюстителя (*); сей Государь хотя сперва и имел некоторые выигрыши на войне с Турками, но наконец и сам будучи побежден, взят в полон; победитель его Султан обошедшись с ним с великою почтительностию и людкостию, сказал однажды ему: *ежели бы ты взял меня в плен: то каким бы образом поступил со мною? — Я бы тебя изувечил до смерти*, отвечал Император; — *А я не так безчеловечен, как ты*, возразил Султан; *я хочу даровать тебе мир, заповеданный тебе Богом, покланяемым тобою*. Преемником сего Романа был Михаил Дукас, Государь столь же слабодушный, сколь и жестокосердый. Турки возпользовавшись худыми поступками толико недостойнаго короны Императора, безпрепятственно завладели областями, лежащими по берегам Чернаго моря. Междоусобная брань доводила уже до крайней степени те неустройства, которыя внешнею войною с начала произведены, так что в то время ясно видели

(*) — Grand-maitre de la garde-robe; — Обергардероб-мейстер; главный царский ризничий; хранитель царских одежд.

преклонность восточной Имперіи къ своему разрушенію. Никифоръ Вотоніатъ, бывшій преемникомъ по Михаилѣ, не имѣлъ тѣхъ качествъ, каковыя необходимы были для поддержанія Царскаго бремени; слабость духа учинила его столь презрѣннымъ у всѣхъ, что Алексій Комнинъ чрезъ свое мужество и благоповеденіе почтенъ достойнѣйшимъ заступить мѣсто его; Никифоръ во избѣжаніе опредѣленной ему казни, состоявшей въ избоденіи очей, согласился принять иноческій чинъ.

Алексій Комнинъ представлялъ великое лице на престолѣ восточной Имперіи, вступя на него въ первый день Апрѣля; супруга его Ирина вмѣстѣ съ нимъ вѣнчалася на царство. 1081 года по Р. Хр.

Алексій увидѣлъ, что Имперія худымъ поведеніемъ предмѣстниковъ его приведена была въ великое изнеможеніе; войско не знало надлежащаго ратовѣденія (*); Государственная казна истощена, а междоусобія всюду подавали случай къ крайнему безпорядку. Между тѣмъ Императоръ вдругъ усмотрѣлъ предъ собою двухъ страшныхъ непріятелей, Турковъ и Нормандцовъ; одни со стороны восточной опустошали все, а другіе между тѣмъ со стороны западной тревожили его. Турки съ нѣкоторыми небольшими судами нападши на островъ Хіо, завладѣли онымъ, и построивъ тамо флотъ, завоевали Лезвію, Самосъ, Родосъ и многіе другіе острова. Алексій для удержанія столь быстрыхъ ихъ завоеваній послалъ противъ нихъ флотъ, и былъ столько щастливъ, что назадъ отобралъ у нихъ всѣ сіи острова. Однако Турки не преставая дѣлать разоренія по морю, даже въ самомъ Восфорѣ, причиняли Императору великую тревогу. Сей Государь видя, что онъ не въ состояніи, какъ надлежитъ, отразить

(*) *Discipline.*

ихъ открытою силою, вступилъ въ переговоры, и заключилъ съ Солиманомъ мирный договоръ.

Но не такъ хорошо происходило дѣло у него съ Нормандцами; предводитель ихъ Робертъ Гишардъ, Герцогъ Пуильскій и Калабрійскій, одинъ изъ величайшихъ Полководцевъ своего времени, прославился уже побѣдами, одержанными надъ Греками въ Италіи. Причина войны съ Алексіемъ была слѣдующая: Михаилъ Дукасъ, принявшій монашескій чинъ, возмечталъ, что онъ пользуясь перемѣнами, раззорявшими Имперію, можетъ по домогательствамъ своимъ паки взойти на престолъ; такимъ образомъ прибѣгнулъ къ Папѣ Григорію VII, обѣщаясь ему стараться о соединеніи Греческой Церкви съ Римскою, буде только онъ съ своей стороны поможетъ ему въ возвращеніи скипетра. Папа польстясь на такое предложеніе, препроводилъ его къ Герцогу Роберту съ представленіемъ всей его нужды. Сей Государь съ возхищеніемъ находя случай къ началію войны съ Императоромъ, и къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ Греціи, сильнымъ образомъ вооружился противъ Алексія съ тѣмъ, чтобъ Михаила возвести паки на престолъ, либо статься можетъ и самому взойти на оной.

1081 года от Р. Х. Робертъ вооружилъ флотъ свой въ Бриндесѣ. На большихъ судахъ приказавъ построить нѣкоторой родъ стражницъ, и обложить оныя воловьими кожами, посадилъ на нихъ конныхъ солдатъ, военныя махины, и все потребное къ осадѣ города. Сей знаменитый и исправно вооруженный флотъ при благополучномъ вѣтрѣ отправяся въ путь, подступилъ къ Валонѣ, и овладѣлъ ею. По семъ первомъ завоеваніи приказалъ войску своему подъ предводительствомъ сына своего Боемунда итти сухимъ путемъ къ Дурасу, или Дураццо, для облежанія сего города; а самъ съ своимъ флотомъ слѣдовалъ подлѣ берега;

но вскорѣ претерпѣлъ столь жестокую бурю, что одна часть судовъ его была поглощена волнами, а другая разбилась у береговъ. Кожи, покрывавшія стражницы, размякши отъ проливныхъ дождей, распустились, и составили изъ себя нѣкое подобіе худо расположенныхъ, и вѣтромъ надуваемыхъ парусовъ, такъ что суда принуждены будучи крутиться на одномъ мѣстѣ, погрязали въ пучинѣ. Начальническій корабль, на которомъ былъ Робертъ, бывъ уже полу-раздробленъ, спасся однако съ прочими грузовыми судами; всѣ ближніе берега въ короткое время покрыты были нанесенными водою трупами и корабельными отломками.

Но Робертъ нимало не унывая при такомъ злоключеніи флота своего, собралъ остатки онаго, и приказавъ явиться новымъ войскамъ и судамъ изо всѣхъ подвластныхъ ему мѣстъ, непреминулъ какъ съ моря, такъ и сухаго пути осадить Дурасъ; сію крѣпость защищалъ Георгій Палеологъ, который въ воинскомъ званіи пріобрѣлъ уже великую славу.

Императоръ Алексій видя, что одному ему трудно уничтожить замыслы Робертовы, старался усилить себя помощію союзовъ; а потому и склонилъ на свою сторону Турковъ и Венеціанъ. Сіи послѣдніе отправили знатное число судовъ противъ Роберта; а какъ скоро оба морскія ополченія стали другъ противъ друга; то Венеціане въ одной чертѣ поставя самыя большія суда, перевязали ихъ между собою толстыми канатами, дабы чрезъ то учиня ихъ неподвижными, можно было биться съ такою же благонадежностію, какъ бы и на твердой землѣ. У нихъ было немало шлюпокъ съ солдатами, которые посредствомъ машинъ бросали длинныя въ одинъ локоть, толстыя, увѣсистыя и притомъ

всѣ со многими остріями копья. Одно изъ сихъ копей чрезвычайно тяжелое устремлено было на корабль Боемунда, сына Робертова, съ такою силою, что судно будучи прошибено, подверглось великой течи; и сей молодой Князь принужденъ былъ спасаться на другомъ. Равнымъ образомъ и другія суда претерпѣли такой же вредъ, такъ что прочія должны были обратиться въ бѣгство.

Венеціане вмѣсто того, чтобы гнаться за бѣгущими, учинивъ высадку напали на Роберта, который тогда осаждалъ городъ съ сухаго пути. Въ тоже самое время и Палеологъ сдѣлалъ высадку. Робертъ тѣснимый со всѣхъ сторонъ принужденъ былъ убираться назадъ, потерявъ немалое число людей. Венеціане величаясь пораженіемъ двухъ воинствъ столь ужаснаго непріятеля, опять сѣли на суда, и возвратились въ Венецію.

Мужество Роберта столько ожесточилось противу нещастій, что онъ собралъ всѣ суда, какія могъ, дабы еще учинить новыя покушенія; но Венеціане опять принявшись за дѣло, и соединя морскія силы свои съ Императорскими, напали на Роберта, и разбивъ его, обратили въ бѣгство.

Робертъ чувствуя безсиліе свое на морѣ, обратилъ суда свои назадъ, и завелъ ихъ въ одно безопасное мѣсто; но коль скоро Эпирскіе народы, платившіе ему дань, узнавъ, что онъ не имѣлъ уже флота на морѣ, отложились отъ него. Тогда онъ ясно увидѣлъ, что слава и польза его требовали снова приняться за флотоводство; а потому и принужденъ былъ опять привести въ дѣйствіе упраздненной имъ флотъ; онъ ввелъ суда свои тогда въ Глисиской каналъ, походившій болѣе на ручей, нежели на рѣку; во время вводу ихъ туда, въ каналѣ была половодь; а какъ вода въ немъ сбыла, такъ что каналъ

сдѣлался почти сухъ; то суда и не могли уже больше имѣть движенія; почему Робертъ приказалъ по срединѣ сего канала сдѣлать два весьма длинные палисада изъ свай, и переплетши ихъ ивнякомъ, окружить съ наружи вырванными на тотъ разъ деревьями, и все засыпать землею и крупнымъ пескомъ, такъ чтобъ вода не могла проходить. Симъ способомъ онъ заперъ каналъ, или лучше сказать, сдѣлалъ изъ него новой. Какъ скоро сія работа окончилась; то приказалъ посредствомъ спусковъ (жолобковъ) проводить съ обѣихъ сторонъ канала всю воду, какую можно было тамъ добыть. А чтобъ удержать оную; то при устьѣ велѣлъ сдѣлать плотину; такимъ образомъ когда вода въ каналѣ поднялась выше даже самыхъ палисадовъ, суда его выплывъ, были выведены въ море. — Императоръ Алексій видя, что ни бури, ни злощастія не могли поколебать Роберта, отправился самъ въ походъ, дабы съ нимъ сразиться.

Между тѣмъ Робертъ возобновивъ осаду Дураса, и узнавши, что Алексій намѣренъ дать ему сраженіе, приготовился самъ къ надлежащему пріему его; а для ободренія ратниковъ своихъ, произнесъ къ нимъ прежде начатія дѣйствія слѣдующую рѣчь: *Любезные друзья! мы должны сразиться съ воинственнымъ и привыкшимъ къ побѣдамъ Государемъ; теперь надлежитъ намъ все оставить, кромѣ рвенія къ побѣдѣ; надобно либо преодолѣть, либо умереть; ежели восторжествуемъ: то съ избыткомъ обогатимся добычами непріятельскими; буде же погибнемъ: то уже въ то время ни въ чемъ не станемъ имѣть нужды.* — По сихъ словахъ приказалъ сжечь все имущество своего войска, и пробить грузовыя свои суда для того, чтобъ учиня ихъ неспособными, истребить всякую помощь, и чтобъ ратники принуждены были, какъ отчаянные люди,

тогда биться; они и дѣйствительно были таковыми. Императорскія войска были вконецъ поражены, да и самъ Государь къ щастію своему едва могъ избѣгнуть отъ рукъ побѣдителя; жители Дураса видя, что не въ состояніи больше противиться, принуждены были здаться. Алексій возвратился въ Царь-градъ, а Робертъ въ Италію.

Робертъ не теряя изъ мыслей Императора Алексія, 1084 года по Р. Х. вновь предпріялъ морской походъ съ тѣмъ, дабы простерти свои завоеванія прямо до Царя-града; онъ приказавъ сыновьямъ своимъ зайти въ передъ, и овладѣть Валоною и Бутринтомъ (что ими и учинено), присоединился къ нимъ со своимъ флотомъ, а оттуда переѣхавъ въ Корфу, взялъ крѣпость, которая смѣнила было своего начальника. Алексій устрашенъ будучи приближеніемъ столь грознаго непріятеля, употребилъ всѣ мѣры къ пресѣченію его успѣховъ. Онъ истребовавъ себѣ помощи у Венеціанъ, снабдившихъ его флотомъ, также и самъ съ своей стороны вооружилъ корабли, кои почти въ одно время отправились въ море.

Венеціанскій флотъ учиня поискъ за Робертовымъ, находившимся тогда въ Яннинской гавани, вступилъ съ нимъ въ сраженіе. Робертъ опять былъ низложенъ; однако не почиталъ еще себя побѣжденнымъ. Онъ собравъ свои силы, приготовился ко вторичной битвѣ; начальники союзныхъ флотовъ ожидали его. Да и дѣйствительно спустя три дни послѣ того, сраженіе снова началось съ большимъ противъ прежняго упорствомъ; Венеціане опять одержали побѣду; но вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать своего непріятеля, которой все еще имъ былъ опасенъ, пока не будетъ совершенно разбитъ, они бросили якорь въ Писсарской гавани; думая же, что Робертъ ни коимъ образомъ уже не въ силахъ былъ учинить еще какое

новое покушеніе, отослали въ Венецію всѣ свои легкія суда съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ, какъ будто бы для сего не довольно было одного судна.

Робертъ, коего духъ единственно былъ одушевляемъ нещастіями, увѣдомясь обо всемъ происходящемъ въ Венеціанскомъ флотѣ, съ отважностію устремился на оной. Венеціане приведены будучи въ изумленіе и робость отъ столь дерзновеннаго нападенія, поставили въ переди самыя большія суда, перевязавъ оныя между собою канатами, а самыя малыя по срединѣ, и въ такомъ порядкѣ ожидали непріятеля. Робертъ, воспламеняемый жаромъ мужества, устремился на нихъ со всѣмъ тѣмъ рвеніемъ, какое прилично витязю, желающему возобновить свою славу, и поправить злощастіе.

Венеціане кромѣ учиненной ими сей погрѣшности, впали еще въ страшную бѣду; суда ихъ сперва тяжело нагружены будучи съѣстными и воинскими припасами, служившими имъ вмѣсто груза, а за разходомъ припасовъ и за недостаткомъ воды съ лишкомъ много лишась надлежащаго груза, носились единственно по произволу волненія; когда солдаты во время бою приваливали на одинъ край судна; то тяжесть ихъ нагибала оной до самой воды, такъ что многіе суда закраинами своими зачерпывая воду, погружались въ море. Робертъ воспользовавшись таковымъ нащастіемъ своихъ непріятелей, разбилъ Венеціанъ, и одержалъ совершенную надъ ними побѣду. Но въ то время онъ обезславилъ себя крайнимъ безчеловѣчіемъ, приказавъ немилосердымъ образомъ изувѣчить многихъ военноплѣнныхъ, которыхъ старался забрать болѣе ради мщенія, нежели для славы. Однакожь не долго наслаждался симъ новымъ торжествомъ; Венеціане вновь починивъ, и усиливъ флотъ свой, пошли его искать, и сыскавши въ Бутринтѣ, разбили его.

1085 года по Р. Хр. Слѣдующимъ лѣтомъ Робертъ, коего твердость ни чѣмъ не могла быть потрясена, ниже бодрость его утомлена, возобновилъ опять вражду свою съ Грецiею. Онъ отправилъ сына своего Роджера въ Кефалонiю съ нѣкоторымъ числомъ судовъ для овладѣнiя городомъ сего острова, а самъ сѣлъ на галеру, чтобъ туда же ѣхать. Но прибывши къ Аѳерскому мысу, одержимъ былъ столь сильною горячкою, что чрезъ короткое время скончалъ свой животъ.

Алексiй избавился въ Робертѣ такого непрiятеля, коего храбрость по истиннѣ возвышала славу его побѣдъ, но также и приводила его щастiе въ непрестанное потрясенiе. Онъ имѣлъ еще другихъ у себя непрiятелей, причинявшихъ ему не меньше безпокойства; Скиѳы наносили ему великiй вредъ, такъ что Имперiя по видимому крайне удручаема была множествомъ возраждающихся однихъ за другими непрiятелей. Турокъ Чахазъ, (*), отличившiй себя больше злодѣянiями, нежели породою, вознамѣрился употребить себѣ въ пользу плачевное состоянiе Имперiи. Онъ приказавъ выстроить въ Смирнѣ множество судовъ подобныхъ Корсерскимъ, присовокупилъ къ нимъ сорокъ покрытыхъ барокъ. Съ симъ флотомъ овладѣвъ Клазоменомъ и Фокеей, направилъ путь свой напослѣдокъ къ Митилену, гдѣ правитель столько былъ устрашенъ его прибытiемъ, что въ слѣдующую же ночь сѣдши на корабль, уѣхалъ въ Царь-градъ. Чахазъ безъ всякаго сопротивленiя взялъ Митилинъ, не могши токмо овладѣть Метимномъ, къ коему тогда пришли на помощь Императорскiе суда. Чахазъ мало уважая сей городъ, не упорствовалъ противъ него, и оставя оной, успѣлъ

(*) *Tzachas.*

овладѣть островомъ Хіо. Алексій будучи устрашенъ таковыми завоеваніями, отправилъ противъ Чахаза флотъ подъ предводительствомъ Никиты, который однако ни малой не принесъ чести выбору Императора, потому что безъ обороны бывъ разбитъ, потерялъ множество судовъ. Алексій желая возстановить помраченную толикимъ слабодушіемъ Никиты честь Государства, поручилъ флотъ свой начальству родственника своего Далассена. Сей военачальникъ соединяя въ себѣ великую храбрость съ полною мѣрою благоразумія, немѣдленно поѣхалъ осаждать Хіискую крѣпость, защищаемую Турками съ немалымъ упорствомъ. Чахазъ прилетѣвъ на помощь къ сему мѣсту, и приставъ къ другому краю острова, обратился на Греческій лагерь съ 8000 солдатъ, приказавъ имъ слѣдовать близъ берега съ судами, которыя тутъ служили ради одного только устрашенія непріятелей, поелику не было больше войска. Далассенъ узнавъ обо всемъ происходившемъ у Турокъ, отправилъ свои суда подъ начальствомъ Опуса для забранія сихъ опустѣлыхъ судовъ. Чахазъ по нѣкоторому въ семъ случаѣ сомнѣнію опять въ скорости пересѣлъ на нихъ со всѣми людьми, приказавъ оныя суда скрѣпить одно съ другимъ посредствомъ канатовъ, дабы чрезъ то привести военнослужителей своихъ какъ въ необходимость биться, такъ и въ невозможность бѣжать. Опусъ на мѣсто искомыхъ пустыхъ судовъ нашедъ исправно вооруженныя, воротился къ осаждаемой крѣпости. Чахазъ за нимъ слѣдовалъ; но зная мужество Далассеново, и потому отчаяваясь побѣдить его, предложилъ ему миръ. Далассенъ мало полагаясь на добрую вѣру сего Турка, и почитая предложенія его на равнѣ съ коварнымъ подлогомъ, да сверхъ того и самъ надѣясь вскорѣ получить сильное подкрѣпленіе,

отвергнулъ всякой договоръ. Чахазъ съ своей стороны провѣдавъ объ ожидаемой подмогѣ, убрался назадъ при помощи ночи, и возвратился въ Смирну съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ скорости опять явиться тутъ съ достаточными силами. Далассенъ возпользовался отбытіемъ его, и овладѣлъ островомъ Хіо.

Чахазъ не могши отстать отъ намѣренія завладѣть Имперіей, и видя, что Алексій занимался защищеніемъ себя противъ Скиѳовъ, пустился съ своимъ флотомъ въ море, раззоряя всѣ острова и приморскія берега. Императоръ принужденъ будучи раздѣлить свои силы, не могъ иныхъ войскъ противопоставить таковымъ вторженіямъ сего варвара, кромѣ сухопутныхъ. Чахазъ измѣряя свои надежды по замѣшательствамъ Императора, учинилъ великія приготовленія въ Смирнѣ, гнѣздилищѣ владычества своего, дабы наконецъ совершить всѣ возпріятыя имъ намѣренія. Алексій желая съ своей стороны какъ можно воспротивиться таковымъ его замысламъ, отправилъ два пѣхотныя войска, одно сухимъ путемъ подъ начальствомъ Іоанна Дукаса, а другое подъ предводительствомъ Далассена въ Митилинъ. Чахазъ приспѣвши на помощь къ сему городу, гдѣ начальникомъ оставленъ былъ его братъ, расположился лагеремъ на семъ островѣ; Греки то же учинили. Въ теченіи трехъ мѣсяцовъ оба войска стоя всегда въ виду одно противъ другаго, вступили потомъ въ сраженіе; но ни на той, ни на другой сторонѣ не было ни какого выигрыша. Императоръ извѣстясь, что оба войска его вступая въ сраженіе по утру, имѣли солнце всегда предъ своими глазами до самыхъ полденъ, и слѣдственно были въ затруднительномъ положеніи, наслалъ повелѣніе своимъ Полководцамъ, чтобъ они не иначе вступали въ битву, какъ уже послѣ половины

дня; сіе исполнено было съ желаемымъ благоуспѣшествомъ. Чахазъ будучи разбитъ, предложилъ мирной договоръ, которой и былъ тогда принятъ; ему позволено было возвратиться въ Смирну съ тѣмъ условіемъ, чтобы никакого не дѣлать зла Митилинскимъ жителямъ; онъ обѣщалъ сіе, но въ обѣщаніи своемъ не устоялъ. Напротивъ того, совсѣмъ почти разграбя Митилинянъ, увезъ съ собою ихъ женъ и дѣтей.

По пріѣздѣ своемъ въ Смирну тотчасъ приказалъ строить барки, разныхъ родовъ галеры, и бригантины, съ каковыми судами свойственнно было только разбойничать, а не сражаться военнымъ порядкомъ. Съ такимъ ополченіемъ онъ предпріялъ осаду Авида. Императоръ опять послалъ Далассена съ сильнымъ флотомъ противъ него. Сей военачальникъ вездѣ, куда только слава его призывала, поступая съ пламеннымъ ревніемъ, спѣшилъ на помощь къ осажденному городу. Равнымъ образомъ и Султанъ въ то время обратилъ силы свои туда же, къ низложенію зятя своего, Чахаза. Онъ вѣдая честолюбіе его во всемъ пространствѣ, опасался, дабы сей не простеръ замысловъ на собственной его престолъ, а потому заблагоразсудилъ лучше совокупно съ Императоромъ напасть на него, нежели допустить зятя своего разпространить силу до того, что бы она со временемъ могла имѣть пагубныя слѣдствія. Чахазъ видя, что не льзя противостоять етоль сильнымъ непріятелямъ, разсудилъ пріѣхать къ Султану въ надеждѣ отвлечь его отъ Императора; но переговоръ не имѣлъ успѣха; ибо Султанъ вмѣсто всякаго отвѣта, пронзилъ его мечемъ, и такимъ образомъ свои и Императорскія области избавилъ отъ самаго опаснѣйшаго врага, какихъ мало еще бываетъ на свѣтѣ.

Я не стану здѣсь разпространяться далѣе въ повѣствованіи морскихъ подвиговъ Алексія Комнина; а буду скоро говорить объ оныхъ тамъ, гдѣ рѣчь пойдетъ о мореплаваніи Турковъ и Крестовыхъ рыцарей (крыжа-
1118 года ковъ). Сей Императоръ скончался 15го Августа 1118 года,
по Р. Х. царствовавъ 37 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцовъ. Онъ имѣлъ всѣ тѣ качества, какія потребны въ частномъ человѣкѣ, но мало такихъ, которыя составляютъ достоинство великаго человѣка; онъ извѣстнѣе по своей ухищренности, нежели подвигоположенію; главное свойство его состояло всегда въ глубокомъ притворствѣ. Его Супруга Ирина сдѣлала укоризну ему даже при смертномъ часѣ, сказавъ: *вѣроломный Супругъ! твой языкъ никогда не согласовался съ сердцемъ; даже и теперь, когда готовъ разлучиться съ свѣтомъ, ты не можешь оставить своего притворства.*

Іоанъ Комнинъ, сынъ Алексіевъ, вступилъ по немъ на престолъ. Греки называли его *Кало-Іоанъ*, то есть, добрый Іоанъ; онъ царствовалъ двадцать пять лѣтъ, ознаменовавъ все сіе время многими побѣдами надъ Скиѳами, Венгерцами, Трибольцами, (*) или Сербами.

(*) *Triballiens.*

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ПОСЛѢДОВАНІЕ МОРЕХОДСТВА

при Восточныхъ Императорахъ.

Іоанъ Комнинъ назначивъ Императоромъ самаго младшаго сына своего, Мануила, предпочелъ его старшему, Исааку, для того, что онъ больше имѣлъ способности къ военному дѣлу. Сей юный Государь, оказавъ толь многіе знаки отличнаго благоразумія въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ, по возшествіи на престолъ совершенно забылъ себя, предавшись безъ всякой умѣренности сладострастію; а дабы ни чѣмъ не быть отъ того отвлечену, ввѣрилъ правленіе Государства своего Іоанну Пузену, человѣку суровому, непреклонному, и употреблявшему съ лишкомъ ухищренную политику во взиманіи денежныхъ сборовъ народа, но въ хозяйственномъ управленіи Государства мало имѣвшему свѣденія. Пузенъ уничтоживъ мореходство по причинѣ великихъ издержекъ, потребныхъ на содержаніе онаго, умножилъ доходы Государевы тою самою казною, которая обыкновенно употреблялась въ пользу флота, и такимъ образомъ подъ видомъ облегченія Государства, сдѣлалъ ущербъ существеннымъ силамъ онаго. Хотя Мануилъ допущеніемъ такой бережливости, увидѣлъ знатное приращеніе своихъ доходовъ; однако не долго оставался въ невѣденіи, сколько былъ онъ обманутъ въ таковомъ хозяйствѣ. Разбойники опустошая приморскія области, ясно представили глазамъ его

необходимость въ содержаніи надлежащаго флотоводства. Сія необходимость еще убѣдительнѣе показалась ему тогда, когда надобно было вести войну.—

Сицилійскій Король Роджеръ проѣзжая моря, и раззоряя тамо приморскіе берега, вступилъ со своимъ флотомъ въ Бриндесъ, а потомъ подступя къ Корфу, взялъ сей островъ безъ сопротивленія. Жители онаго желая освободиться отъ тягостныхъ налоговъ и всенародныхъ повинностей, сами отдались во власть завоевателя;
1148 года по Р. Х. начальникъ флота его въ продолженіи плаванія, благополучно проѣхалъ мимо Малеина мыса, толь много охуждаемаго по господствующимъ тамъ обыкновенно бурямъ. На проѣздѣ своемъ онъ опустошилъ Акарнанію и Этолію; потомъ зашедши въ Коринѳскій заливъ, остановился въ Криссейской гавани, и не щадя Коринѳа и Ѳивъ, получилъ отвсюду нарочитыя добычи, и тѣмъ нагрузивъ суда, напослѣдокъ возвратился на свою сторону.

Таковые удары пробудили Мануила отъ сна. Для сопротивленія новому непріятелю онъ принужденъ будучи вооружиться моремъ и сухимъ путемъ, приказалъ починить всѣ старыя галеры, и построить новыя; такимъ образомъ собравши до 1000 судовъ, снабдилъ нѣкоторыя изъ нихъ Греческимъ огнемъ, коего употребленіе съ нѣкоего времени оставалось уже въ небреженіи. А дабы сдѣлаться еще сильнѣе, склонилъ на свою сторону Венеціанъ, и получилъ отъ нихъ суда. Все сіе морское ополченіе препоручилъ предводительству Конто-Стефана, наименовавъ его великимъ воеводою (*), то есть начальникомъ силъ морскихъ. Сей Полководецъ снявшись съ якоря при благополучномъ вѣтрѣ, прибылъ щастливо къ

(*) Grand duc, Великій Князь или Герцогъ.

Корфинскимъ водамъ, и сталъ тамо на якорь. При семъ случаѣ онъ отдѣлилъ Венеціанскія суда отъ Греческихъ на тотъ конецъ, чтобы послѣ не могло произойти какого замѣшательства между двумя столь различными въ нравахъ и склонностяхъ народами. Императоръ слѣдуя за симъ флотомъ не подалеку, какъ скоро дошелъ до того мѣста, гдѣ флотъ остановился: то послалъ сказать жителямъ Корфинскимъ, что буде они примутъ его, какъ своего Государя: то онъ не войдетъ въ городъ ихъ, какъ непріятель. Островитяне, обуявши въ своемъ возмутительствѣ, отвѣтствовали ему только поспѣшнымъ приготовленіемъ къ защитѣ; а сіе самое и заставило Императора рѣшительно приступить къ осадѣ крѣпости. Положеніе ея было на одномъ мысѣ, коего подошва выдалась въ море, а вершина чрезвычайно была высока. По облежаніи оной всѣмъ флотомъ, войска расположенныя на судахъ начали дѣлать нападеніе; но образъ битвы, каковой они принуждены были тогда производить, нимало не былъ выгоденъ; стрѣлявшіе воины, говоритъ одинъ Греческій писатель, казалось, воевали противъ самаго неба, или бросали стрѣлы въ сидящихъ на вершинѣ великаго древа птицъ. Камни извергаемы были изъ ихъ машинъ на высоту стражницъ съ великимъ трудомъ; напротивъ того осажденные безъ всякаго затрудненія низвергали на нихъ градъ стрѣлъ и камней. При самомъ начатіи осады великій воевода смертельно былъ пораженъ камнемъ, отъ чего и жизни лишился. Въ ту же минуту Полководецъ, начальствующій сухопутными войсками, заступилъ его мѣсто, и нападеніе продолжалъ еще съ большею живостію. Но одинъ случай остановилъ взятье города; между Венеціанами и Греками произошла распря, которая вмѣсто того,

чтобъ рѣшить ее судомъ разума, прекращена была не иначе, какъ вооруженною рукою; первые бывъ поколочены, сѣли на свои суда, и уѣхали на одинъ островъ, лежащій между Итакой и Кефалоніей, гдѣ нашедъ Императорскіе суда, сожгли оныя. Мануилъ почитая благоразумнѣйшимъ дѣломъ на тотъ разъ скрыть свою досаду, и отложить мщеніе до удобнѣйшаго времени, старался только о возстановленіи мира между обѣими сторонами, и потому усугубя свои усилія противъ города, наконецъ принудилъ его къ здачѣ голодомъ, когда не могъ принудить къ тому силою.

Послѣ сего Мануилъ вознамѣрясь напасть на самую Сицилію, препроводилъ туда морскія свои силы; но сіе предпріятіе было уничтожено бурею, которая два раза воспящала флоту его пристать къ сему острову. При семъ случаѣ онъ потерялъ множество судовъ, да и самъ едва могъ спастися.

Императоръ отправилъ въ Сицилію новый флотъ подъ начальствомъ Алексія Комнина, сына Бріенна, супруга Анны Комниной. Сей флотъ встрѣтившись съ Роджеровымъ, разбилъ его, и разсѣялъ по морю; однако Роджеръ опять собравъ морскія силы свои, и прибавя къ нимъ новыя, вторично напалъ на сего военачальника, и наконецъ поразивъ самаго, взялъ въ полонъ. Императоръ для поправленія сей потери снова отправилъ флотъ въ Сицилію подъ предводительствомъ Константина Ангела; но разъѣзжавшіе по Сицилійскимъ водамъ Роджеровы галеры учинивъ нападеніе, разбили также и сего предводителя, и увезли въ полонъ. Всѣ таковыя напасти подали поводъ къ замиренію между обоими Государями; но какъ сей миръ заключенъ былъ по принужденію: то и не могъ существовать долговременно. Они начали

новую войну съ вящшею противу прежняго яростію. Роджеръ отправилъ Полководца Маія къ Царю-граду со флотомъ изъ 40 судовъ состоящимъ съ тѣмъ, чтобъ нанести тамо поруганіе самому Императору. Сей полководецъ въ точности изполнилъ приказаніе своего владѣльца; онъ ставши на якорь передъ Влахернскими палатами, и въ присутствіи собравшагося тамъ многочисленнаго народа, провозгласивъ Роджера Королемъ Сициліи, Аквилеи, Капуи, Калабріи, и всѣхъ подвластныхъ ему островов, выговорилъ притомъ поноснѣйшія на щетъ Императора слова, и пустилъ на самыя палаты нѣсколько стрѣлъ съ золотыми и серебреными остріями; а послѣ такого самовеличанья возвратился въ Сицилію. Мануилъ бывши тогда въ отлучкѣ изъ Царяграда, узналъ о таковыхъ оскорбленіяхъ; но принялъ оныя съ презрѣніемъ, почитая ихъ не за иное что, какъ за одни знаки буйства.

Не одинъ Роджеръ непріятельскими дѣйствіями своими возмущалъ спокойствіе Мануила; многіе иные народы, разпространившіеся по ту и другую сторону Дуная, были его непріятелями, съ которыми велъ онъ долговременную войну; но среди сихъ толико важныхъ занятій, и притомъ въ такое время, когда самыя богатыя области его были потрясаемы мятежническими скопами, либо угрожаемы вторженіемъ непріятелей, затѣялъ онъ по любопытству смѣха достойное путешествіе въ Египетъ, дабы самому тамъ быть личнымъ свидѣтелемъ разсказанныхъ ему чудесъ плодоносія, произходящаго отъ Періодическихъ (посадныхъ) водополей Нила. Для сего путешествія снарядилъ онъ болѣе двухъ сотъ судовъ, опредѣля начальникомъ надъ ними Андроника Конто-Стефана, и принялъ къ себѣ въ сообщники сего похода Амаурія,

Короля Іерусалимскаго, пославъ къ нему обьявить, что онъ уже отъѣхалъ на 60 галерахъ. Конто-Стефанъ отправясь съ остальнымъ флотомъ, и подъѣзжая къ острову Кипру, встрѣтился съ шестью Бригантинами, посланными отъ владѣльца (*) Египетскаго для развѣдыванія, за которыми онъ погнавшись взялъ изъ нихъ двѣ, а прочіе утекли. Конто-Стефанъ сошедши на берегъ въ Кипрѣ, послалъ къ Амаурію съ прозьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ съ нимъ соединиться; сей Государь раскаиваясь о своемъ сообществѣ въ такомъ предпріятіи, долгое время проманивалъ Императорскаго полководца разными предлогами; однако напослѣдокъ они поѣхавъ вмѣстѣ, и прибывъ со флотомъ своимъ въ устье Нила близь самаго Даміета, начали осаду сего города. Сей городъ жестоко будучи тѣснимъ, въ короткое время былъ бы взятъ, естлибы только не воспослѣдовало помѣхи отъ Амаурія; ибо какъ скоро онъ примѣтилъ, что городу не льзя уцѣлѣть: то онъ для спасенія онаго заключилъ съ Египтянами мирной договоръ, которой гораздо выгоднѣе былъ для нихъ, нежели для Грековъ; почему Императорскія войска сѣли опять на суда; но какъ тогда погода для плаванія была неудобна; то флотъ почти весь истребленъ; большая часть судовъ потонула, либо разсѣяна бурею, либо нарочито повреждена, потому что едва ли осталось ихъ до шести для отъѣзда Конто-Стефану въ Царь-градъ.

Между тѣмъ Мануилъ не теряя изъ памяти обиды, нанесенной ему отъ Венеціанъ въ Корфу, вознамѣрился имъ отмстить, и приказалъ всѣхъ изъ нихъ, основавшихъ жительство свое въ Царѣ-градѣ, задержать, и ихъ имѣніе описать; однако тѣ, кои успѣли отъ сего

(*) Soudan.

отъ сего избавиться, выбравшись ночнымъ временемъ въ море, пріѣхали въ Венецію съ извѣстіемъ о происходившемъ въ Царѣ-градѣ. Въ слѣдующее лѣто отправленный отъ республики на востокъ сильный флотъ, опустошалъ Негрепонтъ, Хіо и другіе острова. Мануилъ послалъ противъ Венеціанъ Контостефана со 150 кораблями и нѣсколькими Славянскими судами; но сей полководецъ послѣ безполезныхъ поисковъ возвратился въ Царь-градъ, ничего не учинивъ. Императоръ представя тогда въ мысляхъ своихъ, что такую войну лучше прекратить въ самомъ ея началѣ, заключилъ съ Венеціанами миръ, заплатя однако причиненные имъ отъ него убытки.

Нѣтъ нужды здѣсь говорить о враждѣ сего Импера- 1180 года
тора съ Турками и Персіанами, потому что тутъ не по Р. Хр.
входило мореходство. Сей Государь умеръ, царствовавъ 38 лѣтъ и не вступно три мѣсяца.

По кончинѣ Мануила паденіе Греческой Имперіи сдѣла- 1183 года
лось гораздо ощутительнѣе, нежели въ прочія времена; по Р. Хр.
набѣги варваровъ, нерадѣніе, жестокосердіе и плутовство областныхъ правителей, честолюбіе и крамолы вельможъ, корыстолюбіе министровъ были причинами онаго, а малолѣтство Алексія Комнина, возведеннаго на отеческій престолъ во время еще дѣтства его, способствовало ко всѣмъ симъ замѣшательствамъ. Сей Императоръ проименованъ былъ Порфирогенитомъ для отличія отъ прежняго Алексія Комнина. Выше сказано, что *Порфирогенитъ* значитъ *рожденный въ порфирницѣ*, (*) а здѣсь прибавлю только то, что сія порфирница ничто иное была, какъ четвероугольная палата, выведенная пирамидою, откол

(*) По Руски давно переведено однимъ составнымъ словомъ съ такогоже Греческаго *багрянородный*, сирѣчь рожденный въ Порфирницѣ, т. е. въ багряно-стѣнномъ теремѣ, или сѣни; а не родившійся багрянымъ, или въ багряницѣ.

можно было видѣть море и гавань. Полъ и стѣны въ ней выложены были драгоцѣннымъ марморомъ, который будучи червленаго цвѣта съ нѣкоторыми только бѣловатыми пѣжинами, подалъ причину къ наименованію сего зданія багрянымъ, гдѣ Императрицы разрѣшались отъ своего бремени.

Алексій Комнинъ дѣйствительно имѣлъ одно только титло Императора, находясь въ трехлѣтнѣе царствованіе свое подъ опекою дяди своего Андроника, которой былъ и убійцей и преемникомъ его. Андроникъ не могъ иначе удержаться на престолѣ, какъ посредствомъ того же способа, которой употребленъ былъ имъ къ достиженію онаго. Тогда ни о чемъ больше не твердили, какъ о убійствѣ, кровопролитіи и безчеловѣчіи, коего ужасные памятники онъ только по себѣ оставилъ. Король Сицилійскій, Вильгельмъ добрый, внукъ Роджеровъ, вооружившись противъ него моремъ и сухимъ путемъ, взялъ у него нѣкоторые города, и простеръ ужасъ до самаго Царя-града. Андроникъ приведенъ былъ въ трепетъ, но храбрость подданныхъ вывела его изъ сего затрудненія съ успѣхомъ; при всемъ томъ его злодѣянія не остались безъ наказанія. По двухъ-лѣтнемъ царствованіи сковали его въ желѣзы, а вскорѣ послѣ того выкололи ему глаза, потомъ повѣсивъ, и довольно времени держа его выставленнымъ на поруганіе черни, наконецъ изрубили тирана въ мѣлкіе куски.

1185 года по Р. Хр. Исаакъ Ангелъ возведенъ будучи на престолъ Андроника взбунтовавшимся противъ безчеловѣчнаго тирана сего народомъ, не удовлетворилъ однако всей надежды, какую съ начала было на него имѣли. Первыя лѣта его царствованія были довольно благополучны; но послѣдствія не согласовались съ оными. Выше сего упомянуто, что

Король Сицилійскій учиня завоеванія въ Имперіи, и овладѣвъ многими городами, имѣлъ на морѣ флотъ, состоящій изъ 200 судовъ. Первое стараніе Исаака было то, чтобъ прогнать такого опаснаго сосѣда; и сіе столь разумное предпріятіе съ рѣвностію было подкрѣпляемо его подданными; благопривѣтливость, людскость, и великодушіе, противоположенныя ужаснымъ злодѣяніямъ Андроника, побудили ихъ доставить ему всѣ возможные способы къ благоуспѣшной войнѣ съ Сицилійцами. Онъ выставилъ сильное сухопутное войско, и вооружилъ флотъ въ числѣ ста судовъ. Пехотные войска его одержали побѣды, и все, что Король Сициліискій ни завоевалъ, отобрали назадъ; да и самый флотъ сего Короля подвергся нещастію, потому что вѣтры, буря, болѣзнь и голодъ довели оной конечной погибели.

Императоръ Исаакъ не былъ столько щастливъ въ походѣ своемъ въ Кипръ. Сей островъ былъ тогда подчиненъ Исааку Комнину, старшему брату Императора Мануила, царствовавшему тамо по тирански; отправленный противъ него изъ 79 долгихъ кораблей состоящій флотъ подъ начальствомъ Іоанна Конто-Стефана, имѣлъ плаваніе при довольно благополучномъ вѣтрѣ; но по прибытіи въ гавань разбитъ былъ страшною бурею. Тогда Императорскія войска сошедши на берегъ, вступили въ сраженіе; но одинъ морской разбойникъ, по согласію съ Кипрскимъ тираномъ, забралъ всѣ порожнія суда; сухопутное войско было побито, а разбойникъ заполоня главныхъ начальниковъ, отвезъ ихъ къ Сицилійскому Королю. 1195 года по Р. Хр.

Императоръ Исаакъ царствовавъ девять лѣтъ и десять мѣсяцовъ былъ напослѣдокъ сверженъ съ престола братомъ своимъ Алексіемъ, который отринувъ имя Ангела, принялъ названіе Комнина. Наглое свойство сего новаго

Императора привело его у всѣхъ въ ненависть; онъ не довольствуясь тѣмъ, что у брата своего отнялъ Императорскій престолъ, былъ еще столь безчеловѣченъ, что велѣлъ выколоть ему глаза; думая же, что послѣ сего не чего опасаться, оставилъ ему полную свободу жить въ нѣкоторыхъ палатахъ, состоящихъ въ гавани. Исаакъ не теряя надежды къ возвращенію державы, воспользовался тою свободою, съ каковою могъ имѣть потаенные переговоры съ Латинцами, и чрезъ нихъ учредить желаемое сношеніе въ Германіи и Италіи; когдаже такъ порядочно успѣлъ соединить всѣ сіи происки; то уговорилъ Капитана одного купеческаго корабля изъ города Пизы, готоваго къ отплытію въ Италію, чтобъ отвести туда своего сына Алексія. Побѣгъ сего молодаго Царевича съ немалою хитростію былъ сокрытъ, Сей корабль вышедъ изъ гавани, сталъ на якорь въ Эллеспонтскомъ устьѣ, а оставшаяся шлюбка, якобы за пескомъ для нагрузки корабля, взяла молодаго Алексія, и отвезла къ дожидавшемуся его кораблю. Какъ скоро Императоръ узналъ о его выѣздѣ; то и отправилъ за нимъ погоню; посланные съ такимъ препорученіемъ дѣлали всемѣрные поиски, и взошедъ на судно, обыскивали все въономъ, даже и тамъ, гдѣ находился юный бѣглецъ; однако напрасно; онъ такъ хорошо былъ переодѣтъ, что хотя и не одинъ разъ его видѣли но не могли узнать.

1202 года по Р. Хр. Корабль пустясь далѣе въ путь, прибылъ въ Сицилію, откуда Царевичь поѣхалъ въ Римъ, а оттолѣ въ Германію; но въ сихъ мѣстахъ ничего не нашедъ въ пользу своихъ начинаній, отправился обратно въ Венецію, гдѣ всѣ его намѣренія совершенно были удовлетворены. Тамъ онъ нашелъ многихъ знатныхъ людей, посвятившихъ себя въ чинъ Крыжаковъ, и уже готовыхъ отправиться во

святую землю. Знаменитѣйшіе изъ оныхъ были Вонифатій (Бонифацій), Маркизъ Монтферратскій, Бодуенъ (Балдуинъ), Графъ Фландрійскій, Генрихъ, Графъ Свято-Павловскій (*), Людовикъ, Графъ Блуйскій (Де блуа) и многіе иные, которые всѣ были славные броненосцы. Сіи великіе люди или изъ сострадація, или изъ какого либо корыстованія рѣшась ополчиться противъ похитителя Алексіева престола, легко склонили къ сему предпріятію и Венеціанъ, столь много оскорбленныхъ симъ Императоромъ; ибо онъ неоднократно разстроивая ихъ съ Пизанцами, нарушалъ заключенные съ ними договоры, и поступалъ обиднымъ образомъ съ ихъ судами, взыскивая непомѣрныя пошлины, и даже не платя должнаго имъ сверхъ обѣщаннаго числа денегъ при продажѣ ихъ товаровъ. Венеціане, какъ говоритъ Никита, по заключеніи таковаго союза дали отъ себя 110 легкихъ, 70 круглыхъ, да 60 долгихъ судовъ; въ числѣ сихъ былъ одинъ преогромной величины корабль, называемый по преимуществу *вселенною*.

Флотъ отправяся въ походъ, овладѣлъ Зарою, куда молодый Алексій благополучно вступя, принятъ былъ со всѣмъ великолѣпіемъ и отличіемъ, пристойнымъ его породѣ; ему дано было столько галеръ и судовъ, сколько потребно для службы и почести его. Потомъ поднявъ парусы, отправились въ путь, и стали на якорѣ въ Дурасѣ, гдѣ жители принявъ Алексія, какъ своего Государя, поднесли ему городскіе ключи; а оттуда поѣхавъ далѣе, остановились въ Корфу, который былъ сборнымъ мѣстомъ всего флота. Царевичь принятъ былъ и тамъ равнымъ образомъ, какъ въ Дурасѣ, да и крестовые рыцари также. Продолжая плаваніе свое около Морейскихъ и Ахайскихъ береговъ, пристали къ Негрепонтскому острову, гдѣ ополченіе

(*) De S. paul.

раздѣлилось на двѣ эскадры. Первая, на которой находился Царевичь Алексій, поѣхала къ Андросскому острову, гдѣ жители принесли ему свою повинность; а вторая пустилась на право въ Эллеспонтъ, и пристала въ Авидѣ, куда и остальные войска прибыли чрезъ восемь дней. Какъ же скоро она вступила въ каналъ; то сей проливъ въ виду Европы и Азіи покрылся самымъ прекраснѣйшимъ флотомъ, какого на сихъ водахъ еще не видано было до того. Въ гавани Игуменства святаго Стефана сдѣлана была высадка на берегъ Марморнаго моря ближе къ Ѳракіи въ шести миляхъ отъ славнаго седьми-башеннаго замка. Оттуда по вѣтру и теченію флотъ пустился въ Халкидонію, и даже въ самую гавань сего города. Туда-то все воинство Крыжаковъ въ день Св. Іоанна Крестителя прибыло. Послѣ сего поѣхали въ Скутари.

Преизящное для Константинополя было зрѣлище, когда богато-убранный флотъ изъ 300 судовъ состоящій, приближался къ нему въ плѣнительномъ благоустройствѣ. Разнообразныя флюгеры, зыблющіеся вымпелы, флаги разныхъ видовъ по волѣ свѣжихъ вѣтровъ развѣвающіеся; корабельные краи обвѣшенные рыцарскими щитами, представляющими гербы и надписи, и блистающее на чиноначальникахъ золото и серебро, дѣлали видъ пріятной. Императоръ, до сихъ поръ провождая жизнь въ немалой нѣгѣ, и почти въ распутствѣ, при наступленіи флота сего почувствовалъ въ себѣ движеніе. Онъ для возбраненія входа симъ пришельцамъ въ гавань, воспріялъ было мѣры; однако не болѣе могъ вооружить, какъ 20 только галеръ, для охраненія протянутой при входѣ большой цѣпи. Арсеналъ по нерадивости и сребролюбію шурина его, начальника силъ морскихъ, пришелъ въ совершенное запустѣніе; все было распродано, даже парусы, канаты, якори и корабельные гвозди.

Латинцы сошедши на берегъ въ Скутари, совокупили тамъ все свое воинство, и провели нѣсколько времени въ отдохновеніи. Императоръ расположился лагеремъ на Восфорскомъ берегу противъ самыхъ непріятелей, имѣя въ десять кратъ болѣе у себя людей, нежели они. Сіе однако не помѣшало Латинцамъ перебраться через морской рукавъ, отдѣлявшій отъ нихъ Грековъ. Вотъ какимъ порядкомъ сіе происходило! 200 судовъ у нихъ были поставлены въ двѣ линіи, и раздѣлены на шесть эскадръ; въ первой рыцари и конные воины стояли на плоскодонныхъ судахъ, имѣя при себѣ лошадей, покрытыхъ большими шелковыми попонами съ оружейнымъ приборомъ ихъ начальниковъ. По правую и лѣвую ихъ сторону находились барки, наполненныя стрѣлками и луконосцами, которые дружнымъ стрѣляніемъ долженствовали ихъ оборонять. Осьмаго дня Іюля все воинство сѣло на суда, что составляло великолѣпнѣйшее зрѣлище, едва ли когда бывавшее. При ясности неба и тишинѣ воды прохладный вѣтръ плавно несъ ихъ суда; возходящее солнце освѣщало блестящіе шлемы, щиты и обнаженные мечи; весь воздухъ казался быть въ пламени. А поелику Латинцы простирали путь свой отъ восточной стороны къ западной; то солнечные лучи и ударяли имъ въ тылъ.

При звукѣ трубъ и шумѣ веселъ, раздающихся во время тишины моря по всему Восфору, приступъ былъ учиненъ съ толь поразительною отвагою, что Греки никакъ не могли быть догнаны, развѣ только одними стрѣлами. Послѣ нѣкоторыхъ небольшихъ битвъ можно было уже силою взять гавань. Въ то время, какъ Французы дѣлали нападеніе на Галатской замокъ, Венеціане въ каналѣ повыше Скутари привели флотъ свой въ боевой порядокъ, оборотивъ носы галеръ и кораблей къ гавани. При благопріятномъ

вѣтрѣ они подъѣхавъ даже къ самой цѣпи, и поражая ударами сулицъ, разрушили преграду судовъ, охранявшихъ оную. А въ то самое время, какъ изъ машинъ бросаемы были каменья, большой корабль подступя къ цѣпи, перерѣзалъ оную въ самой срединѣ помощію огромныхъ стальныхъ ножницъ, которыя посредствомъ изобрѣтенной на сей разъ машины легко разгибались, и смыкались. Весь Венеціанскій флотъ вошедши въ гавань, овладѣлъ находившимися тутъ Греческими судами. Осада города производима была съ сухаго пути Французами, а съ моря Венеціанами. Іюля 17 дня приступъ былъ главной. Венеціане построили большія свои суда въ пространную линію у берегу, оставя между ими промежутки, дабы въ то время, какъ
1203 года по Р. Хр. надлежало дѣлать высадку, можно было галерамъ проходить въ оные. Всѣ машины расположены были на палубѣ; на всѣхъ марсахъ посажены стрѣльцы и луконосцы; къ главнымъ мачтамъ подняты были на большихъ бревнахъ бойницы съ воинами, покрытыя сырыми кожами для охраненія ихъ отъ Греческаго огня. Къ верьху сихъ бойницъ придѣланъ былъ подъемный мостъ такъ, чтобъ онъ до самыхъ городскихъ стѣнъ могъ опускаться. По данному знаку всѣ машины воспріяли страшное свое дѣйствіе; не меньше того и осажденные работали. Дожь Генрихъ Андоло не взирая на преклонность лѣтъ своихъ, подъѣхавъ на своей галерѣ къ берегу, сдѣлалъ высадку, и приказавъ нести передъ собою знамя св. Марка, самъ подобно льву, устремился на приступъ; за нимъ пошли и всѣ галеры; примѣру его послѣдовало множество; вскорѣ знамя поставлено было на одной башнѣ, а сіе и оживило бодрость воинства. Французы также съ своей стороны производили чудеса храбрости.

Здача сего мѣста ускоряемая дѣйствіями осажденныхъ

была совершенно рѣшена бѣгствомъ слабодушнаго Императора Алексія. Лишь только онъ убрался изъ города: то жители взявъ Исаака изъ палаты, служившей ему темницею, возвели его паки на престолъ, а по призваніи сына его Алексія, отворили врата градскія Латинцамъ. Такимъ образомъ въ то время, когда пламень раздора наиболѣе по видимому начиналъ воспаляться, Царь-градъ увидѣлъ среди стѣнъ своихъ возникшую вновь тишину. Въ семъ произшествіи какъ осаждающіе, такъ и осажденные брали равное участіе; Исаакъ возведенный паки на престолъ пріобщилъ къ себѣ въ совластители сына своего Алексія; оба же сіи Государя заключили съ Латинцами договоръ, по силѣ коего тотъ и другой народъ могъ бы долгое время быть въ союзѣ, естьли бъ только Греки соблюдали оной свято.

Возвышеніе Исаака ничто иное было, какъ простое явленіе на престолѣ; онъ вскорѣ послѣ возшествія своего скончался; сынъ его Алексій принялъ одинъ уже кормило царства, но не долго управлялъ онымъ. Дукасъ Мурзуфли свергнувъ его съ престола, самъ заступилъ оной. Сперва начавъ поселять въ сердцѣ его недовѣренность къ Латинцамъ, представлялъ ему, что они по своей многочисленности становились уже весьма могущественны въ Имперіи, а потому въ скоромъ времени вѣрно обратятъ силы свои противъ него, и что благонадежнѣйшая сторона должна употребить стараніе къ обезсиленію ихъ, что и не трудно бы было, буде бы только онъ не мѣдля приказалъ зажечь ихъ флотъ. Сей неблагодарный Императоръ слѣдуя болѣе совѣтамъ вѣроломца, нежели долгу признательности къ своимъ благодѣтелямъ, приказалъ изготовить 17 самыхъ длинныхъ зажигательныхъ судовъ, наполня ихъ связками прутьевъ,

горючими веществами, сѣрою, смолою и саломъ, и въ одну ночь при сильномъ западномъ вѣтрѣ, снабдивъ оныя Греческимъ огнемъ, приказалъ зажженныя подвести къ Венеціанскому флоту. Сіи подвижныя горнила, извергающія пламенные вихри, приближились на полныхъ парусахъ къ морскому ополченію Латинцовъ; но Венеціане, коимъ велѣно было караулить суда, успѣли предохранить флотъ свой отъ угрожающаго нещастія. Коль скоро они усмотрѣли приближеніе сихъ ужасныхъ зажигалищъ; то соскоча въ шлюбки, и подъѣхавъ къ симъ машинамъ, зацѣпили за нихъ крючья, и одну за другой отведши отъ своего флота въ сторону, оставили ихъ на произволъ вѣтровъ, которыми они будучи занесены въ Марморное море, сами подверглись истребленію.

Мурзуфли въ семъ печальномъ дѣйствіи представлялъ поноснаго лицедѣя; поссоривъ Алексія съ Латинцами, привелъ его въ раздоръ съ Греками, и наконецъ принесъ самаго въ жертву своему честолюбію. Два раза покушаясь отравить его, но видя, что не довольно къ тому было яда въ разсужденіи крѣпкаго сложенія Императора, онъ его удавилъ, и самъ сѣлъ на престолъ. Латинцы рѣшася вступить въ бой съ симъ безчестнымъ похитителемъ,
1204 года обступили Царь-градъ съ моря, и 12 Апрѣля взяли его
по Р. Хр. приступомъ. Венеціане и Французы сдѣлавшись обладателями Имперіи, раздѣлили оную между собою. На избраніе Императора назначили двенадцать электоровъ, которые и выбрали Бодуэня, Графа Фландрійскаго и Генотскаго, одареннаго всѣми тѣми изящными качествами, какія потребны были въ Государѣ. Такимъ образомъ Константинопольское царство основанное Константиномъ, и занимаемое Греками болѣе девяти сотъ лѣтъ, въ одну войну перешло въ руки Французовъ. Бодуэнь царствовавъ

два года, взятъ былъ послѣ того въ полонъ Болгарами, 1206 года по Р. Хр.
которые и предали его мучительной смерти. Братъ его Генрихъ заступя престолъ, и царствовавъ десять лѣтъ и десять мѣсяцовъ, скончался. 1216 года на мѣсто его Петръ де Куртенай, Графъ Оксерскій, бывъ Латинцами возведенъ, поѣхалъ вѣнчаться на царство въ Римѣ. По совершеніи сего обряда отправился изъ Бриндеса на судахъ, данныхъ ему Венеціанами. На пути осадилъ городъ Дураццо, или Дурасъ, отнятой Ѳеодоромъ Комнинымъ; однако надлежало снять осаду. Императоръ хотѣлъ сухимъ путемъ ѣхать въ Царь-градъ; но Ѳеодоръ пустясь за нимъ въ слѣдъ, нагналъ, и полонилъ его. Сей злощастный Государь умеръ въ заключеніи, преемникъ его, Робертъ де Куртенай, отправясь изъ Франціи при истеченіи 1220 года, прибылъ въ Царь-градъ, гдѣ вѣнчался на царство 24 Марта 1221 года, а умеръ 1228 года. Заступившій по немъ престолъ братъ его, Бодуэнь младшій, былъ уже послѣднимъ Императоромъ изъ Латинцовъ.

Греки по потеряніи Царя-града приняли благоразумныя мѣры, чтобы не потерять цѣлаго Государства, и поддержать преемничество онаго. Ѳеодоръ Ласкарисъ женясь на Аннѣ, дочери Императора Алексія Ангела, 1206 года короновался въ Никіи, Виѳинскомъ престольномъ городѣ, и вовремя осмнатцатилѣтняго царствованія велъ себя такъ, что Имперія ограждена была отъ угрожающихъ ей ударовъ; скончался же 1222 года. Преемникъ его Іоаннъ Дукасъ Ватакій, зять его, Государь искусный, и предпріимчивый, но ничего не предпринимавшій безъ совѣта, умѣлъ приводить все въ движеніе, дабы достигнуть цѣли намѣреній своихъ. Онъ много увеличилъ свою Имперію, исправя съ начала морскія силы, съ

(*) *Vatace.*

помощію коихъ завоевалъ Лезвосъ, Хіо, Самосъ, Икарію, Косъ и островъ Родоскій; видя же худое положеніе, въ каковомъ тогда находились дѣла Латинцовъ, онъ вознамѣрился тѣмъ воспользоваться; проѣхавъ Эллеспонтъ, ворвался въ Херсонисъ, и овладѣлъ ближайшими къ Царюграду приморскими городами, проложилъ себѣ такимъ образомъ дорогу къ возвращенію столицы Греческой Имперіи. Но сія слава предоставлена была Михаилу Палеологу, который обратилъ себѣ въ пользу беззаботность Французовъ, не умѣвшихъ сохранить своихъ завоеваній; для овладѣнія городомъ онъ употребилъ небольшое войско, которое нашло способъ подступить къ нему непримѣтнымъ образомъ. Воины его во время ночи взлѣзши на стѣны, перерѣзали сонныхъ Французовъ. Бодуэнъ II бывъ пораженъ таковымъ нечаяннымъ приключеніемъ, вздумалъ лучше бѣжать, нежели обороняться, и бросясь въ одну барку, спасся. Михаилъ возшедши на престолъ своихъ предковъ, употребилъ всемѣрные труды, чтобъ утвердиться наономъ. Вооружа флотъ, взялъ опять подъ
1261 года по Р. Хр. свою власть большую часть похищеннаго у него, отобравъ назадъ острова, Наксосъ, Паросъ, Кеосъ, Каристъ, Орею и городъ Лакедемонъ.

Императоръ Бодуэнъ пріѣхавъ въ Италію съ извѣстіемъ о потерѣ своей Имперіи, помышлялъ по крайней мѣрѣ о способахъ къ возвращенію оной; почему и сдѣлалъ союзъ съ Карломъ, Неаполитанскимъ Королемъ, снабдившимъ его къ тому средствами. Но Михаилъ Палеологъ для разрушенія его надежды отправилъ въ море болѣе шестидесяти галеръ съ хорошими служителями, и съ подкрѣпленіемъ Лакедемонскихъ кораблей. Какъ скоро сей флотъ появился въ морѣ: то Латинцы не смѣли учинить своихъ покушеній на Константинополь. Тогда

Михаилъ обратилъ морскія силы свои на завоеваніе Лемноса, Хіо, Родоса и многихъ другихъ островов, отнятыхъ у Грековъ.

Новый Императоръ видя, что ничего не оставалось болѣе къ опасенію со стороны Латинцовъ, возвратился со флотомъ; но вскорѣ послѣ сего вооружилъ другой, состоящій изъ великаго множества судовъ подъ начальствомъ Филантропена въ томъ намѣреніи, чтобы сдѣлаться обладателемъ моря, и бывъ увѣренъ, что безъ сего не возможно ни быть полнымъ властелиномъ своихъ областей, ни наслаждаться спокойствіемъ въ престольномъ градѣ, нашелъ тотчасъ случай употребить оной въ пользу. Оставшійся послѣ Михаила Деспоты побочный сынъ, Іоаннъ Дукасъ, человѣкъ безпокойной и отважной, страстно любилъ .военные дѣла. Императоръ изъ опасенія къ нему, вознамѣрился привязать его къ себѣ посредствомъ родства. Женивши племянника своего Трахоніота на дочери Іоанна, тогда же возвысилъ его въ достоинство Севасто-кратора, которое учреждено было Алексіемъ въ пользу брата его Исаака. Трахоніотъ по рѣвности своей не могши снести того, чтобы братъ царскій имѣлъ преимущество въ высокихъ Государственныхъ званіяхъ, произвелъ нѣкоторые раздоры, и по поводу оныхъ убѣжалъ въ области своего тестя, Іоанна Дукаса, который искавши случая къ войнѣ, принялъ его съ распростертыми объятіями. Императоръ ясно предусмотрѣвъ будущее нападеніе со стороны ихъ, привелъ себя въ оборонительное состояніе, приготовя морское и сухопутное ополченіе; поруча же начальство флота своего въ числѣ 73 кораблей Филантропену, послалъ его для разъѣздовъ около земель Латинскихъ. Братъ Императора Іоаннъ, Деспота, предводительствуя сухопутными

войсками, пошелъ искать Іоанна Дукаса. Сей видя вдругъ устремленныя противъ него Имперскія силы, да и самъ еще не довольно къ ихъ принятію изготовясь, прибѣгнулъ къ хитрости; а какъ былъ уже очень стѣсненъ: то затворился въ Попрасѣ, гдѣ и былъ непріятелями обступленъ; однакожъ успѣлъ спастися, убѣжавъ скрытнымъ образомъ въ Ѳивы, гдѣ собравъ войска, отправился въ походъ для нападенія на Императорскія силы, и непредвидѣннымъ образомъ учиня на нихъ оное, поразилъ. Все войско побито было на голову, исключая нѣкоторое число убѣжавшихъ.

Флотъ Іоанна Дукаса, отправленный изъ Эврипа, полагаясь на доброе щастіе Севастократора, вознамѣрился напасть на Филантропеновъ въ Пелазгійскомъ заливѣ, нынѣ называемомъ *Воло*, не далече отъ города Димитріады, находящагося въ семъ заливѣ. Императорскій флотъ гораздо многочисленнѣйшій, нежели его, стоялъ тамъ на якорѣ; Дукасовъ же въ числѣ 30 только кораблей, изъ коихъ большая часть снабжена была бойницами на носахъ, съ отважностію вызывалъ на битву Императорскій флотъ. Имперцы приведены будучи въ изумленіе таковымъ неожидаемымъ нападеніемъ, не успѣли еще надлежащимъ образомъ приготовиться къ оборонѣ; однакожъ встрѣтили непріятеля съ твердымъ духомъ. Сраженіе происходило въ пятнадцати стадіяхъ (поприщахъ) отъ берега; оба флота имѣли особыя выгоды; Императорскіе корабли были гораздо многочисленнѣе и легче, а Дукасовы сильнѣе, тяжелѣ, и не иначе могли выдерживать нападеніе, какъ съ боковъ. Оба воинства ставши въ боевой порядокъ, устремились другъ противъ друга съ равномѣрнымъ жаромъ. Лѣвое крыло у Дукаса съ начала претерпѣло было уронъ, потому что лучи возходящаго солнца

ударяли въ лицо оному; но за то правое крыло имѣло во всемъ успѣхъ. Между Императорскими кораблями, кои поставлены были десятками противъ десятковъ, особливо отличался блескомъ своимъ Филантропеновъ. Будучи величайшимъ изъ всѣхъ, замѣчателенъ еще былъ и по Императорскому скипетру, украшавшему его. Нападеніе на него учинено было съ такою пылкостію и стремленіемъ, что онъ не въ состояніи бывъ сопротивляться, попался въ полонъ. Филантропенъ, защищавши оной со всѣмъ мужествомъ, какого можно было ожидать отъ великаго воеводы, выдержалъ множество ударовъ; но они съ начала только падали на его оружіе; а на конецъ онъ получилъ такіе, которые за недостаткомъ латъ поразивъ его во многихъ мѣстахъ, привели не въ состояніе сражаться. Войска Дукасовы учинили страшное кровопролитіе между Императорскими, такъ что сіи послѣдніе были бы побиты всѣ на голову, естьлибъ нѣкоторые ихъ корабли, избѣгнувъ свирѣпости непріятеля, не убрались на берегъ; тѣ, кои сошли на землю, боясь погони за собою, оставили свои суда, и удалились въ область.

Тогда, какъ полководцы Іоанна Дукаса торжественно вели самой величайшій корабль вмѣстѣ съ начальникомъ онаго, съ храбрѣйшими воинами, и Имперскими знаменами, вдругъ Іоаннъ Деспота явился тутъ ко времени, и успѣлъ исторгнуть побѣду изъ рукъ Іоанна Дукаса. Сей Деспота предводительствуя сухопутнымъ войскомъ, и бывъ пораженъ и обращенъ въ бѣгство, удалился съ остальными силами въ Димитріаду. Но пришедши на берегъ во время самаго сраженія, и видя, что флотъ приведенъ въ потрясеніе, и почти уже разбитъ, посадилъ самыхъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ на оставленные у береговъ суда, и отправилъ ихъ на помощь къ

побѣжденнымъ. Сія новая подмога оживотворила духъ и храбрость пораженныхъ воиновъ, такъ что они воспріявъ новыя силы, вступили опять въ битву. Имперцы пользуясь возродившимся мужествомъ, напали на побѣдоносной флотъ, занимавшійся тогда только удовольствіемъ торжествованія, и все, что ни было потеряно, возвративъ назадъ, разбили въ свою очередь непріятелей, и овладѣли всѣми ихъ кораблями, изключая двухъ или трехъ утекшихъ.

Михаилъ Палеологъ по разогнаніи сей бури угрожаемъ былъ другою еще того ужаснѣйшею. Сицилійскій Король Карлъ, Государь толико же смѣлый въ предпріятіяхъ, колико искусный въ исполненіи оныхъ, вознамѣрясь на престолъ его возвести Бодуэня, вооружилъ по сему предмету сильный флотъ, и умыслилъ съ помощію онаго завоевать Константинополь. Михаилъ не могши силою противоборствовать таковому ополченію, уничтожилъ дѣйствіе онаго чрезъ хитрость. Онъ склонилъ Папу на свою сторону, обѣщаясь признать его первенствующимъ въ церкви, и подчинить ему востокъ. По сему то случаю Греческіе писатели приписываютъ его согласіе съ Римскою церковію болѣе политикѣ, нежели богоисповѣданію.

Сей Государь въ остальные годы царствованія своего всегда старался имѣть флотъ на морѣ какъ для устрашенія нѣкоторыхъ безпокойныхъ сосѣдей, могущихъ нанести ему вредъ, такъ и для обузданія наглости Генуесцовъ, не рѣдко во зло употреблявшихъ право, которое онъ имъ позволилъ на Черномъ морѣ. Смерть его послѣдовала по двадцати-четырехъ-лѣтнемъ царствованіи. Его
1282 года по Р. Хр. сынъ Андроникъ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ пріобщенный къ сувокупному съ нимъ владѣнію, заступилъ его престолъ, и воспріялъ одинъ правленіе Государства.

Михаилъ Палеологъ при смерти своей оставилъ морскія силы въ числѣ 80 кораблей; сіе ополченіе необходимо нужно было для подкрѣпленія государства, и для сохраненія столицы, окруженной множествомъ островов, которыхъ безъ флота содержать въ повиновеніи никакъ не возможно было. Равнымъ образомъ надлежало употреблять оной и для сопротивленія предпріятіямъ Латинцовъ, непрестанно уловлявшихъ случай ко вторженію въ Константинополь. Андроникъ вмѣсто того, чтобъ почувствовать всю необходимость въ содержаніи порядочныхъ морскихъ силъ, безразсудно послѣдовалъ совѣтамъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ льстецовъ, кои желая обогатить себя на щетъ Имперіи, совѣтывали ему отложить заботу о мореплаваніи, требующемъ столь великихъ издержекъ, представляя притомъ ему, что такой разходъ тѣмъ безполезнѣе, что уже нечего было ему опасаться со стороны моря, и что смертію Карла, Короля Сицилійскаго, и согласіемъ Генуесцовъ и Венеціанъ къ прекращенію всякой вражды, было уже все успокоено. Коль скоро Императоръ послушался сихъ пагубныхъ совѣтовъ: то оружейная палата вскорѣ оставлена была въ небреженіи, построеніе кораблей запущено, да и находившіяся въ гавани суда стали ветшать. Сіе то время было эпохою паденія Грековъ, и конечнаго разрушенія ихъ Имперіи. Большая часть морскихъ служителей бывъ распущены, вступили въ военную службу ко врагамъ Государства. Такимъ образомъ Константинополь, лишась орудій главнѣйшей своей обороны, вскорѣ учинился добычею набѣгамъ морскихъ разбойниковъ, а острова претерпѣвали отъ нихъ непрестанныя раззоренія.

Греки вскорѣ ощутили слѣдствія содѣланнаго ими проступка; морскіе разбойники не находя ни обузданія

своей дерзости, ни препятствія грабежамъ, опустошали берега и острова. Всякой тщился искать убѣжища отъ свирѣпости сихъ варваровъ; приморскіе жители принуждены были заблаговременно удалиться во внутренность земель; Аланы оставили службу Императора; не проходило дня, когда бы сей Государь не учинилъ какой ошибки, и не былъ подверженъ тревогамъ. Онъ также почувствовалъ, но уже поздо, что примиреніе Венеціанъ и Генуесцовъ нимало не было основательно, и что сіи народы имѣвъ естественную одинъ къ другому рѣвность, не могли долго пробыть безъ войны. Дѣйствительно Венеціане въ отмщеніе за нѣкоторыя обиды, яко бы нанесенныя имъ отъ Генуесцовъ, отправили въ Галату флотъ въ числѣ 70 судовъ. Сіи послѣдніе для избѣжанія угрожавшей имъ бури отвезши своихъ женъ, дѣтей, и все богатство въ Царь-градъ, и потомъ пересѣдши на свои галеры, уѣхали въ Черное море. Венеціане вступя въ Цареградскую гавань, находившуюся безъ всякой обороны, оказали свою лютость надъ всѣмъ тѣмъ, что принадлежало Генуесцамъ, и сожгли въ городѣ множество домовъ.

1296 года по Р. Хр.

Въ слѣдующій годъ Венеціане, опять появясь подъ Царемъ-градомъ въ числѣ 18 исправно вооруженныхъ судовъ, требовали отъ Императора расправы въ учиненной имъ обидѣ по поводу даннаго непріятелямъ ихъ, Генуесцамъ, убѣжища, и въ тоже время настояли, чтобъ съ захваченнаго у нихъ нѣкотораго имущества снято было запрещеніе, и всѣ сіи требованія представляли съ немалою надмѣнностію, какъ будто чувствуя въ разсужденіи морскихъ своихъ силъ первенство надъ такимъ Императоромъ, которой по своей безпечности не имѣлъ оныхъ. Венеціане не получа требуемаго себѣ вознагражденія,

раззоряли всѣ тѣ мѣста въ городѣ, какія только ни захотѣлось имъ, зажигали ихъ, забирали идущіе въ Царьградъ корабли, и получа знатныя добычи, наконецъ возвратились съ такимъ богатствомъ, которое составляло гораздо больше, нежели все то, чѣмъ бы они могли быть удовлетворены согласно своимъ требованіямъ.

Турки въ скорости примѣтивъ, что Имперія за неимѣніемъ кораблей уже колебалась, вознамѣрились по сему случаю воздвигнуть свое флотоводство на развалинахъ Греческаго; они построивъ военныя суда и купеческіе корабли, стали разъѣзжать около Ѳракійскихъ и Македонскихъ береговъ, и овладѣли уже многими островами и Архипелагомъ. Таковые непрестанные уроны мало по малу колебля основанія Имперіи, угрожали ей скорымъ паденіемъ. Турки же при первыхъ своихъ успѣхахъ на морѣ учинясь дерзновеннѣе, переѣхали въ числѣ 30 кораблей на островъ Хіо, и наконецъ раззоривъ оной, предали мечу множество островитянъ.

Въ сіе время Греческая Имперія находилась въ плачевномъ состояніи. Ближайшія части Азіи были добычею неистовства Турковъ; морскіе разбойники сдѣлались обладателями моря; жители островов и приморскихъ береговъ принуждены были искать убѣжища въ столичномъ городѣ, наполненномъ тогда чужеземцами, заводившими тамъ крамолы и мятежи; возмутившійся народъ съ необузданною вольностію поносилъ правительство; всякой относительно къ самому себѣ чувствовалъ тотъ вредъ, которой Императоръ причинялъ своему Государству, и особливо Константинополю запущеніемъ и невосстановленіемъ мореплаванія; да онъ и самъ о себѣ имѣлъ весьма уничижительныя чувствованія при произшедшемъ въ его глазахъ смятеніи. Иностранцы насильнымъ

образомъ входя въ жилища богатѣйшихъ нѣкоторыхъ гражданъ, грабили, сожигали ихъ домы, и побивая множество людей, удалялись на свои корабли. Андроникъ не въ состояніи будучи ни удержать, ни наказать таковыхъ безчиній, прибѣгнулъ къ Генуесцамъ, которые соединя свои корабли, учинили нападеніе на суда чужестранцовъ, отъ чего произошла между обѣими сторонами упорная и кровопролитная битва. Генуесцы въ самый полдень вели мимо Царя града по гавани свой побѣдоносный флотъ съ непомѣрною пышностію, распустя флаги, и украсивъ суда свои добычами побѣжденныхъ. Взятыя же на сраженіи въ плѣнъ суда слѣдовали за ними въ безпорядкѣ, имѣя худое снаряженіе, безъ знаменъ, и безъ всякихъ знаковъ почести и отличія. Таковое тщеславіе Генуеской храбрости въ тоже самое время служило посрамительнымъ титломъ слабости Императора, презираемаго побѣдителями до того, что они не хотѣли даже уступить ему ни одной части судовъ, плѣнниковъ или добычи.

1320 года по Р. Хр. Андроникъ Палеологъ чувствуя неудобь-носимую тягость правленія, приобщилъ къ себѣ для раздѣленія оной сына своего Михаила; но сей товарищь не долго поживъ, умеръ на сорокъ третьемъ году; сынъ его Андроникъ заступилъ мѣсто его. Такимъ образомъ два Андроника въ одно время сидѣли на Царе-градскомъ престолѣ; для различія же одинъ назывался старшимъ Андроникомъ, а другой младшимъ. При обоихъ послѣдовали новыя нещастія за тѣми, которые уже издавна раздирали государство. Пламень междоусобной брани нечувствительно возпылалъ, и между тѣмъ, какъ каждой изъ главныхъ чиноначальниковъ старался съ своей стороны о усиленіи крамолъ, вдругъ одно нечаянное

произшествіе дало еще одинъ разъ почувствовать, сколь пагубно было для государства упраздненіе мореплаванія. Когда Генуескіе морскіе разбойники отняли нѣкоторую сумму денегъ на купеческомъ кораблѣ, Венеціанской республикѣ принадлежавшемъ; то Венеціане отправясь въ числѣ 40 исправно вооруженныхъ судовъ, окружили Генуесцовъ въ Галатѣ, дабы принудить ихъ къ обратной выдачѣ взятыхъ имъ денегъ; сей флотъ находясь пятнадцать дней въ Царе-градской гавани, захватывалъ всѣ входящіе туда корабли, и пресѣкая съѣстные подвозы въ сей нещастной городъ, довели было его до самой крайней степени гибели. 1328 года по Р. Хр.

Старшій Андроникъ проводя печальные остатки дней своихъ въ мятежахъ и раздорахъ, наконецъ лишился зрѣнія, а въ 1330 году вступя въ монашескій чинъ, умеръ спустя два года послѣ того. Младшій Андроникъ по случаю смерти сей сдѣлавшись одинъ обладателемъ Имперіи, почелъ должностію возстановить дѣла государственныя. Онъ поступалъ по совѣтамъ Іоанна Кантакузена, который бывъ превосходнаго ума человѣкъ, а притомъ его другъ, и великій воевода силъ сухопутныхъ, совѣтовалъ ему немѣдленно привести въ прежнюю силу мореплаваніе; Императоръ далъ приказаніе, чтобъ по сему предмету всевозможнѣйшій употребить трудъ, да и вскорѣ уже имѣлъ случай дѣйствовать морскими силами съ успѣхомъ. Одинъ Генуесецъ, по имени Захарій, въ царствованіе старшаго Андроника овладѣлъ островомъ Хіо; Императоръ по причинѣ безпокоившихъ его неоднократныхъ набѣговъ отъ Турковъ не осмѣливаясь еще покуситься на изгнаніе сего похитителя оттолѣ, принужденъ былъ заключить съ нимъ договоръ, по силѣ коего условлено было, чтобы Захарію 1332 года по Р.Х р.

владѣть симъ островомъ чрезъ десять лѣтъ безъ платежа дани, и чтобъ однако войска Императорскія туда были введены, а по истеченіи десяти оныхъ лѣтъ островъ былъ отданъ назадъ. Захарій такимъ образомъ пріобрѣтши миръ, повелѣлъ для обезпеченія области своей дѣлать укрѣпленія; по окончаніи десяти лѣтъ велѣно было напомянуть Генуесцу, чтобъ онъ оставилъ островъ; но сей потребовалъ отсрочки еще на пять лѣтъ; Андроникъ принужденъ былъ и на то согласиться; послѣ того снова пятилѣтній срокъ потребованъ, и снова позволенъ. Въ сихъ перемѣжкахъ времени Захарій умеръ; двое дѣтей его Мартинъ и Бенедиктъ желая слѣдовать примѣру отца своего, и удержать владѣніе острова, требовали также отсрочекъ; однако Андроникъ приведя въ устройство дѣла свои, не хотѣлъ уже слышать о томъ. По совѣту великаго воеводы своего приказавъ построить галеры, и присовокупя къ нимъ всѣ находившіяся въ гаваняхъ суда, составилъ такимъ образомъ флотъ изъ ста пяти одно-ярусныхъ, двухъ-ярусныхъ и трехъ-ярусныхъ судовъ. Императоръ самъ предводительствуя флотомъ, отправился къ острову Хійскому, а по учиненіи высадки и при помощи нѣкоторыхъ сношеній овладѣлъ островомъ, взявъ въ полонъ Мартина.

Другой Генуесецъ по имени Доминикъ вооружа на своемъ иждивеніи одиннатцать галеръ, и къ сему числу присоединя еще шесть другихъ, одинъ изъ Сициліи, и пять изъ Делоса, поѣхалъ съ симъ небольшимъ флотомъ, и нападши на островъ Митилинскій, овладѣлъ онымъ. Императоръ сдѣлалъ Генуесцамъ жестокія укоризны въ таковомъ похищеніи; но видя, что они малое къ сему имѣли уваженіе, вооружилъ 84 корабля разной величины, не щитая грузовыхъ судовъ, и съ симъ флотомъ

отправился къ Митилинскому острову; Доминикъ ожидалъ его съ твердостію, вознамѣрясь съ нимъ вступить въ сраженіе; но по нечаемому приключенію долженъ былъ отмѣнить свое намѣреніе. Делосскій полководецъ не совѣтуя ему отваживаться на сраженіе съ Императоромъ, коего силы еще не извѣстны ему были, оставилъ его, и уѣхалъ въ Делосъ. Доминикъ приведенъ будучи въ безсиліе таковымъ отпаденіемъ Делосцевъ, старался привести себя въ безопасность; но видя преслѣдованіе, и не могши ни бѣжать, ни сразиться, сошелъ на берегъ, и скрылся въ лѣсахъ. Императоръ овладѣвъ его судами, довершилъ сію побѣду завоеваніемъ многихъ городовъ. Послѣ сего похода Императоръ опять вступя въ морской путь, увѣдомился, что 16 выступившихъ изъ Генуи галеръ съ присовокупленіемъ еще шести бывшихъ въ Митилинѣ, намѣрены были напасть на него; тогда онъ для усиленія себя противъ сихъ новыхъ непріятелей потребовалъ помощи отъ Султана Саркана, которой немѣдленно и прислалъ къ нему 24 корабля, а вскорѣ послѣ того еще тридцать. Съ симъ ополченіемъ началъ дѣлать поиски за Генуесцами; но сіи устрашены будучи таковою силою, удалились вспять. Такимъ образомъ великій воевода благоразумнымъ своимъ распоряженіемъ окончилъ сію войну безъ всякаго пролитія крови. Генуесцы опять вступя въ свою должность, просили у Императора прощенія; Андроникъ послѣ сего приведши въ повиновеніе Митилинъ, съ торжествомъ возвратился въ Царь-градъ.

Турки съ своей стороны нѣкоторыми своими движеніями нанося тревогу Императору, отправили войско свое на 36 корабляхъ съ тѣмъ, чтобъ пограбить Цареградскія окрестности. Андроникъ выступя противъ

нихъ съ двумя галерами, отрядилъ великаго воеводу своего для оспориванія высадки у нихъ; сей военачальникъ наступя на нихъ, разбилъ на голову. Тѣ, кои могли избѣгнуть отъ силы мужества его, спаслись только на трехъ судахъ, оставя у берегу 33 другихъ, доставшихся въ руки Императору. Въ слѣдующую ночь девять Турецкихъ кораблей не вѣдая судьбы товарищей, съ коими они хотѣли соединиться, подъѣхали къ Царю-граду, и коль скоро усмотрѣли двѣ Андрониковы галеры: то съ стремительностію ударя, едва было не захватили одну изъ нихъ; но бывшіе на ней будучи оживлены присутствіемъ Императора, взяли въ плѣнъ восемь изъ оныхъ кораблей, исключая девятаго, пустившагося на утечку.
1341 года по Р. Хр. Младшій Андроникъ скончался на сорокъ пятомъ году отъ рожденія своего, оставя по себѣ въ самомъ юномъ возрастѣ двухъ сыновей, Іоанна и Еммануила.

По смерти Императора Іоаннъ Кантакузенъ содержа дѣтей его подъ опекою своею, правилъ Имперіею; а вскорѣ послѣ того и самъ возшелъ на престолъ. Онъ имѣлъ жестокаго врага въ Лидѣ, именемъ Апокавка, человѣка низкой породы, но пронырливаго и честолюбиваго, который по довѣрію Кантакузена даже возведенъ былъ въ первыя достоинства въ государствѣ. По кончинѣ Андроника ему хотѣлось взойти на престолъ; но какъ Кантакузенъ служилъ ему великимъ препятствіемъ въ любочестіи; то и умыслилъ погубить его, поссоривъ съ молодымъ Императоромъ Іоанномъ, и Императрицею его матерью, такъ что сіи объявили ему войну; а по сему то самому поводу Кантакузену и досталась Имперія. Онъ провозглашенъ бывъ Императоромъ въ Дидимотекѣ, надѣлъ на себя червленныя сандалія, багряницу и Императорскую шапку. (*)

(*) *le bonnet Imperial.*

Провозглашеніе Кантакузена было знакомъ жестокой междоусобной брани; Апокавкъ принявши сторону Іоанна единственно ради того, чтобъ занять его мѣсто, и непрестанно раздувая пламень междоусобія, возведенъ былъ въ достоинство великаго Князя (*), или великаго флотоводца; имѣя же всю власть юнаго Императора въ своихъ рукахъ, отправилъ сухопутное войско противъ Кантакузена, а самъ въ числѣ 70 кораблей поѣхавъ въ Солунь, присталъ къ берегу. Тутъ онъ всю свою тщательность прилагалъ къ уничтоженію намѣреній Кантакузена, не совсѣмъ еще утвердившагося на престолѣ. Амиръ, сынъ Актиновъ, Іоническій Султанъ, искренній другъ Кантакузена, узнавъ о его положеніи, полетѣлъ къ нему на помощь съ 380 судами какъ большими, такъ и малыми, посадя на нихъ 29000 человѣкъ; однако сія помощь никакой не сдѣлала пользы; потому что Амиръ бывъ обманутъ подложнымъ письмомъ отъ имени Кантакузена, въ которомъ якобы сей просилъ его отъѣхать назадъ, возвратился на судахъ въ свою область.

1342 года по Р. Хр.

1344 года по Р. Хр.

Апокавкъ опасаясь, дабы Амиръ опять не пріѣхалъ на помощь къ Кантакузену, велѣлъ заперетъ галерами своими всѣ проходы; а Кантакузенъ, чтобы обмануть его бдительность, приказалъ построить скрытнымъ образомъ барку въ частномъ домѣ, и вывесть ее ночнымъ временемъ на морской берегъ въ такое мѣсто, которое не имѣло стражи. Одинъ изъ его друзей, сѣдши въ нее, поплылъ въ Смирну, и чрезъ нѣсколько дней благополучно прибывъ туда, отдалъ въ руки Амиру письмо отъ Кантакузена, въ которомъ просилъ онъ о вспоможеніи въ такой крайней нуждѣ. Амиръ тотчасъ вооружилъ

(*) Grand duc;—Великій Князь, или первый воевода.

флотъ въ числѣ почти двухъ сотъ судовъ, и снабдивъ его достаточнымъ числомъ денегъ, людей и съѣстныхъ припасовъ, доѣхалъ до Эввейскихъ береговъ, и тутъ задержанъ былъ противною погодою. Апокавкъ приведенъ будучи въ смущеніе таковымъ вооруженіемъ Турковъ, всѣми силами старался привлечь къ себѣ Амира; но сей не преставая хранить приверженность къ своему другу, понудилъ симъ самымъ Апокавка возвратиться въ Царьградъ. По поводу сего единственно отношенія къ Кантакузеновымъ дѣламъ, Амировы войска имѣли случай произвесть не малыя опустошенія во Ѳракіи и во многихъ другихъ мѣстахъ; а послѣ сего Амиръ по долгу благоразумія обязанъ былъ возвратиться назадъ, тѣмъ болѣе, что Латинцы, желая воспользоваться его отбытіемъ, подступили съ 24 галерами къ Смирнѣ, и хотѣли овладѣть ею; но онъ въ скорости туда подоспѣвъ, уничтожилъ ихъ нападеніе.

Сія междоусобная война, продолжавшаяся пять лѣтъ, приводя Имперію въ великое безсиліе, низвергла бы ее въ неминуемую бездну, естьлибъ еще далѣе простиралась; но смерть Апокавка много способствовала къ прекращенію оной. Кантакузенъ избавясь такого страшнаго непріятеля, и нашедъ способъ въѣхать въ Константинополь, примирился съ Императоромъ Іоанномъ и Им-
1346 года по Р. Хр. ператрицею его матерью; а для утвержденія мирнаго сего союза, сочеталъ бракомъ дочь свою съ Императоромъ Іоанномъ.

По окончаніи сей Кантакузеновой войны морскія силы Имперіи находились весьма въ худомъ состояніи, отъ чего вышли очень дурныя слѣдствія. Латинцы (*),

(*) Сіи Латинцы были тѣже Генуесцы.

основавшіеся въ Галатѣ, пользуясь сею слабостію Государства, овладѣли Фокеей, Митилиномъ и Хіо; видя же, что Императоръ остается спокойнымъ обладателемъ верховной власти, требовали отъ него уступки нѣкоего пространства земли съ тѣмъ, чтобъ имъ, какъ они объявляли, сдѣлать крѣпость свою нѣсколько побольше; но дѣйствительное намѣреніе ихъ было то, чтобъ учинить ее неприступною. Императоръ отказавъ имъ въ сей милости, подлинно его пользамъ противоположной, въ то же самое время велѣлъ вооружить нѣсколько военныхъ кораблей. Латинцы огорчась таковымъ отказомъ на ихъ требованіе и приготовляемымъ вооруженіемъ, овладѣли пространствомъ земли, и стали на ней утверждать свою крѣпостцу; а для облегченія своихъ работъ, и для дальнѣйшаго соблюденія владычества надъ моремъ, вооружили корабли, галеры и барки, и пожегши въ предмѣстіяхъ Цареградскихъ всѣ домы, а на верфи нѣсколько судовъ, раззорили всю тамошнюю сторону. Императоръ находясь тогда за болѣзнію своею въ Дидимотекѣ, велѣлъ привезти себя въ Константинополь, дабы лучше воспротивиться таковымъ насиліямъ, и отдалъ понудительные приказы о немѣдленномъ заготовленіи кораблей; но построеніе ихъ происходило съ крайнимъ затрудненіемъ, для того что, по господствованію Латинцовъ на морѣ, надлежало потребные къ тому лѣса перевозить сухимъ путемъ. 1353 года по Р. Хр.

Латинцы будучи тогда увѣрены, что Императора надлежало предупредить, учинивъ нападеніе прежде, нежели онъ сдѣлается сильнѣе, поставили огромную каменометную машину на большой корабль, завезенный ими съ галерами, и изъ сей машины бросали въ городъ множество каменьевъ, наносившихъ болѣе страха, нежели вреда.

Императорскіе корабли бывъ сами въ готовности, и произведши съ своей стороны тревогу на Галатскихъ берегахъ, потопили большой корабль съ помянутой машиной; а четыре особливыя судна, нападши на одинъ съ богатымъ грузомъ Генуеской корабль, стоявшій на якорѣ близъ *Княжаго* острова (*), пустили искуственные огни, и учиня сцѣпку, побили на немъ множество людей; но Галатскіе Латинцы подоспѣвъ на помощь, стянули на берегъ сей уже полу-горящій корабль. Императорскій флотъ въ хорошемъ устройствѣ выступивъ на сраженіе съ Латинцами, напослѣдокъ уже состоялъ изъ великаго числа кораблей, барокъ и прамовъ съ солдатами; но воставшій порывистый вѣтръ уничтожилъ намѣренія Императора, такъ что три изъ его галеръ снабженныя бойницами опрокинуты были въ море, а съ одной по обрушеніи яруса всѣ солдаты и морскіе служители, находившіеся на ономъ, низвержены были въ волны. Латинцы причаливъ сіи галеры къ берегу, сожгли; на другой день по утру они для оглашенія сего выигрыша снарядя корабли, украсили ихъ цвѣтками, и въ семъ пышномъ нарядѣ много разъ проѣзжали мимо Императорскаго дворца, неся какъ бы съ торжествомъ знамена побѣжденныхъ. Кантакузенъ желая вознаградить сей злополучный уронъ, вооружилъ новый флотъ; изумленные сими новыми приготовленіями Латинцы боясь испортить дѣла свои безразсуднымъ упорствомъ, потребовали мира, и получили его.

Греческіе Императоры по неимѣнію у себя флотоводства часто бывали игралищемъ Венеціанъ и Генуесцовъ; а какъ сіи послѣдніе, содержа сильные флоты на моряхъ Іоническомъ, Эгейскомъ и Черномъ, содѣлались толь

(*) Это необитаемый островъ по близости Царя-града.

страны, что безъ всякой боязни отвергали права, установленныя Царе-градскими Императорами; то и надлежало тогда по необходимости заключать съ ними договоры, приносящіе мало чести, а наипаче въ царствованіе Кантакузена, который въ такое пришелъ безсиліе противъ утвердившихся въ нѣдрахъ государства его чужеземцовъ, что не въ состояніи бывъ имъ отмстить за обиды, принужденъ былъ въ безчисленныхъ случаяхъ притворяться. Въ прочемъ онъ столь сильно огорченъ былъ обитателями Галаты, что велѣлъ осадить городъ сей съ моря и сухаго пути. Флотъ его, порученный начальству Тарханіота *Протостратора* (*), совокупно съ Венеціанскимъ, бывшимъ подъ предводительствомъ Николая Пизани, составлялъ всего на все тритцать двѣ галеры; но всѣ сіи приготовленія были безполезны. Пизани узнавъ, что Генуесскій флотъ выѣхалъ на сраженіе въ числѣ семидесяти галеръ подъ начальствомъ Пагана Доріи, убрался назадъ; и хотя опять было съѣхался съ нимъ; но опять убѣжалъ съ такою поспѣшностію, что скрылся отъ непріятеля, и уѣхалъ въ Эввею. Кантакузенъ будучи оставленъ Венеціанами, возвратился въ Константинополь.

Паганъ по безплодномъ преслѣдованіи начальника Венеціанскихъ галеръ, отправился въ путь къ Царю-граду; но будучи занесенъ вѣтромъ въ Ираклійскую гавань, претерпѣлъ нѣкоторыя оскорбленія отъ тамошнихъ жителей; почему осадя сей городъ, отмстилъ за народную обиду, а по разграбленіи взялъ его, и обратилъ путь въ Галату. Императоръ получивъ извѣстіе о его приближеніи,

(*) *Протостраторъ* назывался тотъ, которой во время, какъ Императоръ садился на лошадь верхомъ, держалъ ее за подуздицу. По руски можно здѣсь, кажется, перевесть слово, *Протостраторъ*, первостремянный, или главный, подуздникъ.

приказалъ устроиться своимъ кораблямъ; но безъ помощи Венеціанъ не могъ сдѣлать отпора. Николай Пизани по возвращеніи своемъ въ Венецію, отправился опять въ походъ въ числѣ 70 судовъ, между коими 26 Каталонскихъ было; но вмѣсто того, чтобъ не мѣдля съѣхаться съ непріятелями, и не дать имъ времени осмотрѣться, онъ только разъѣзжалъ около острововъ, а сею мѣшкотностію пропустилъ случай къ пораженію Генуесцовъ; наконецъ будучи убѣжденъ непрестанными докуками Императора, и сильнымъ настояніемъ Каталонскаго полководца, приказалъ стать на якорь подъ *Княжинъ* островомъ (*), а три дни спустя соединился съ Императорскимъ флотомъ.

Паганъ въ числѣ семидесяти галеръ находясь въ Халкидонѣ противъ самаго Царя-града, ежедневно приучалъ ихъ къ битвамъ, не желая въ прочемъ дѣйствительныхъ; по превосходному же своему искуству въ мореплаваніи предвидя будущую ужасную бурю, не снимался съ якоря, и стоялъ спокойно въ той надеждѣ, что коль скоро непріятели на пути своемъ къ Царю-граду застижены будутъ непогодою; то въ то время онъ воспользуется ихъ замѣшательствомъ. Дѣйствительно съ южной стороны поднялся столь сильной вѣтеръ, что Венеціанскій флотъ едва не былъ брошенъ на подводные камни, находящіеся близь Царя-града, и служащіе защитою входовъ. Начальствующій надъ Императорскими кораблями Трахоніотъ, вѣдая опасность лучше другихъ, и выступя изъ мѣста, устремился съ жестокостію на Генуесцовъ, не предостерегшихъ себя отъ толь дерзновеннаго нападенія; Ишпанцы послѣдовали ему, а Пизани, поощряемый толь

(*) Необитаемый островъ, какъ выше сказано.

изряднымъ примѣромъ храбрости, принужденъ былъ не отставать отъ нихъ.

Генуесцы не въ силахъ будучи выдержать въ одинъ разъ стремленія какъ отъ бури, такъ и непріятелей, удалились въ Галату; но видя сильную за собою погоню, стали на якорь въ одномъ мѣстѣ, которое, по множеству скрывающихся въ тамошнихъ водахъ камней, называлося *Врако-фигомъ*. Венеціане зная опасность сего мѣста, съ великою осторожностію подъѣхали туда, и нападши на Генуесцовъ, получили надъ ними нѣкоторой выигрышь. Ишпанцы не вѣдая, что въ семъ мѣстѣ надлежало опасаться подводныхъ скалъ, безразсуднымъ образомъ пустились туда съ своими галерами, и претерпѣли крушеніе, сражаясь однако съ немалымъ мужествомъ; но застигшая ночь разлуча обѣ стороны, спасла Генуесцовъ. Ишпанцы не довольно зная сіе море, претерпѣли въ сію ночь знатный уронъ. Нѣкоторыя изъ ихъ галеръ, ударясь на камни, лишились многихъ людей, которые по тяжести оружія своего не могши плыть, потонули; другіеже бывъ обольщены свѣтечами, зажженными на принадлежавшемъ Генуесцамъ берегу Галатскомъ, заѣхали туда въ томъ мнѣніи, что ѣдутъ въ Царь-градъ. Наступившій день озарилъ побоище двухъ ополченій; потеря на той и другой сторонѣ была велика; Генуесцы лишились 18 галеръ; Венеціане и Ишпанцы 16; а Императору ни во что стало.

Сія побѣда была довольно знаменита; но Пизани за своимъ нерадѣніемъ не умѣлъ собрать всѣхъ плодовъ оной. Императоръ вмѣстѣ съ Ишпанскимъ полководцемъ понуждалъ его обратить силы на удалившихся въ Галату побѣжденныхъ Генуесцовъ, представляя ему, сколь легко можно было напасть на нихъ какъ въ гавани, такъ и въ

самомъ городѣ; но ни что не могло подвигнуть слабодушнаго Венеціанина, ниже преклонить упорства его. Онъ, какъ будто побѣжденный, забрался на самыя тѣсныя воды; а Паганъ сдѣлавшись дерзновеннѣе отъ трусости Пизаніевой, и взошедъ опять на свои суда, показалъ видъ такой, что хочетъ дать вторичную битву. Императоръ будучи увѣренъ, что сіе пустое величаніе храбрости прикрывало одно токмо его. малодушіе, вступилъ снова въ дѣло; но ни какъ не могъ преодолѣть упрямства Венеціанскаго полководца.

Генуесцы не видя больше ни какого дѣйствія со стороны непріятелей, должествовавшихъ по всѣмъ правиламъ войны учинить на нихъ нападеніе, увѣрились, что сіи послѣдніе тогда были въ страхѣ. Они снова чувствуя въ сердцахъ своихъ возродившуюся бодрость, думали, что имъ надлежитъ напасть на объятыхъ боязнію людей, да и въ состояніи были то произвесть. Императоръ и Ишпанскій полководецъ оскорбясь до крайности тѣмъ, что слабость Пизаніева учинила Генуесцовъ смѣлѣе, снова понуждали его къ дѣлу, присовокупляя къ сильнѣйшимъ причинамъ чувствительнѣйшіе упреки; но все было тщетно. Ишпанецъ видя ущербъ славы своей, произшедшій отъ бездѣйственности своего товарища, умеръ съ печали. На мѣсто его поступилъ чиновникъ, одаренный рѣдкимъ благоразуміемъ, и испытанною храбростію. Императоръ хотѣлъ убѣдить и его, дабы онъ соединился съ нимъ противъ Генуесцовъ, надѣясь чрезъ то вовлечь въ дѣло и Пизанія, который во время ихъ дѣйствія постыдился бы своей праздности. Новый полководецъ, обязанный всякое начинать дѣло единственно по предписаніямъ Венеціанскаго начальника, видя себя въ горестной необходимости или быть побѣжденнымъ,

или оказаться преслушнымъ, не хотѣлъ послѣдовать увѣщаніямъ Императора. А какъ въ сіе самое время пришли три изрядно вооруженныя и снабженныя людьми Испанскія галеры: то и полагали, что сія новая подмога поколеблетъ упрямаго Пизанія: однакожь обманулись; потому что онъ желая показать ясно, что нимало не намѣренъ вступать въ сраженіе, перемѣнилъ мѣсто свое, и сталъ на якорь въ другомъ отдаленнѣйшемъ отъ непріятелей, но гораздо опаснѣйшемъ, поколику весьма подверженномъ насилію волненія. Императоръ явственно видя, что восточные вѣтры, обыкновенно дующіе въ семъ мѣстѣ, неминуемо бросятъ его на каменныя твердыни, далъ ему знать, чтобъ онъ искалъ безопаснѣйшаго пребыванія; но онъ съ толикимъ же упорствомъ отвергая совѣты, какъ и оставляя въ покоѣ Генуесцовъ, не остался однако безъ наказанія за свое жестокосердіе. Въ слѣдующую ночь галеры его, и слѣдовавшія за нимъ Ишпанскія суда, претерпѣли такую бурю, что изъ нихъ погибло семь, а другія едва могли спастися. Наконецъ Пизани собственнымъ безразсудствомъ упустя изъ самыхъ рукъ побѣду, и потерявъ суда, возвратился оттолѣ въ Венецію; а Императоръ будучи оставленъ союзниками, вступилъ съ непріятелями въ договоръ, и заключилъ миръ.

Паганъ при совершенномъ исполненіи должности превосходнаго военачальника былъ смѣненъ; а Пизани при поведеніи, по видимому недостойномъ великаго полководца, былъ оставленъ на прежнемъ мѣстѣ. Императоръ Кантакузенъ, описавши самъ всѣ сіи произшествія, въ которыхъ онъ столько участвовалъ, не объявляетъ тому причинъ. Антоній Гримальди, занявши мѣсто Пагана, и знатнымъ числомъ увелича флотъ свой, поѣхалъ съ онымъ изъ Генуи

на встрѣчу Венеціанамъ. Пизани также прибавя къ своему нѣсколько галеръ, отправился изъ Венеціи для поиска за Генуесцами. Они съѣхавшись по близости Сардиніи, учинили схватку; Гримальди потерялъ сраженіе, и тридцать двѣ галеры. О сей битвѣ подробнѣе узнаемъ въ повѣствованіи о мореходствѣ Венеціанъ.

1353 года по Р. Хр.

Симъ пораженіемъ высокоуміе Генуесцовъ нѣсколько было уничижено; но подмога, полученная отъ Медіоланскаго Герцога, которому они подчинились, возобновила ихъ бодрость. Они вооружа новый флотъ, поручили его опять начальству Пагана. Венеціане также отправили морское ополченіе подъ предводительствомъ Пизанія. Будучи же насыщены одержанною ими побѣдою, отринули вспоможеніе Ишпанцовъ, и не хотѣли съ ними раздѣлить той славы, которая, по мнѣнію ихъ, въ предначатомъ ими походѣ должна только имъ принадлежать; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ихъ надеждѣ. Оба войска встрѣтившись по близости Модона, вступили въ сраженіе, на которомъ Венеціане совершенно бывъ разбиты, потеряли почти всѣ свои суда. Обстоятельства сей битвы также видны будутъ въ списаніи мореходства Венеціанъ. Побѣжденные, бывъ утомлены толико для нихъ истощительною войною, потребовали у побѣдителей мира, который тѣмъ охотнѣе былъ имъ дарованъ, чѣмъ для нихъ самихъ былъ вождѣленнѣе.

1355 года по Р. Хр.

Императоръ Кантакузенъ проводилъ остальную свою жизнь въ крайнихъ безпокойствіяхъ, такъ что отказавщись отъ государства и всего свѣта, вступилъ въ монашеское званіе. По его удаленіи Имперія управляема была зятемъ его Іоанномъ, Мануиломъ, Іоанномъ и Константиномъ. Сіи послѣдніе во время своего державствованія, оставя мореходство въ небреженіи, долженствовали

выдерживать многочисленныя нападенія отъ Турковъ, которые мало по малу потрясая основанія Имперіи, наконецъ подъ предводительствомъ Магомета втораго въ царствованіе Константина совершенно испровергли оную, о чемъ сказано будетъ въ описаніи мореплаванія Турковъ.

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.	Строч.	Напечатано:	Читать:
6	29	ловца	пловца
—	32	въ плавъ	вплавь
8	9	корабли	суда
—	31	кораблей	судовъ
9	15	подѣлали для себя буяны	подѣлали буяны
—	16	изъ себя	у себя
10	11	кораблей	судовъ
13	1	было стать	было имъ садиться
15	5	была превозходна	колесницъ превосходна
22	20	въ заливѣ	въ заливѣ.
23	2	барку,	барку
28	13	стрѣлъ своихъ на сію	стрѣлъ на сію
—	15	сію только	сію одну
—	—	въ свои руки	въ руки
29	23	корабли	суда
31	6	подъ *Акціумъ*	подъ *Акціемъ*
—	11	убійцы, убѣжавъ	убійцы удалясь
33	26	кораблями	судами
34	8	корабли	суда
—	11	корабля	судна
35	25	150 кораблей	150 судовъ
36	5	когда	ибо какъ
—	9	ибо тогда	тогда
—	11	кораблей	судовъ
—	32	Мурκъ Агенобарбъ	Муркъ, Агенобарбъ
37	1	съ 260 кораблей	съ 260 судовъ
38	13	кораблей	судовъ
—	17	корабли	суда
39	11	200 кораблей	200 судовъ
40	въ выноскѣ 5	баковь	банокь
43	28	между тѣмъ	въ сіе время
44	4	въ сіе время	тогда

Стран.	Строч.	Напечатано:	читать:
45	7	правда онъ нѣсколько	правда нѣсколько
46	8	300 кораблей	300 судовъ
—	29	корабля	судна
47	18	бѣдстію	бѣдствію
48	1	время, въ состояніи	время, и въ состояніи
49	21	многочислены	многочисленны
51	3	силы его	силы Помпея
53	25	шестисотъ кораблей	шестисотъ судовъ
56	32	готовымъ	готовымъ;
57	6	погубилъ	губилъ
—	21	блистала своими прелестями	блистала прелестями
58	3	уже и навыкшіе	уже навыкшіе
—	10	поставилъ на бойницахъ	поставилъ ихъ на бойницахъ
—	31	управлялъ. Целій	управлялъ Целій;
59	9	такъ какъ	равно какъ
—	10	стольже мало могли	не въ силахъ были
—	11	ни	такъ, чтобъ
—	12	разбивая оные	могли разбивать оныя,
—	—	ниже	или
—	—	сокрушая	сокрушать
—	14	части, (bec)	части (bec).
—	24	они то	они, то
—	25	не давая	и не давая
—	26	и между тѣмъ	а между тѣмъ
61	31	кончаніе	окончаніе
62 въ выноскѣ	6	OCS	COS
64	17	Тиверія приводитъ въ подозрѣніе	въ Тиверіи возбуждать подозрѣніе
66	31	ни какъ	никакъ
67	10	нѣсколько судовъ	нѣкоторыя суда
—	28	роботу	работу
68	32	береговъ	береговъ;
69	3	поставила	поставлены

Стран.	Строч.	Напечатано:	Читать:
—	16	цѣну	силу.
70	3	порто	портъ
—	4	сей трудъ	сіе произведеніе
—	5	пышныхъ произведеній;	пышныхъ;
—	11	Клавдій	Клаудій
71	20	корабельнымъ вѣнцемъ	корабельными вѣнцами
72	29	Іоппеи	Іоппеи.
— въ выноскѣ	3	Ex con. c. c, II;	Ex con. c. c. II;
73	1	Завулова	Завулонова
—	17	вѣтвь съ слѣдующею	вѣтвь, съ слѣдующею
—	20	Сирскаго своего похода	Сирскаго похода
74	4	которые носили	носившихъ
—	5	и по сему то поводу узнали	по поводу чего и узнано было,
75	11	на парусахъ	подъ парусами
77	17	сбергаемому	сберегаемому
81	15	гласъ	глазъ
83	5	въ Византію;	въ Византію,
85	11	по Аякской	по Аяксовой
—	14	Халкидонъ	Халкидонію
86	19	годовъ, флотъ	годовъ флотъ
89	1	незнакомую	въ незнакомую
—	4	смертной	смертельной
90	20	Меотическомъ	Меотическомъ,
—	21	(Азовскомъ) морѣ	(Азовскомъ морѣ),
95	14	тотчасъ бы оробѣвъ,	тотчасъ оробѣвши,
—	15	безъ труда могли	безъ труда бы могли
—	25	писалъ дабы	писалъ, дабы
99	15	медлили здачей	мѣдлили здачею,

Стран.	Строч.	Напечатано:	Читать:
104	2	забравъ	забрали
118	5	(трех-ярусныхъ)	(трехъ-банковыхъ)
119	19	кораблей	судовъ
120	16	изъ 300	изъ 3000
121	8	онѣ	они
123	7	паландровъ	паландровъ,
—	9	называются (balandrs)	называются, balandres;)
—	26	(Томашь)	(Томашь),
128	3	Срацинъ	Сарацинъ
—	7	оставленнымъ	оставленнымъ,
—	19	по имени недавно	по имени сего недавно
—	—	ими сего города	ими города
136	31	ополченія присовокупя еще	ополченія
139	въ выноскѣ 2	Императора	Короля
146	на полѣ у 1. и 2. строч.	1083 года	1038 года
155	13	выше даже самыхъ	выше самыхъ
168	2	отъѣхалъ	выступилъ
169	1	отъ сего избавиться	избавиться
—	27	значитъ	значитъ:
172	15	сокрытъ,	сокрытъ
—	25	видѣли	видѣли,
174	20	развѣвающіеся:	развѣвающіеся,
180	5	и овладѣлъ	и овладѣвъ
181	7	состояшій	состоящій
—	12	оной	его
—	15	военные	военныя
190	22	овладѣль	овладѣвъ
—	23	взявъ	взялъ
197	въ выноскѣ	протостраторъ	протостраторомъ

